

**ВЕСТНИК СУРГУТСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

**SURGUT STATE
UNIVERSITY JOURNAL**

12+

**БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
ХАНТЫ-МАНСКИЙСКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА – ЮГРЫ
«СУРГУТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»**

**ВЕСТНИК СУРГУТСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

**SURGUT STATE
UNIVERSITY JOURNAL**

Научный журнал

ТОМ 14, № 2

**Сургут
2026**

Учредитель и издатель

Бюджетное учреждение высшего образования Ханты-Мансийского автономного округа – Югры
«Сургутский государственный университет»

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации СМИ Эл. № ФС77-85690 от 03.08.2023.

Издается с декабря 2013 года.

Выходит 4 раза в год.

Главный редактор

Шарамеева Ольга Александровна, канд. экон. наук, доцент (Сургут)

Заместитель главного редактора

Попова Лариса Александровна, канд. юрид. наук, доцент (Сургут)

Редакционная коллегия

Дядькин Дмитрий Сергеевич, д-р юрид. наук, проф. (Сургут)
Жадобина Наталья Николаевна, канд. юрид. наук, доцент (Сургут)
Зубарева Любовь Витальевна, д-р экон. наук, проф. (Сургут)
Каратаев Алексей Сергеевич, д-р экон. наук, проф. (Сургут)
Кодинцев Александр Яковлевич, д-р юрид. наук, проф. (Санкт-Петербург)
Нехайчик Владимир Казимирович, канд. юрид. наук, доцент (Сургут)
Поликов Юлиан Николаевич, д-р экон. наук, доцент (Донецк)
Чарковская Нозми Ивановна, канд. юрид. наук, доцент (Сургут)
Чуланова Оксана Леонидовна, д-р экон. наук, доцент (Сургут)
Ширинкина Елена Викторовна, д-р экон. наук, доцент (Сургут)
Ямпольская Наталья Юрьевна, д-р экон. наук, доцент (Сургут)

Редакционный совет

Архипов Игорь Валентинович, д-р юрид. наук, доцент (Москва)
Бархатов Виктор Иванович, д-р экон. наук, проф. (Челябинск)
Белкин Анатолий Рафаилович, д-р юрид. наук, проф. (Москва)
Борков Виктор Николаевич, д-р юрид. наук, доцент (Омск)
Галазова Светлана Сергеевна, д-р экон. наук, проф. (Владикавказ)
Гусева Валентина Ивановна, д-р экон. наук, проф. (Бишкек)
Дежнёв Александр Сергеевич, д-р юрид. наук, доцент (Омск)
Жаров Сергей Николаевич, д-р юрид. наук, доцент (Челябинск)
Зайцева Лариса Владимировна, д-р юрид. наук, доцент (Тюмень)
Зеленцов Александр Борисович, д-р юрид. наук, проф. (Москва)
Зырянова Татьяна Владимировна, д-р экон. наук, проф. (Екатеринбург)
Ибрагимов Солиджон Ибрагимович, д-р юрид. наук, проф. (Душанбе)
Иванчина Юлия Валерьевна, д-р юрид. наук, доцент (Екатеринбург)
Истомина Елена Александровна, д-р юрид. наук, доцент (Екатеринбург)
Камышова Анна Борисовна, д-р экон. наук, доцент (Санкт-Петербург)
Карзаева Наталья Николаевна, д-р экон. наук, проф. (Москва)
Курныкина Ольга Васильевна, д-р экон. наук, доцент (Москва)
Мильчакова Наталья Николаевна, д-р экон. наук, проф. (Тюмень)
Мишунина Алена Александровна, д-р юрид. наук, проф. (Тюмень)
Некрасова Ольга Леонидовна, д-р экон. наук, проф. (Донецк)
Немытина Марина Викторовна, д-р юрид. наук, проф. (Москва)
Сверчкова Ольга Федоровна, д-р экон. наук, доцент (Шахты)
Сергеев Андрей Борисович, д-р юрид. наук, проф. (Челябинск)
Сунцов Александр Павлович, д-р юрид. наук, проф. (Тюмень)
Татуев Арсен Азидович, д-р экон. наук, проф. (Нальчик)
Хижняк Вероника Сергеевна, д-р юрид. наук, доцент (Саратов)
Шарапов Роман Дмитриевич, д-р юрид. наук, проф. (Санкт-Петербург, Тюмень)

Выпускающий редактор

Хасанова Алёна Шамильевна

Решением Высшей аттестационной комиссии с 01 февраля 2022 года журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук» по следующим научным специальностям: 5.2.1. Экономическая теория (экономические науки), 5.2.4. Финансы (экономические науки); с 21 февраля 2023 года по следующим научным специальностям: 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки), 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки), 5.2.3. Региональная и отраслевая экономика (экономические науки).

С требованиями для авторов, а также с полными текстами статей можно ознакомиться на сайте surguvest.ru. Журнал включен в базу данных РИНЦ (лицензионный договор с Научной электронной библиотекой № 56-04/2024).

Журнал зарегистрирован в Национальном центре ISSN Российской Федерации, ISSN 2949-3455 (online).

Адрес редакции

628412, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, г. Сургут, пр. Ленина, д. 1.
Тел.: + 7 (3462) 76-29-88, факс: + 7 (3462) 76-29-29, email: science.journals@surgu.ru

Редактор

Пигулевская Ирина Станиславовна

Переводчики

Бенская Марина Олеговна

Рудова Алёна Николаевна

Верстка

Храмовой Ольги Владимировны

Фото на обложке

Печерского Максима Сергеевича

Адрес учредителя, издателя

Бюджетное учреждение высшего образования Ханты-Мансийского автономного округа – Югры
«Сургутский государственный университет»,
628412, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, г. Сургут, пр. Ленина, 1
Тел.: + 7 (3462) 76-29-29

Дата опубликования 17.06.2026

© БУ ВО «Сургутский государственный университет»,
оформление макета, 2026
© Коллектив авторов, 2026

Founder and Publisher
Surgut State University

The journal is registered with the Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technology and Mass Media.
Mass media registration certificate EI No. FS77-85690 of August 3, 2023.

Published since December 2013. 4 issues per year.

Chief Editor

Olga A. Sharameeva, Candidate of Sciences (Economics), Docent (Surgut)

Deputy Chief Editor

Larisa A. Popova, Candidate of Sciences (Law), Docent (Surgut)

Editorial Board

Dmitry S. Dyadkin, Doctor of Sciences (Law), Professor (Surgut)
Natalya N. Zhadobina, Candidate of Sciences (Law), Docent (Surgut)
Lyubov V. Zubareva, Doctor of Sciences (Economics), Professor (Surgut)
Aleksey S. Karataev, Doctor of Sciences (Economics), Professor (Surgut)
Aleksandr Ya. Kodintsev, Doctor of Sciences (Law), Professor (Saint Petersburg)
Vladimir K. Nekhaichik, Candidate of Sciences (Law), Docent (Surgut)
Yulian N. Polshkov, Doctor of Sciences (Economics), Docent (Donetsk)
Noemi I. Charkovskaya, Candidate of Sciences (Law), Docent (Surgut)
Oksana L. Chulanova, Doctor of Sciences (Economics), Docent (Surgut)
Elena V. Shirinkina, Doctor of Sciences (Economics), Docent (Surgut)
Natalya Yu. Yampolskaya, Doctor of Sciences (Economics), Docent (Surgut)

Editorial Council

Igor V. Arkhipov, Doctor of Sciences (Law), Docent (Moscow)
Viktor I. Barkhatov, Doctor of Sciences (Economics), Professor (Chelyabinsk)
Anatoly R. Belkin, Doctor of Sciences (Law), Professor (Moscow)
Viktor N. Borkov, Doctor of Sciences (Law), Docent (Omsk)
Svetlana S. Galazova, Doctor of Sciences (Economics), Professor (Vladikavkaz)
Valentina I. Guseva, Doctor of Sciences (Economics), Professor (Bishkek)
Aleksandr S. Dezhnev, Doctor of Sciences (Law), Docent (Omsk)
Sergey N. Zharov, Doctor of Sciences (Law), Docent (Chelyabinsk)
Larisa V. Zaitseva, Doctor of Sciences (Law), Docent (Tyumen)
Aleksandr B. Zelentsov, Doctor of Sciences (Law), Professor (Moscow)
Tatyana V. Zyryanova, Doctor of Sciences (Economics), Professor (Yekaterinburg)
Solidzhon I. Ibragimov, Doctor of Sciences (Law), Professor (Dushanbe)
Yuliya V. Ivanchina, Doctor of Sciences (Law), Docent (Yekaterinburg)
Elena A. Istomina, Doctor of Sciences (Law), Docent (Yekaterinburg)
Anna B. Kamyshova, Doctor of Sciences (Economics), Docent (Saint Petersburg)
Natalya N. Karzaeva, Doctor of Sciences (Economics), Professor (Moscow)
Olga V. Kurnykina, Doctor of Sciences (Economics), Docent (Moscow)
Natalya N. Milchakova, Doctor of Sciences (Economics), Professor (Tyumen)
Alena A. Mishunina, Doctor of Sciences (Law), Professor (Tyumen)
Olga L. Nekrasova, Doctor of Sciences (Economics), Professor (Donetsk)
Marina V. Nemytina, Doctor of Sciences (Law), Professor (Moscow)
Olga F. Sverchkova, Doctor of Sciences (Economics), Docent (Shakhty)
Andrey B. Sergeev, Doctor of Sciences (Law), Professor (Chelyabinsk)
Aleksandr P. Suntsov, Doctor of Sciences (Law), Professor (Tyumen)
Arsen A. Tatuev, Doctor of Sciences (Economics), Professor (Nalchik)
Veronika S. Khizhnyak, Doctor of Sciences (Law), Docent (Saratov)
Roman D. Sharapov, Doctor of Sciences (Law), Professor (Saint Petersburg, Tyumen)

Publishing Editor

Khasanova A. Sh.

The journal is included in the List of Leading Peer-Reviewed Scientific Journals of the Higher Attestation Commission, which publish main scientific results of Doctor's and Candidate's theses, since February 1, 2022 on the following subjects: 5.2.1. Economic Theory, 5.2.4. Finance; since February 21, 2023: 5.1.2. Public and Law (State and Law) Sciences, 5.1.4. Criminal and Law Sciences, 5.2.3. Regional and Sectoral Economy.

The manuscript guidelines and full texts of articles can be accessed at <https://www.surguvest.ru>. The journal is included in the Russian Index of Scientific Citation (RISC), License Agreement No. 56-04/2024.

The journal is registered in ISSN National Center for the Russian Federation:
ISSN 2949-3455 (online).

Editorial Board Address

1, Lenina pr., Surgut, 628412, Khanty-Mansi Autonomous Okrug – Yugra, Russia
Tel.: + 7 (3462) 76-29-88, fax: + 7 (3462) 76-29-29, email: science.journals@surgu.ru

Editor

Pigulevskaya I. S.

Translators

Benskaya M. O.

Rudova A. N.

Layout

Khramova O. V.

Cover Image

Pechersky M. S.

Founder and Publisher Address

Surgut State University
1, Lenina pr., Surgut, 628412, Khanty-Mansi Autonomous Okrug – Yugra, Russia
Tel.: + 7 (3462) 76-29-29

Release date: 17.06.2026

© Surgut State University, layout, 2026

© Authors, 2026

СОДЕРЖАНИЕ

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Буньковский Д. В. Барьеры противодействия нелегальному предпринимательству в форме финансовых пирамид	8
Галюта О. Н., Ивкин К. Д., Метель П. М. Реализация инвестиционной программы электросетевой компании в условиях дефицита финансирования и ограничений тарифного регулирования	18
Зотиков Н. З. Роль страховых взносов в пенсионном обеспечении	33
Ибрагимхалилова Т. В., Ибрагимхалилова Д. В. Институционально-экономические механизмы экономики предложения как фактор устойчивого развития России: систематизация и анализ	42
Лебедев Н. В., Вихарев В. В., Михайлов В. В., Сандаров Л. Н. Кешбэк как инструмент программ лояльности: оценка влияния на экономическую активность потребителей финансовых услуг	57
Московцева Л. В., Кукина Е. Е., Покаместов И. Е., Труфанова С. А. Региональная специфика цифровизации: проблемы и перспективы развития онлайн-государственных услуг	71
Орлова О. Ю., Беляев И. С., Самплина В. Р. Оценка инновационного потенциала и системных барьеров цифровизации инфраструктурного комплекса арктического города (на примере г. Норильска)	84

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Басиев М. С. Механизм взаимодействия в системе публичной власти: концептуальные основы и их отражение в российском законодательстве	92
Зимасова А. А. Некоторые проблемы обжалования судебных решений, выносимых на досудебных стадиях уголовного процесса	104
Марданов А. Б., Багиров Ч. М. Преступность правоприменителей как криминологическая категория	112
Пантюхина И. В., Южанин В. Е. Юридическая фикция: применение и роль в уголовном праве	118
Переседов А. М. Об освобождении некоторых категорий обязательных требований от единого регулирования	131
Рудницкий С. И. Правовое регулирование и криминологические риски оборота углеродных единиц в странах Азии	140

CONTENTS

ECONOMICS

<i>Bunkovskiy D. V.</i> Barriers to counteracting illegal entrepreneurship in the form of financial pyramids	8
<i>Galyuta O. N., Ivkin K. D., Metel P. M.</i> Implementation of electric grid company's investment program under conditions of funding deficit and tariff regulation restrictions	18
<i>Zotikov N. Z.</i> Role of insurance contributions in pension provision	33
<i>Ibragimkhalilova T. V., Ibragimkhalilova D. V.</i> Institutional and economic mechanisms of supply-side economics as factor of sustainable Russian development: Systematization and analysis	42
<i>Lebedev N. V., Vikharev V. V., Mikhailov V. V., Sandarov L. N.</i> Cashback as loyalty program tool: Impact assessment on economic activity of financial services consumers	57
<i>Moskovtceva L. V., Kukina E. E., Pokamestov I. E., Trufanova S. A.</i> Regional specifics of digitalization: Problems and prospects for development of online public services	71
<i>Orlova O. Yu., Belyaev I. S., Samplina V. R.</i> Assessment of innovative potential and systemic barriers to digitalization of infrastructure complex for Arctic city (the case of Norilsk)	84

LAW

<i>Basiev M. S.</i> Mechanism of interaction in public authority system: Conceptual foundations and their reflection in Russian legislation	92
<i>Zimasova A. A.</i> Some issues with appeal against court decisions made at pre-trial stages of criminal proceedings	104
<i>Mardanov A. B., Bagirov Ch. M.</i> Criminality of law enforcers as criminological category	112
<i>Pantyukhina I. V., Yuzhanin V. E.</i> Legal fiction: Application and role in criminal law	118
<i>Peresedov A. M.</i> On removal of certain categories of mandatory requirements from unified regulation	131
<i>Rudnitsky S. I.</i> Legal regulation and criminological risks of carbon unit turnover in Asian countries	140

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ / ECONOMICS

Научная статья

УДК 343.72(470+571)

<https://doi.org/10.35266/2949-3455-2026-2-1>

Барьеры противодействия нелегальному предпринимательству в форме финансовых пирамид

Дмитрий Владимирович Буньковский

*Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации,
Иркутск, Россия*

Байкальский государственный университет, Иркутск, Россия

Аннотация. В статье представлено краткое описание результатов исследования вопросов противодействия нелегальному предпринимательству в форме финансовых пирамид. Целью работы явилось осмысление проблем, определение барьеров и моделирование противодействия нелегальному предпринимательству в форме финансовых пирамид. В результате проведенного исследования определены и описаны основные барьеры противодействия нелегальному предпринимательству в форме финансовых пирамид. Принимая во внимание выделенные барьеры, разработана концептуальная экономико-математическая модель противодействия нелегальной деятельности субъектов предпринимательства в форме финансовых пирамид, учитывающая специфику процессов возникновения и развития финансовых пирамид и особенности распределения ресурсов, используемых в противодействии функционированию таких субъектов. Предложенная модель может быть использована регулирующими и правоохранительными органами при разработке и реализации эффективных стратегий противодействия нелегальной деятельности субъектов предпринимательства в форме финансовых пирамид.

Ключевые слова: финансовая пирамида, противодействие финансовым пирамидам, модель противодействия, барьеры противодействия, мошенничество

Для цитирования: Буньковский Д. В. Барьеры противодействия нелегальному предпринимательству в форме финансовых пирамид // Вестник Сургутского государственного университета. 2026. Т. 14, № 2. С. 8–17. <https://doi.org/10.35266/2949-3455-2026-2-1>.

Original article

Barriers to counteracting illegal entrepreneurship in the form of financial pyramids

Dmitry V. Bunkovskiy

*East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Irkutsk, Russia
Baikal State University, Irkutsk, Russia*

Abstract. The article presents a brief description of the study results on combating illegal entrepreneurship based on a pyramid scheme. The aim of the study is to recognize the problems, identify barriers, and model measures to combat illegal entrepreneurship based on a pyramid scheme. The study identifies and describes the main barriers to combating the aforementioned entrepreneurship. Taking into account these barriers, a conceptual economic and mathematical model for combating the illegal activity of pyramid-based entrepreneurs is developed. The study addresses the unique circumstances of pyramid entrepreneurship's emergence and growth, alongside the management of resources employed in countering these organizations. The proposed

model can be used by regulatory and law enforcement agencies in developing and implementing effective strategies to combat the illegal activity of pyramid-based entrepreneurs.

Keywords: financial pyramid, countering financial pyramids, counteraction model, counteraction barriers, fraud

For citation: Bunkovskiy D. V. Barriers to counteracting illegal entrepreneurship in the form of financial pyramids. *Surgut State University Journal*. 2026;14(2):8–17. <https://doi.org/10.35266/2949-3455-2026-2-1>.

ВВЕДЕНИЕ

Проблематика нелегальной деятельности на отечественном финансовом рынке в современных условиях приобретает все большую значимость.

Только за первое полугодие 2025 г. на российском финансовом рынке выявлено свыше 4 тысяч субъектов нелегального предпринимательства. При этом увеличение числа таких субъектов по сравнению с аналогичным периодом 2024 г. составило более 19 %. Наибольшую долю (более 55 %) занимают субъекты нелегального предпринимательства с признаками финансовых пирамид. Увеличение их числа в рассматриваемые периоды времени составило свыше 35 % [1].

Результаты деятельности субъектов предпринимательства в форме финансовых пирамид приводят к объемным финансовым потерям как граждан – вкладчиков пирамид, так и экономики в целом. Подавляющее большинство вкладчиков финансовых пирамид теряют личные накопления, иногда даже последние средства к существованию. Многие, стремясь получить быстрые доходы, берут кредиты и займы для осуществления вкладов в финансовую пирамиду, не только впоследствии теряя накопления, но и оставаясь должниками. Капиталы, внесенные в финансовые пирамиды, могли бы являться финансовыми ресурсами в реализации эффективных легальных инвестиционных проектов. Расширение деятельности финансовых пирамид приводит к падению уровня доверия в инвестиционной сфере, что, в свою очередь, может стать причиной сокращения инвестиционной активности, осложнения деятельности и ликвидации добросовестных финансовых организаций, обвала финансовых рынков и затяжных экономических

спадов. Кроме того, доходы, полученные от функционирования финансовых пирамид, могут быть использованы для финансирования других видов нелегальной деятельности.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Недобросовестные практики участников финансового рынка и вопросы возникновения и эволюции субъектов предпринимательства с признаками финансовых пирамид как значительной угрозы развития современной экономики привлекают внимание многих отечественных и иностранных исследователей. Ученые ориентируют свои научные труды на изучении разных сторон данной проблематики. Существенное число исследований направлено на рассмотрение структуры недобросовестных практик на финансовом рынке и изучение факторов, определяющих их развитие [2–5].

Все большее количество исследований сосредотачивается на рассмотрении различных закономерностей возникновения и функционирования финансовых пирамид. Часть авторов акцентирует внимание на определении признаков мошеннических действий на финансовом рынке и признаков финансовых пирамид, а также их отличия от других формирований [6–9]. Некоторые исследования выделяют психологические и другие особенности поведения потенциальных инвесторов как одну из ключевых детерминант формирования пирамидальных схем [10–14]. Например, F. Nosita и соавт. при выявлении закономерностей участия людей в финансовых пирамидах уделяет внимание особенностям их личности [13]. Н. С. Кукушкин осуществляет моделирование пирамидальной схемы, о вступлении в которую человек принимает решение на базе относительно рационального

подхода [10]. Увеличивается число научных трудов, посвященных вопросам функционирования пирамидальных схем на основе цифровых технологий [15–19].

Существенная часть исследований концентрируется на проблемах противодействия недобросовестным практикам участников финансового рынка и борьбы с возникновением и развитием финансовых пирамид [20–23]. Так, Н. М. Чуйкова в результате анализа нормативно-правового регулирования в различных государствах определяет общие принципы борьбы с недобросовестными практиками участников финансового рынка [21]. М. В. Рыжкова и Э. Р. Кашапова выделяют основные средства борьбы с развитием и функционированием пирамидальных схем [20]. R. Zarzycka-Bienias и M. Zarzycki формулируют рекомендации для осуществления информационно-просветительской деятельности как инструмента борьбы с развитием финансовых пирамид [23].

В настоящем исследовании под деятельностью субъектов предпринимательства с признаками финансовых пирамид понимается деятельность по привлечению денежных средств или иного имущества, при которой выплата дохода или предоставление иной выгоды осуществляются за счет привлеченных денежных средств и/или иного имущества при отсутствии инвестиционной и/или иной законной предпринимательской или иной деятельности, связанной с использованием привлеченных денежных средств и/или иного имущества, ответственность за которую предусмотрена статьями 14.62 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, 159 или 172.2 Уголовного кодекса Российской Федерации.

В ходе исследования недобросовестных практик участников финансового рынка и вопросов возникновения и развития субъектов предпринимательства с признаками финансовых пирамид применены такие методы, как наблюдение, анализ, обобщение, синтез, систематизация и гипотетико-дедуктивное рассуждение. Помимо этого, использованы методы экономико-математического моделирования.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

В ходе исследования вопросов возникновения и развития нелегального предпринимательства на финансовом рынке были определены основные проблемы и барьеры противодействия нелегальному предпринимательству в форме финансовых пирамид:

1. Психологическое воздействие и иллюзия высокой доходности. Обещание гарантированного значительного дохода апеллирует к человеческой жадности и наивности, что делает финансовые пирамиды привлекательными для широкого круга людей, особенно тех, кто не имеет существенного опыта в области финансов.

2. Отсутствие реального продукта (услуги) и сложность идентификации. Как правило, финансовые пирамиды маскируют под легальные инвестиционные и предпринимательские проекты или даже благотворительность. Отсутствие очевидного продукта деятельности финансовой пирамиды затрудняет ее распознавание на ранних стадиях.

3. Изменчивость и эволюционирующий характер. Субъекты предпринимательства – создатели пирамидальных схем регулярно трансформируют свои структуры, меняют наименования, легенды, способы и каналы привлечения потенциальных вкладчиков, чтобы уйти от внимания регулирующих и правоохранительных органов. В современных условиях данные субъекты активно применяют передовые информационно-коммуникационные технологии для анонимного привлечения потенциальных вкладчиков и осуществления финансовых транзакций. Высокая динамика развития данных технологий затрудняет отслеживание проводимых транзакций.

4. Экспоненциальный рост. Выплаты первым вкладчикам пирамиды популяризируют ее, привлекая новых инвесторов часто из окружения старых. Это создает эффект «сарафанного радио», который сложно отследить, что определяет скрытность увеличения финансовой пирамиды на начальных этапах. Дальнейшее увеличение пирамиды происходит в увеличивающихся темпах. Пирамидальная схема может функционировать некоторое время, пока

приток новых денежных средств превышает выплаты, достигая значительных размеров прежде, чем крах станет очевидным. Все это определяет трудности прогнозирования масштаба финансовой пирамиды.

5. Неизбежность краха и массовость потерь. Фактическое отсутствие инвестиционной деятельности и соответствующей генерации реальной прибыли финансовой пирамидой обуславливает ее заложенную неустойчивость. Функционирование и крах финансовых пирамид повышают уровень системного риска и подрывают доверие к финансовой системе в целом, могут приводить к панике на рынке и снижению инвестиционной активности в экономике.

6. Затруднительность возврата средств. Привлеченные финансовой пирамидой денежные средства зачастую перемещаются в другие юрисдикции с, возможно, иными правилами финансового регулирования, а также конвертируются в различные активы, которые впоследствии сложно отследить и конфисковать. Ранние вкладчики, получившие выплаты, как правило, не заинтересованы участвовать в разбирательствах при крахе пирамиды.

7. Несовершенство законодательной базы и недостаточность правоприменительной практики. Законодательство некоторых стран может не иметь четкого определения сущности финансовой пирамиды или квалифицировать такие деяния как мошенничество. Данное обстоятельство может усложнять как осуществление оперативно-разыскной деятельности, так и расследование соответствующих уголовных дел. Кроме того, процессы обновления законодательства, внедрения и освоения новых инструментов противодействия нелегальному предпринимательству в форме финансовых пирамид могут отставать от динамичных процессов развития преступных схем.

8. Нехватка ресурсов и компетенций. Ограниченный бюджет регулирующих и правоохранительных органов зачастую определяет дефицит финансирования процессов внедрения передовых средств мониторинга и выявления преступных схем и проведения информационных и просветительских кампаний среди населения. Выявление сложных финан-

совых схем и расследование соответствующих уголовных дел требует высокой квалификации специалистов в области финансов, информационных технологий, криптографии, права и др. Невысокий уровень оплаты и неблагоприятные условия труда обуславливают дефицит таких высококвалифицированных специалистов в регулирующих и правоохранительных органах.

9. Трансграничный характер деятельности и юрисдикционный арбитраж. Основатели финансовых пирамид для проживания, регистрации легальной и ведения нелегальной деятельности могут выбирать страны с наименее строгим государственным регулированием или слабым правоприменением. При этом основатели и вкладчики финансовой пирамиды могут находиться в разных странах, что при противодействии данной деятельности требует сложного международного сотрудничества, обмена информацией, экстрадиции.

10. Маскировка под легальную деятельность. Субъекты нелегального предпринимательства – организаторы финансовых пирамид могут использовать параллельные схемы, в которых деятельность является легальной, а основные доходы генерируются за счет образования пирамидальных схем. При этом могут регистрироваться юридические лица, получаться различные разрешительные документы, имитироваться реальная предпринимательская и инвестиционная деятельность, что впоследствии может вызывать проблемы законности привлечения к ответственности. Кроме того, финансовые пирамиды внутри легальной деятельности могут носить «спящий» характер, привлекая на начальных этапах лишь незначительное количество вкладчиков и оставаясь вне поля зрения регулирующих и правоохранительных органов, пока не достигнут определенных масштабов.

11. Низкая финансовая грамотность граждан и информационная асимметрия. Значительная доля граждан не обладает достаточными экономическими знаниями и опытом для адекватного распознавания признаков финансовых пирамид и оценки рисков. При этом субъекты нелегального предпринимательства – организаторы

финансовых пирамид активно распространяют ложную информацию, используют целевой маркетинг, психологические манипуляции и т. п.

12. Сопротивление со стороны вкладчиков. Ранние вкладчики, получившие выплаты, могут проявлять лояльность к финансовой пирамиде, не сотрудничая с правоохранительными органами и оказывая влияние на других вкладчиков. Поздние вкладчики, оказавшиеся жертвами пирамиды, могут не обращаться в правоохранительные органы, думая, что потерянные денежные средства невозможно вернуть, или боясь насмешек и осуждения.

13. Несовершенство средств и технологий мониторинга. Значительный объем транзакций финансовых пирамид и сложность соответствующих информационных потоков требуют использования средств обработки и анализа больших данных в реальном времени для выявления такой нелегальной деятельности. В современных условиях отслеживание денежных потоков субъектов нелегального предпринимательства с признаками финансовых пирамид затрудняется анонимностью платежных систем и операций с криптовалютой.

14. Недостаточность координации между ведомствами. Уровень эффективности противодействия нелегальному предпринимательству в форме финансовых пирамид снижается в результате отсутствия единой стратегии, отлаженной коммуникации и разрозненности действий прокуратуры, органов внутренних дел, центрального банка, налоговой службы и других органов.

Следует отметить, что повышение эффективности противодействия нелегальному предпринимательству в форме финансовых пирамид требует комплексной ликвидации или снижения описанных барьеров, начиная от совершенствования законодательства и развития правоприменительной практики и средств мониторинга и выявления, заканчивая повышением уровня финансовой грамотности граждан и интенсификацией международного сотрудничества в данной области.

Важно учитывать, что чрезмерно жесткие меры государственного регулирования финансового рынка и инвестиционной деятельности

могут ограничить перспективы и масштабы легальной предпринимательской активности в данной сфере. Создавшийся на этой основе вакуум может быть заполнен субъектами нелегального предпринимательства в форме финансовых пирамид. Необходимо нахождение и поддержание баланса между защитой прав и интересов инвесторов и обеспечением свободы и развития предпринимательства.

В рамках исследования проблемы нелегального предпринимательства с учетом определенных барьеров разработана концептуальная экономико-математическая модель противодействия нелегальной деятельности субъектов предпринимательства в форме финансовых пирамид.

Модель основана на следующих ключевых предположениях:

- финансовая пирамида неизбежно рушится, когда поток новых вкладов оказывается недостаточным для покрытия выплат старым вкладчикам;

- увеличение числа вкладчиков способствует популяризации финансовой пирамиды и расширяет возможности привлечения новых вкладчиков, что ускоряет увеличение самой пирамиды (экспоненциальный рост);

- повышение уровня финансовой грамотности граждан и информирование населения о деятельности субъектов предпринимательства с признаками финансовых пирамид способствует снижению привлекательности финансовых пирамид и сокращению числа потенциальных жертв;

- ресурсы, используемые в противодействии нелегальной деятельности субъектов предпринимательства в форме финансовой пирамиды, могут быть направлены, во-первых, на выявление финансовых пирамид на ранних стадиях, во-вторых, на преследование уже действующих финансовых пирамид.

Целевая функция модели состоит в максимизации совокупного эффекта противодействия нелегальному предпринимательству в форме финансовых пирамид:

$$\max \sum (I_t - D_t - C_t), \quad (1)$$

где I_t – объем легальных инвестиций на рассматриваемой территории в период времени t ,

который может сокращаться вследствие падения доверия, вызванного финансовыми пирамидами;

D_t – ущерб от нелегального предпринимательства в форме финансовых пирамид в периоде t ;

C_t – издержки противодействия нелегальному предпринимательству в форме финансовых пирамид в периоде t .

$$I_t = I_m \times M_t, \quad (2)$$

где I_m – потенциальный объем легальных инвестиций;

M_t – оценка уровня доверия инвесторов, зависящая от активности нелегального предпринимательства в форме финансовых пирамид.

$$I_m = I_b \times (1 + g)^t, \quad (3)$$

где I_b – базовый (стартовый) объем легальных инвестиций в исходный момент времени (при $t = 0$);

g – ожидаемый безрисковый темп изменения инвестиционного капитала в экономике (например, средний темп роста валового регионального продукта (валового внутреннего продукта), легальных активов).

$$M_t = 1 - h_D \times \left(\frac{D_t}{D_c}\right)^{k_D} - h_W \times \left(\frac{W_t}{W_c}\right)^{k_W}, \quad (4)$$

где W_t – общая сумма средств, привлеченных субъектами нелегального предпринимательства в форме финансовых пирамид в период t ;

D_c и W_c – критические пороговые величины соответственно ущерба и привлеченных средств, после превышения которых уровень доверия начинает снижаться;

h_D и h_W – весовые коэффициенты, характеризующие относительную важность размера ущерба и общего объема привлеченных средств для падения уровня доверия;

k_D и k_W – показатели, характеризующие чувствительность уровня доверия. Если значения k_D и k_W превышают 1, уровень доверия снижается экспоненциально при превышении пороговых величин.

Динамика возникновения новых субъектов нелегального предпринимательства в форме финансовых пирамид зависит от социально-экономического окружения, степени осведомленности потенциальных инвесторов

и прошлого успеха существовавших финансовых пирамид.

$$o_t = o_b \times (1 + a \times Y_{t-1} + q \times p_{t-1} + z \times u_{t-1} \times (1 - n_{t-1})), \quad (5)$$

где o_t – потенциальное число новых субъектов нелегального предпринимательства в форме финансовых пирамид;

o_b – базовое число потенциальных злоумышленников (основателей финансовых пирамид);

Y_t – средний уровень доходности, обещаемой субъектами нелегального предпринимательства в форме финансовых пирамид в период t ;

p_t – число действующих субъектов нелегального предпринимательства в форме финансовых пирамид в период t ;

u_t – общее число вкладчиков финансовых пирамид в период t ;

a – показатель, характеризующий привлекательность обещаемой доходности;

q – показатель, характеризующий вероятность привлечения нового вкладчика уже существующим;

z – показатель, характеризующий влияние увеличения числа субъектов нелегального предпринимательства в форме финансовых пирамид на рост численности потенциальных жертв;

n_t – оценка результативности информационных и просветительских кампаний.

$$a = \frac{\Delta o}{\Delta Y}, \quad (6)$$

где Δo – изменение потенциального числа новых субъектов нелегального предпринимательства в форме финансовых пирамид, определяемое на основе статистических данных;

ΔY – изменение среднего уровня обещаемой доходности.

$$q = \frac{K_t/p_t}{u_{t-1}/p_{t-1}}, \quad (7)$$

где K_t – число новых потенциальных жертв, привлеченных финансовыми пирамидами в период t .

$$z = \frac{\Delta K}{\Delta p}, \quad (8)$$

где ΔK – изменение числа новых потенциальных жертв, привлеченных финансовыми пирамидами;

Δp – изменение числа действующих субъектов нелегального предпринимательства в форме финансовых пирамид.

$$nt = \frac{\Delta K}{\Delta N}, \quad (9)$$

где ΔN – изменение объема ресурсов, используемых в информационных и просветительских кампаниях.

$$d_t = \frac{p_t}{T_c} + x \times p_t \times (E_t + F_t), \quad (10)$$

где d_t – количество ликвидированных субъектов нелегального предпринимательства в форме финансовых пирамид в период t ;

x – показатель, характеризующий вероятность выявления и пресечения деятельности субъектов нелегального предпринимательства в форме финансовых пирамид регулирующими и правоохранительными органами;

E_t – уровень эффективности деятельности регулирующих органов в области противодействия нелегальному предпринимательству в форме финансовых пирамид;

F_t – уровень эффективности работы правоохранительных органов в области противодействия нелегальному предпринимательству в форме финансовых пирамид;

T_c – средняя длительность достижения финансовой пирамидой критической массы вкладчиков u_c .

$$u_c = \frac{v}{s} \times \left(\frac{1}{q} - 1 \right), \quad (11)$$

где s – средний размер вклада одного вкладчика;

v – средний размер выплаты ранним вкладчикам.

$$x = \frac{p_e}{p}, \quad (12)$$

где p_e – число финансовых пирамид, рухнувших естественным путем (без вмешательства регулирующих и правоохранительных органов);

p – общее количество финансовых пирамид, действовавших в рассматриваемом отрезке времени.

$$E_t = c_R \times R_t^{k_R}, \quad (13)$$

где c_R – показатель, характеризующий базовую эффективность деятельности регулирующих органов;

R_t – объем ресурсов, используемых органами государственного экономического регулирования в противодействии нелегальному предпринимательству в форме финансовых пирамид в периоде t ;

k_R – показатель степени, отражающий убывающую предельную отдачу ($0 < k_R < 1$).

$$F_t = c_L \times L_t^{k_L}, \quad (14)$$

где c_L – показатель, характеризующий базовую эффективность деятельности правоохранительных органов;

L_t – объем ресурсов, используемых правоохранительными органами в противодействии нелегальному предпринимательству в форме финансовых пирамид в периоде t ;

k_L – показатель степени, отражающий убывающую предельную отдачу ($0 < k_L < 1$).

Показатели, характеризующие базовую эффективность деятельности регулирующих и правоохранительных органов, определяются с помощью экспертных методов на базе анализа статистических данных.

Динамика численности вкладчиков определяется числом привлеченных новых вкладчиков и скоростью ликвидации финансовых пирамид:

$$u_{t+1} = u_t + \sum (q \times u_{i,t} \times (1 - n_{t+1})), \quad (15)$$

где $u_{i,t}$ – число вкладчиков i -й финансовой пирамиды в период t .

Всех вкладчиков финансовой пирамиды можно разделить на ранних и поздних:

$$u_t = ul_t + ur_t, \quad (16)$$

где ul_t – численность поздних вкладчиков (потерпевших) в периоде t ;

ur_t – численность ранних вкладчиков в периоде t .

При крахе финансовой пирамиды все оставшиеся вкладчики, не получившие выплаты, оказываются поздними.

Динамика самой финансовой пирамиды характеризуется степенью ее устойчивости:

$$B_t = \frac{S_t}{Ur_t}, \quad (17)$$

где S_t – общая сумма новых взносов в период t ;

Ur_t – общая сумма выплат ранним вкладчикам финансовой пирамиды в период t .

При $B_t > 1$ финансовая пирамида растет. При $B_t < 1$ пирамида сокращается и увеличивается вероятность ее краха.

$$D_t = \sum (ul_{i,t} \times s - V_i - Vo_i), \quad (18)$$

где $ul_{i,t}$ – численность поздних вкладчиков i -й финансовой пирамиды в периоде t ;

V_i – сумма выплат ранним вкладчикам i -й финансовой пирамиды;

Vo_i – сумма возвращенных вкладчикам средств после обнаружения финансовой пирамиды добровольно либо из конфискованных активов.

$$C = R_t + L_t + N_t, \quad (19)$$

где N_t – объем ресурсов, используемых в информационных и просветительских кампаниях в периоде t .

В качестве ограничений выступают устанавливаемые лимиты ресурсов, используемых регулируемыми и правоохранительными органами, а также ресурсов, используемых в информационных и просветительских кампаниях. Решение задачи оптимизации состоит в определении оптимального распределения имеющегося объема ресурсов противодействия на каждом временном шаге для достижения целевой функции.

В зависимости от конкретной практической ситуации в предложенную модель могут быть включены дополнительные факторы и ограничения. Для самих факторов могут быть введены дополнительные линейные и нелинейные взаимозависимости.

В различных целях и условиях моделирования противодействия нелегальной деятельности субъектов предпринимательства в форме финансовых пирамид могут быть использованы методы численной оптимизации, имитационного моделирования, градиентные методы, инструментарий динамического программирования. Для оценки рисков, выявления чувствительности к определенным параметрам и сравнения различных стратегий может быть применен метод Монте-Карло.

Следует учитывать, что значительный объем информации о функционировании

субъектов предпринимательства в форме финансовых пирамид может носить предположительный характер или может быть скрыт в силу применения уголовно-процессуальных и других норм. Кроме того, часть значений параметров модели зависит от экспертных оценок и носит субъективный характер, что требует особого внимания. В целом, субъекты предпринимательства в форме финансовых пирамид могут адаптироваться к динамично изменяющимся условиям, что требует своевременной актуализации и совершенствования модели.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Разработанная с учетом описанных барьеров концептуальная экономико-математическая модель позволяет комплексно подойти к проблеме противодействия нелегальной деятельности субъектов предпринимательства в форме финансовых пирамид. Модель учитывает не только необходимость выявления и пресечения функционирования финансовых пирамид, но и значимость превентивных мер, таких как развитие финансовой грамотности граждан, объективное информирование населения о возможных угрозах. При этом модель дает возможность мониторинга процессов возникновения и развития финансовых пирамид, а также сравнения динамики их развития при разных вариантах распределения ресурсов противодействия.

Предложенная модель может быть использована регулируемыми и правоохранительными органами при формировании, анализе и оценке эффективности стратегий противодействия нелегальной деятельности субъектов предпринимательства в форме финансовых пирамид, адаптации данных стратегий к меняющимся методам осуществления преступной деятельности и обосновании принимаемых решений о распределении имеющихся ресурсов с учетом максимизации эффектов противодействия и минимизации общественного ущерба.

Список источников

References

1. Противодействие недобросовестным практикам участников рынка // Банк России : офиц. сайт. URL: https://cbr.ru/analytics/currency_control/ (дата обращения: 01.12.2025).
2. Родионов А. В., Кузнецов С. В. Методические основы оценки эффективности мероприятий, осуществляемых территориальными подразделениями Банка России, по противодействию недобросовестным практикам и нелегальной деятельности на финансовом рынке // *Russian Journal of Management*. 2021. Т. 8, № 4. С. 61–65. <https://doi.org/10.29039/2409-6024-2020-8-4-61-65>.
3. Сыбачин С. А. Идентификация видов нелегальной деятельности на финансовых рынках // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 6. С. 182–186. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-6-182-186>.
4. Harison E., Mihaly N. On financial bubbles and earthworms: Lessons from Hungary's Rural Pyramid during its economic transition // *Eastern European Countryside*. 2021. Vol. 27, no. 1. P. 65–88. <https://doi.org/10.12775/eec.2021.003>.
5. Xue B., Li T., Cheng X. et al. Spreading dynamics of SHIPR Pyramid scheme model on scale-free networks // *IEEE Access*. 2021. Vol. 9. P. 132064–132077. <https://doi.org/10.1109/ACCESS.2021.3115168>.
6. Antler Y. Multilevel marketing: Pyramid-shaped schemes or exploitative scams? // *Theoretical Economics*. 2023. Vol. 18, no. 2. P. 633–668. <https://doi.org/10.3982/TE4890>.
7. Boyle P., Peng Z. Ponzi schemes: A review // *Annals of Actuarial Science*. 2025. Vol. 19, no. 3. P. 543–572. <https://doi.org/10.1017/S1748499525100067>.
8. Cunderlik L. Fraudulent schemes in the financial market (Financial pyramids) – Detection and prevention // *Financial Law Review*. 2021. Vol. 21, no. 1. P. 16–30. <https://doi.org/10.4467/22996834FLR.21.002.13285>.
9. Shi Y., Li B., Long W. A pyramid scheme model based on “Consumption Rebate” frauds // *Chinese Physics B*. 2019. Vol. 28, no. 7. <https://doi.org/10.1088/1674-1056/28/7/078901>.
10. Кукушкин Н. С. Модель финансовой пирамиды с «квазирациональными» участниками // Журнал вычислительной математики и математической физики. 2023. № 3. С. 380–389. <https://doi.org/10.31857/S0044466923030080>.
11. Рахмеева И. И., Попкова С. В. Формы финансового мошенничества в современном мире // *Цифровая социология*. 2025. Т. 8, № 2. С. 55–64. <https://doi.org/10.26425/2658-347X-025-8-2-55-64>.
12. Hidayat T. Financial Literacy, Ponzi and Pyramid Scheme in Indonesia // *Jurnal Dinamika Manajemen*. 2018. Vol. 9, no. 2. P. 198–205. <https://doi.org/10.15294/jdm.v9i2.16261>.
13. Firda Nosita, Moeljadi, Sumiati et al. The role of personality and social networks on Ponzi investment decision: A review // *Journal of Information Systems Engineering and Management*. 2025;10(53s):402–411. <https://doi.org/10.52783/jisem.v10i53s.10887>.
1. Protivodeystvie nedobrosovestnym praktikam uchastnikov rynka. Bank Rossii. URL: https://cbr.ru/analytics/currency_control/ (accessed: 01.12.2025). (In Russ.).
2. Rodionov A. V., Kuznetsov S. V. Methodological basis for evaluating the effectiveness of measures taken by the territorial divisions of the Bank of Russia to counteract unfair practices and illegal activities in the financial market. *Russian Journal of Management*. 2021;8(4):61–65. <https://doi.org/10.29039/2409-6024-2020-8-4-61-65>. (In Russ.).
3. Sybachin S. A. Identification of illegal activities on financial markets. *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2024;(6):182–186. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-6-182-186>. (In Russ.).
4. Harison E., Mihaly N. On financial bubbles and earthworms: Lessons from Hungary's Rural Pyramid during its economic transition. *Eastern European Countryside*. 2021;27(1):65–88. <https://doi.org/10.12775/eec.2021.003>.
5. Xue B., Li T., Cheng X. et al. Spreading dynamics of SHIPR Pyramid scheme model on scale-free networks. *IEEE Access*. 2021;9:132064–132077. <https://doi.org/10.1109/ACCESS.2021.3115168>.
6. Antler Y. Multilevel marketing: Pyramid-shaped schemes or exploitative scams? *Theoretical Economics*. 2023;18(2):633–668. <https://doi.org/10.3982/TE4890>.
7. Boyle P., Peng Z. Ponzi schemes: A review. *Annals of Actuarial Science*. 2025;19(3):543–572. <https://doi.org/10.1017/S1748499525100067>.
8. Cunderlik L. Fraudulent schemes in the financial market (Financial pyramids) – Detection and prevention. *Financial Law Review*. 2021;21(1):16–30. <https://doi.org/10.4467/22996834FLR.21.002.13285>.
9. Shi Y., Li B., Long W. A pyramid scheme model based on “Consumption Rebate” frauds. *Chinese Physics B*. 2019;28(7). <https://doi.org/10.1088/1674-1056/28/7/078901>.
10. Kukushkin N. S. A model of financial pyramid with quasi-rational participants. *Computational Mathematics and Mathematical Physics*. 2023;(3):380–389. <https://doi.org/10.31857/S0044466923030080>. (In Russ.).
11. Rakhmееva I. I., Popkova S. V. Forms of financial fraud in the modern world. *Digital Sociology*. 2025;8(2):55–64. <https://doi.org/10.26425/2658-347X-025-8-2-55-64>. (In Russ.).
12. Hidayat T. Financial Literacy, Ponzi and Pyramid Scheme in Indonesia. *Jurnal Dinamika Manajemen*. 2018; 9(2):198–205. <https://doi.org/10.15294/jdm.v9i2.16261>.
13. Firda Nosita, Moeljadi, Sumiati et al. The role of personality and social networks on Ponzi investment decision: A review. *Journal of Information Systems Engineering and Management*. 2025;10(53s):402–411. <https://doi.org/10.52783/jisem.v10i53s.10887>.

- tems Engineering and Management. 2025. Vol. 10, no. 53s. P. 402–411. <https://doi.org/10.52783/jisem.v10i53s.10887>.
14. Zaytsev A., Dmitriev N., Mihel E. et al. Formation of investment behavior strategy using the Game-theoretic Method // TEM Journal. 2021. Vol. 10, no. 2. P. 673–681. <https://doi.org/10.18421/TEM102-23>.
  15. Гонтарь А. А. Цифровой банкинг как одна из составляющих экономической безопасности кредитной организации // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2017. Т. 1, № 4. С. 90–96.
  16. Afzal N., Abid M., Fuzail M. et al. Ethereum hidden dangers: Ponzi Scheme detection in smart contracts using SourceP // Kashf Journal of Multidisciplinary Research. 2025. Vol. 2, no. 4. P. 81–94. <https://doi.org/10.71146/kjmr390>.
  17. Артемьева Ю. Д., Хасбулатова И. М., Степанникова О. А. Цифровой рубль – новый вид денег или альтернатива криптовалюте? // Друкеровский вестник. 2024. № 6. P. 45–54. <https://doi.org/10.17213/2312-6469-2024-6-45-54>.
  18. Dewi I. O., Wahyudi I. The evolution of Ponzi Schemes: From traditional frauds to digital money games // Journal of Auditing, Finance, and Forensic Accounting. 2025. Vol. 13, no. 1. P. 41–66. <https://doi.org/10.21107/jaffa.v13i1.29535>.
  19. He X. Research on the operation mechanism and coping strategies of social networks in the Ponzi Scheme // Highlights in Business, Economics and Management. 2024. Vol. 35. P. 244–251. <https://doi.org/10.54097/9g8wrj95>.
  20. Рыжкова М. В., Кашапова Э. Р. Сладж-инструменты противодействия финансовым пирамидам // Journal of New Economy. 2024. Т. 25, № 1. С. 50–68. <https://doi.org/10.29141/2658-5081-2024-25-1-3>.
  21. Чуйкова Н. М. Принципы противодействия нелегальной деятельности на финансовом рынке // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 5. С. 249–253. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-5-249-253>.
  22. Omokanye A. O., Ajayi A. M., Olowu O. et al. AI-powered financial crime prevention with cybersecurity, IT, and data science in modern banking // International Journal of Science and Research Archive. 2024. Vol. 13, no. 2. P. 570–579. <https://doi.org/10.30574/ijrsra.2024.13.2.2143>.
  23. Zarzycka-Bienias R., Zarzycki M. The role of media in informing the public and public administration bodies about illegal financial pyramids // Social Communication. 2020. Vol. 1. P. 18–27. <https://doi.org/10.2478/sc-2020-0003>.
  14. Zaytsev A., Dmitriev N., Mihel E. et al. Formation of investment behavior strategy using the Game-theoretic Method. TEM Journal. 2021;10(2):673–681. <https://doi.org/10.18421/TEM102-23>.
  15. Gontar A. A. Digital banking as a component of credit organization's economic security. Vestnik of Volzhsky University named after V. N. Tatishchev. 2017;1(4):90–96. (In Russ.).
  16. Afzal N., Abid M., Fuzail M. et al. Ethereum hidden dangers: Ponzi Scheme detection in smart contracts using SourceP. Kashf Journal of Multidisciplinary Research. 2025;2(4):81–94. <https://doi.org/10.71146/kjmr390>.
  17. Artemyeva Yu. D., Khasbulatova I. M., Stepannikova O. A. Digital ruble – A new type of money or an alternative to cryptocurrency? Drukerovskij Vestnik. 2024;(6):45–54. <https://doi.org/10.17213/2312-6469-2024-6-45-54>.
  18. Dewi I. O., Wahyudi I. The evolution of Ponzi Schemes: From traditional frauds to digital money games. Journal of Auditing, Finance, and Forensic Accounting. 2025;13(1):41–66. <https://doi.org/10.21107/jaffa.v13i1.29535>.
  19. He X. Research on the operation mechanism and coping strategies of social networks in the Ponzi Scheme. Highlights in Business, Economics and Management. 2024;35:244–251. <https://doi.org/10.54097/9g8wrj95>.
  20. Ryzhkova M. V., Kashapova E. R. Sludges against Ponzi schemes. Journal of New Economy. 2024;25(1):50–68. <https://doi.org/10.29141/2658-5081-2024-25-1-3>.
  21. Chuikova N. M. Principles to combat illegal activities in the financial market. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024;(5):249–253. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-5-249-253>. (In Russ.).
  22. Omokanye A. O., Ajayi A. M., Olowu O. et al. AI-powered financial crime prevention with cybersecurity, IT, and data science in modern banking. International Journal of Science and Research Archive. 2024;13(2):570–579. <https://doi.org/10.30574/ijrsra.2024.13.2.2143>.
  23. Zarzycka-Bienias R., Zarzycki M. The role of media in informing the public and public administration bodies about illegal financial pyramids. Social Communication. 2020;1:18–27. <https://doi.org/10.2478/sc-2020-0003>.

Информация об авторе

Д. В. Буньковский – доктор экономических наук,
доцент;
bdv611@yandex.ru

About the author

D. V. Bunkovskiy – Doctor of Sciences (Economics),
Docent;
bdv611@yandex.ru

Научная статья

УДК 621.311:005.915

<https://doi.org/10.35266/2949-3455-2026-2-2>

Реализация инвестиционной программы электросетевой компании в условиях дефицита финансирования и ограничений тарифного регулирования

*Оксана Николаевна Галюта, Кирилл Дмитриевич Ивкин,
Полина Михайловна Метель*[✉]

Сургутский государственный университет, Сургут, Россия

Аннотация. Электросетевые компании России функционируют в условиях дефицита финансирования, роста аварийности и снижения потребления электроэнергии. Цель исследования – анализ инвестиционной программы АО «Россети Тюмень», влияния тарифного регулирования и выпадающих доходов на устойчивость компании. Проведен анализ структуры капитальных вложений, источников финансирования, показателей рентабельности и эффективности использования основных средств. Особое внимание уделено механизму компенсации выпадающих доходов и межпериодной корректировке необходимой валовой выручки. Полученные результаты могут быть использованы при совершенствовании инвестиционной политики и системы тарифного регулирования электросетевых компаний.

Ключевые слова: инвестиционная программа электросетевой компании, источники финансирования, естественная монополия, амортизация, тарифное регулирование

Для цитирования: Галюта О. Н., Ивкин К. Д., Метель П. М. Реализация инвестиционной программы электросетевой компании в условиях дефицита финансирования и ограничений тарифного регулирования // Вестник Сургутского государственного университета. 2026. Т. 14, № 2. С. 18–32. <https://doi.org/10.35266/2949-3455-2026-2-2>.

Original article

Implementation of electric grid company's investment program under conditions of funding deficit and tariff regulation restrictions

Oksana N. Galyuta, Kirill D. Ivkin, Polina M. Metel[✉]
Surgut State University, Surgut, Russia

Abstract. Electric grid companies in Russia operate under financial constraints, increasing accident rates, and declining electricity demand. This study analyzes the investment program of AO “Rosseti Tyumen” and the impact of tariff regulation and lost revenue compensation mechanisms on the company’s financial sustainability. Special attention is given to the structure of capital expenditures, sources of financing, and inter-period adjustments of Required Gross Revenue. The results may support the development of regulatory and investment planning approaches in the electric grid sector.

Keywords: investment program of an electric grid company, financing sources, natural monopoly, depreciation, tariff regulation

For citation: Galyuta O. N., Ivkin K. D., Metel P. M. Implementation of electric grid company's investment program under conditions of funding deficit and tariff regulation restrictions. *Surgut State University Journal*. 2026;14(2):18–32. <https://doi.org/10.35266/2949-3455-2026-2-2>.

ВВЕДЕНИЕ

Основной целью электросетевого комплекса, сформулированной Энергетической стратегией России на период до 2050 г., является долгосрочное обеспечение надежного и бесперебойного энергоснабжения потребителей путем организации эффективной сетевой инфраструктуры, поддержание на должном уровне которой возможно посредством постоянного обновления технологической базы и расширения производственных мощностей [1].

На федеральном уровне направления развития электроэнергетики и параметров функционирования энергосистемы на среднесрочную перспективу определены схемой и программой развития электроэнергетических систем России на 2025–2030 гг., утвержденной приказом Минэнерго России от 29.11.2024 № 2328 [2].

В настоящий момент ни один из субъектов России не застрахован от наступления крупной аварийной ситуации на объектах электроэнергетики. Рост потребления, перегруз оборудования, природно-климатические воздействия, износ основных фондов – все эти факторы могут привести к отключению электроэнергии в любой момент. Ситуация, сложившаяся повсеместно, вызвана хроническим недофинансированием электроэнергетического сектора на протяжении длительного периода времени.

Также сильно сказывается износ основных фондов, требующих крупных капитальных вложений для проведения мероприятий по поддержанию оборудования на должном уровне. Техническое обслуживание и ремонт оборудования, введенного в эксплуатацию, стало трудновыполнимым из-за отказа западных компаний от сотрудничества и осуществления поставок. Так, эксперты Высшей школы экономики выявили, что энергетический комплекс России в значительной степени зависит от импорта отдельного оборудования для нефтегазовых компаний, который стал практически невозможным из-за введенных ограничений [3]. Наибольшее влияние санкции оказали на нефтегазовый рынок, который

является основным потребителем услуг электроэнергетических компаний. Давление, оказываемое на операционную и инвестиционную деятельность электрокомплекса, продолжает увеличиваться.

Проблемы надежности энергоснабжения становятся наиболее актуальными в период наступления отопительных сезонов. Готовность электросетевых компаний к работе в осенне-зимний период оценивается комплексным показателем, учитывающим данные о техническом состоянии объектов электроэнергетики, выполнении годовых планов технического обслуживания и ремонта, готовности к предотвращению и ликвидации аварийных ситуаций. Данный мониторинг ежегодно проводит Минэнерго России и публикует результаты в форме приказа [4].

Несмотря на высокую оценку готовности сетевых объектов к отопительному сезону, получаемую на протяжении уже нескольких лет, количество аварийных отключений электроэнергии в населенных пунктах Югры продолжает увеличиваться. Так, в отопительный сезон 2023/2024 года зафиксировали 178 происшествий, что на 42 % больше значения предыдущего сезона [5]. Примечательно, что даже на фоне отдельных успехов территориальных сетевых организаций, снижающих количество нарушений, общая картина остается неблагоприятной. Для снижения аварийности необходимы новые источники финансирования ремонтных мероприятий.

Целью данного исследования является анализ текущей ситуации с финансированием инвестиционных программ электросетевых компаний в России и разработка предложений по улучшению ситуации в условиях дефицита финансирования. В рамках исследования предполагается выявить ключевые проблемы, препятствующие полноценному финансированию, и предложить практические рекомендации по их преодолению.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Финансирование инвестиционных проектов в электроэнергетике рассматривается в исследованиях следующих авторов:

А. С. Тарасова, М. В. Чараева, А. А. Андреев, М. А. Федотова, Е. А. Каменева, А. М. Катаева, С. А. Бучаева, О. В. Куликова, Л. С. Кабир и др. Обоснования и оценки эффективности инвестиций в электроэнергетике изучали С. Н. Попова, Н. В. Цехомский, П. В. Горюнов, Г. И. Шевелева, В. И. Эдельман, Ю. Л. Александров, С. В. Сасим, И. А. Долматов, М. А. Панова и др.

Анализ работ указанных авторов позволил собрать общенаучную основу и выделить ключевые подходы, используемые в данном исследовании. Следует отметить, что проблема нехватки необходимых объемов финансирования инвестиционных программ электроэнергетического сектора на современном этапе, спровоцированных сначала общемировой экономической рецессией, вызванной пандемией COVID-19, а потом наложенными санкциями в связи с началом специальной военной операции и снижением выручки на фоне сокращения добычи нефти и газа и снижения объема их транспортировки, не получила достаточно освещения в литературе. Все это подчеркивает важность совершенствования методологических подходов к формированию стратегии эффективного финансирования инвестиционных проектов электросетевых компаний.

Методологическая основа исследования включает общенаучные методы классификации, логического и сравнительного анализа, синтеза и обобщения. В качестве базового подхода используется диалектический метод, предполагающий исследование явлений в их постоянном развитии и взаимосвязи, что обеспечивает целостность, полноту и надежность полученных результатов.

В качестве источников для отбора данных использовались нормативно-правовые акты в сфере электроэнергетики и государственного регулирования цен, инвестиционная программа АО «Россети Тюмень» на 2023–2027 гг., утвержденная приказом Минэнерго России, отчеты о реализации инвестиционной программы развития АО «Россети Тюмень» и обосновывающие материалы [6].

Все стоимостные показатели приведены в текущих ценах соответствующих лет без

пересчета в сопоставимые цены; единицы измерения унифицированы (млн руб., млрд кВт·ч, руб./кВт·ч). Горизонтальный и вертикальный анализ источников финансирования выполнен по данным официальной бухгалтерской (финансовой) отчетности АО «Россети Тюмень» (форма № 1 «Бухгалтерский баланс», форма № 2 «Отчет о финансовых результатах»), а также по материалам раскрытия информации об инвестиционной программе и параметрах долгосрочного периода регулирования [7–9].

Анализ структуры источников финансирования и показателей эффективности использования основных средств выполняется за 2022–2024 гг., а динамики необходимой валовой выручки (НВВ) и полезного отпуска электрической энергии – за 2018–2027 гг. Показатели НВВ и капитальных вложений рассматриваются в номинальных значениях с учетом действующих индексов-дефляторов.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Распоряжением Губернатора Тюменской области, Ханты-Мансийского автономного округа (ХМАО) и Ямало-Ненецкого автономного округа (ЯНАО) АО «Россети Тюмень» определено системообразующей территориальной сетевой организацией на соответствующей территории, что закрепляет за компанией ряд существенных обязательств, включая обеспечение надежного электроснабжения потребителей [10].

Согласно приказу Минэнерго России от 24.12.2024 № 45@ «Об утверждении инвестиционной программы АО «Россети Тюмень» на 2024–2028 гг. и изменений, вносимых в инвестиционную программу АО «Россети Тюмень», утвержденную приказом Минэнерго России от 24.11.2022 № 29@, с изменениями, внесенными приказом Минэнерго России от 28.12.2023 № 35@», утвержден план финансирования капитальных вложений АО «Россети Тюмень». Ключевые показатели распределения капитальных вложений по направлениям деятельности и по годам представлены в табл. 1 [11].

Таблица 1

**План финансирования капитальных вложений АО «Россети Тюмень»
на 2024–2028 гг., млн руб.**

Показатель	2024 г.	2025 г.	2026 г.	2027 г.	2028 г.	Итого
Всего	15 911	21 335	18 854	18 590	19 091	93 781
Технологическое присоединение	5 149	7 204	4 829	4 551	1 551	23 284
Реконструкция, модернизация, техническое перевооружение	9 043	11 721	9 787	10 984	16 022	57 557
Инвестиционные проекты, реализация которых обуславливается схемами и программами перспективного развития электроэнергетики	0	0	0	0	0	0
Прочее новое строительство объектов электросетевого хозяйства	58	67	156	0	0	281
Покупка земельных участков для целей реализации инвестиционных проектов	0	0	0	0	0	0
Прочие инвестиционные проекты	1 661	2 343	4 082	3 055	1 518	12 659

Примечание: составлено авторами по источнику [11].

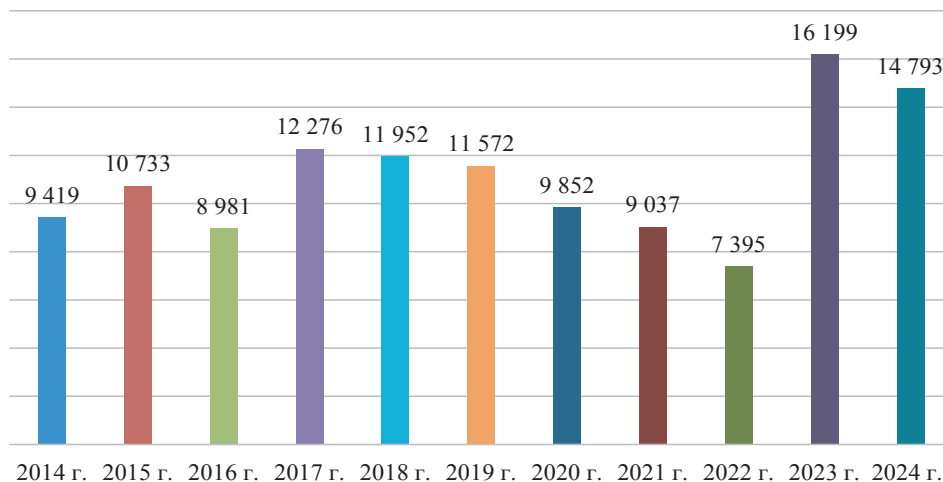
При формировании и актуализации инвестиционной программы АО «Россети Тюмень» важнейшим инструментом стратегического планирования выступает схема и программа развития электроэнергетики (СиПР) Тюменской области, ХМАО-Югры и ЯНАО. СиПР определяет долгосрочную потребность в строительстве новых и модернизации действующих объектов электросетевого хозяйства, параметры развития энергосистемы и требования к надежности электроснабжения. Мероприятия инвестиционной программы общества проходят согласование на соответствие актуальной СиПР, что обеспечивает их системность, ориентацию на перспективные потребности регионов и увязку с развитием промышленной и ресурсной баз [12].

По данным табл. 1, основными направлениями капитальных вложений АО «Россети Тюмень» на период 2024–2028 гг. являются технологическое присоединение (в среднем порядка 24,8 % от общего объема инвестиций) и реконструкция, модернизация, техническое перевооружение (в среднем около 61,4 %). Такое распределение отражает, с одной стороны, необходимость обеспечения подключения новых потребителей, а с другой – потребность в обновлении существующей

инфраструктуры, имеющей высокий уровень физического и морального износа.

К наиболее масштабным проектам АО «Россети Тюмень» на 2024–2028 гг. относятся реконструкция воздушной линии электропередачи (ВЛ) 220 кВ «Надым – Салехард-1,2»; реконструкция ВЛ 110 кВ «Снежная – Ханты-Мансийская»; строительство отпайки от ВЛ 110 кВ «Салехард – Северное Сияние» на подстанцию (ПС) 110 кВ «Шакуровская» с вводом ПС 110/35/6 кВ «Шакуровская». Эти проекты носят системообразующий характер для энергоснабжения северных территорий и ориентированы на повышение надежности электросетевого комплекса в районах с экстремальными климатическими условиями [13].

На рис. 1 анализ динамики фактического объема финансирования инвестиционных проектов компании показывает, что максимальные значения вложений достигнуты в двух последних годах рассматриваемого периода. Рост капитальных затрат обусловлен повышением индексов-дефляторов, удорожанием оборудования и строительно-монтажных работ, необходимостью замещения импортных комплектующих и реализации программ импортозамещения, что напрямую влияет на стоимость и сроки выполнения инвестиционных мероприятий.

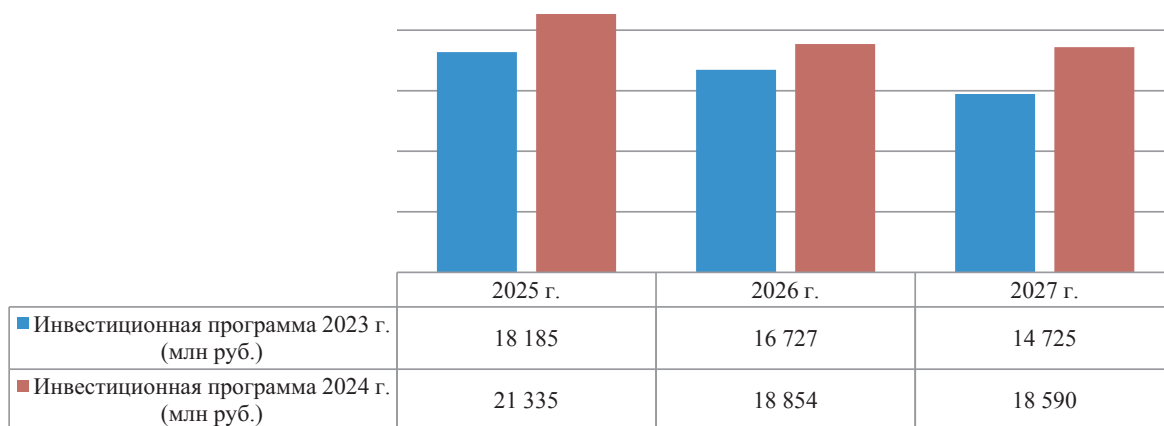
Рис. 1. Динамика объема финансирования инвестиционных проектов АО «Россети Тюмень», млн руб.
 Примечание: составлено авторами по источникам [7–9].

В подтверждение данной тенденции следует отметить корректировку инвестиционной программы АО «Россети Тюмень», в рамках которой совокупный объем финансирования на 2025–2027 гг. был увеличен на 9 млрд руб. по сравнению с предыдущей редакцией программы на период 2023–2027 гг. Данные изменения связаны с актуализацией СиПР, корректировкой прогнозных нагрузок и необходимостью ускоренного обновления части объектов (рис. 2).

Сокращение объемов финансирования относительно потребностей, заложенных в целевых документах долгосрочного развития, может привести к возникновению существенных рисков: невозможности обеспечения требуемого уровня надежности и качества электроснабжения, переносу сроков реализации

мероприятий по подготовке к осенне-зимнему периоду, а также задержке исполнения обязательств по технологическому присоединению заявителей [14, 15].

Сопоставление фактических и плановых показателей объемов финансирования показывает, что отклонение факта от плана по годам не превышает 7%. Это свидетельствует о достаточно высоком уровне управляемости инвестиционной программой. Основной причиной возникающих отклонений является смещение сроков финансирования отдельных проектов на последующие отчетные периоды вследствие особенностей проведения конкурсных процедур, корректировки проектной документации и изменения рыночной конъюнктуры (рис. 3).

Рис. 2. Плановые показатели финансирования инвестиционных программ за 2023 и 2024 гг.
 Примечание: составлено авторами по источникам [6, 11].

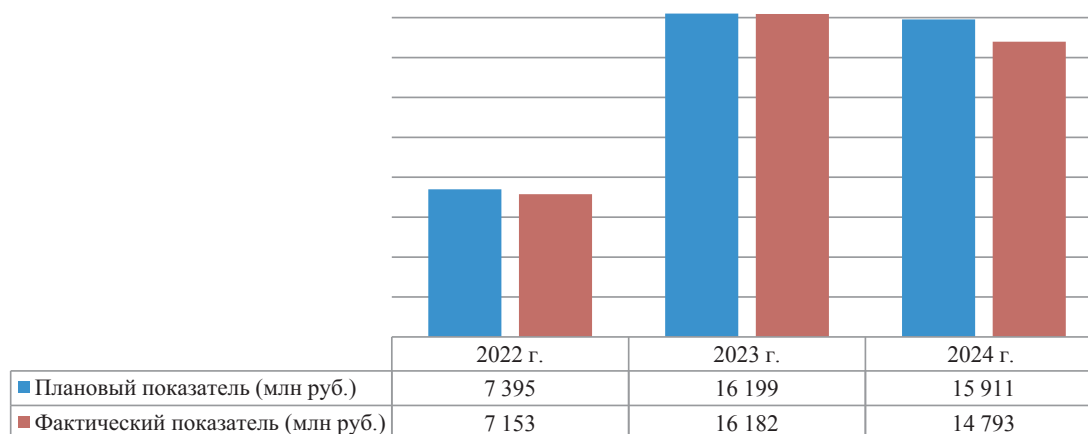

Рис. 3. Анализ исполнения плановых показателей поступлений за 2022–2024 гг.

Примечание: составлено авторами по источникам [7–9].

Структура источников финансирования инвестиционных проектов АО «Россети Тюмень» представлена в табл. 2. Анализ показывает, что компания финансирует инвестиционные программы преимущественно за счет собственных средств – в среднем 94,7 % от общего объема источников финансирования. Наибольший удельный вес в составе собственных средств занимает амортизация основных средств (в среднем 69,6 %), а также прибыль, направляемая на инвестиции (в среднем около 14 %). При

этом объем прибыли, направляемой на финансирование капитальных вложений, демонстрирует негативную динамику: в 2024 г. по сравнению с 2023 г. наблюдается снижение более чем на 50 %. Более 95 % прибыли формируется за счет реализации продукции и оказания услуг по регулируемым тарифам. Дополнительно в структуре источников финансирования используются возврат НДС (в среднем 12,4 %) и прочие собственные средства. Доля заемных средств остается незначительной.

Таблица 2

Вертикальный и горизонтальный анализ источников финансирования инвестиционных проектов АО «Россети Тюмень» за 2022–2024 гг.

Показатель	2022 г.	Доля, %	2023 г.	Доля, %	2024 г.	Доля, %	2022/2023 гг.		2023/2024 гг.	
							млн руб.	Темп прироста, %	млн руб.	Темп прироста, %
Всего	7 153	100	16 182	100	14 793	100	9 029	126	–1 389	–8,6
Собственные средства, в том числе	7 151	99,9	16 182	100	12 468	84,3	9 031	126	–3 714	–22,9
прибыль, направляемая на инвестиции, в том числе	1 274	17,8	2 517	15,6	1 220	9,8	1 243	97,6	–1 297	–51,5
полученная от реализации продукции и оказанных услуг по регулируемым ценам (тарифам)	1 256	98,6	2 423	96,3	1 220	100	1 167	92,9	–1 203	–49,6

Окончание таблицы 2

Показатель	2022 г.	Доля, %	2023 г.	Доля, %	2024 г.	Доля, %	2022/2023 гг.		2023/2024 гг.	
							млн руб.	Темп прироста, %	млн руб.	Темп прироста, %
прочая прибыль	18	1,4	94	3,7	0	0	76	422	-94	-100
Амортизация основных средств	4 911	68,7	10 803	66,7	9 158	73,4	5 892	120	-1 645	-15,2
Возврат налога на добавленную стоимость	873	12,2	2 010	12,4	1 567	12,6	1 137	130	-443	-22
Прочие собственные средства	93	1,3	853	5,3	523	4,2	760	817	-330	-38,7
Заемные средства, в том числе	2	0,1	0	0	2 325	15,7	-2	-100	2 325	100
кредиты	2	0,1	0	0	2 325	100	-2	-100	2 325	100

Примечание: составлено авторами по источникам [7–9].

Анализ использования основных средств АО «Россети Тюмень» за 2022–2024 гг. представлен в табл. 3. По данным табл. 3, отмечается увеличение фондоотдачи (+12,3 % к уровню 2022 г.), что объясняется ростом экономической активности ключевых потребителей – организаций нефтегазового комплекса. Снижение фондовооруженности в 2023 г. относительно 2022 г. составляет порядка 2,2 %, что связано с уменьшением балансовой стоимости основных средств вследствие переоценки и частичного выбы-

тия, а не с существенным сокращением физического объема инфраструктуры.

Одновременно наблюдается ухудшение показателей рентабельности, особенно в 2024 г.: рентабельность основных средств и собственного капитала принимает отрицательные значения на фоне снижения выручки и получения убытка по итогам периода. Рентабельность собственного капитала остается ниже среднеотраслевого уровня, что свидетельствует о высокой капиталоемкости бизнеса при относительно ограниченном росте доходной базы.

Таблица 3

Анализ использования основных средств АО «Россети Тюмень» за 2022–2024 гг.

Показатель	2022 г.	2023 г.	2024 г.	2022/2023 гг. Темп прироста, %	2023/2024 гг. Темп прироста, %
Фондоотдача, млн руб.	0,73	0,82	0,78	12,3	-4,9
Фондоемкость, млн руб.	1,37	1,22	1,29	-11	5,7
Фондовооруженность, млн руб.	13,7	13,4	13,5	-2,2	0,8
Рентабельность основных средств, %	4,9	4,4	-2,6	-10,2	-159
Рентабельность продаж, %	10,4	8,2	1,7	-21,2	-79,3
Рентабельность собственного капитала, %	4,5	4,7	-2,9	4,4	-161,7
Коэффициент износа, %	76,8	77	78	1,3	1,3
Коэффициент годности, %	23,2	23	22	-0,9	-4,3

Примечание: составлено авторами по источникам [7–9].

Коэффициент износа основных средств ежегодно увеличивается и достигает значений свыше 70 %, в то время как коэффициент годности, напротив, снижается и становится существенно ниже рекомендуемого минимального уровня (50 %). При этом бухгалтерский уровень износа не отражает фактический технический ресурс оборудования: благодаря системной реализации программ текущего и капитального ремонта реальный физический износ, по оценкам, находится на уровне 15–20 %. Тем не менее высокая величина бухгалтерского износа указывает на необходимость расширения программ реконструкции и модернизации.

Таким образом, финансирование инвестиционной программы за счет собственных средств обеспечивает компании относительную независимость от кредиторов, отсутствие процентных затрат и низкий риск неплатежеспособности, но одновременно ограничивает масштаб возможных инвестиций. Привлечение заемного финансирования сдерживается ростом ключевой ставки Банка России и, как следствие, удорожанием кредитных ресурсов, что повышает стоимость реализуемых проектов и увеличивает финансовые риски.

Отдельной проблемой, влияющей на финансовые результаты, является бездоговорное потребление электроэнергии – от самовольных подключений физических лиц до теневого энергопотребления со стороны майнинговых ферм. По оценкам общества, только за девять месяцев 2024 г. ущерб от

хищения электроэнергии составил 6,6 млн руб. Потенциальная выручка от предотвращенного небаланса могла бы быть направлена на финансирование инвестиционных мероприятий и модернизацию инфраструктуры [16]. На рис. 4 представлена динамика прибыли компании, полученной от реализации продукции и оказанных услуг по регулируемым ценам.

АО «Россети Тюмень» как субъект естественной монополии осуществляет регулируемую деятельность на территории Тюменской области, ХМАО-Югры и ЯНАО. Тарифное регулирование осуществляется в соответствии с Федеральным законом «Об электроэнергетике», постановлением Правительства РФ № 1178 и иными нормативными актами. С 2021 г. в регионе действует единое тарифное регулирование, что позволяет обеспечивать сопоставимые подходы к установлению тарифов для различных групп потребителей и территорий [17].

Тарифы на услуги по передаче электроэнергии для АО «Россети Тюмень» устанавливаются с использованием метода долгосрочной индексации НВВ. Долгосрочные параметры регулирования на период 2023–2027 гг. утверждены решением Региональной энергетической комиссии Тюменской области, ХМАО-Югры и ЯНАО и включают базовый уровень подконтрольных расходов, индекс эффективности, коэффициент эластичности по количеству активов, целевые показатели потерь, надежности и качества услуг [18].

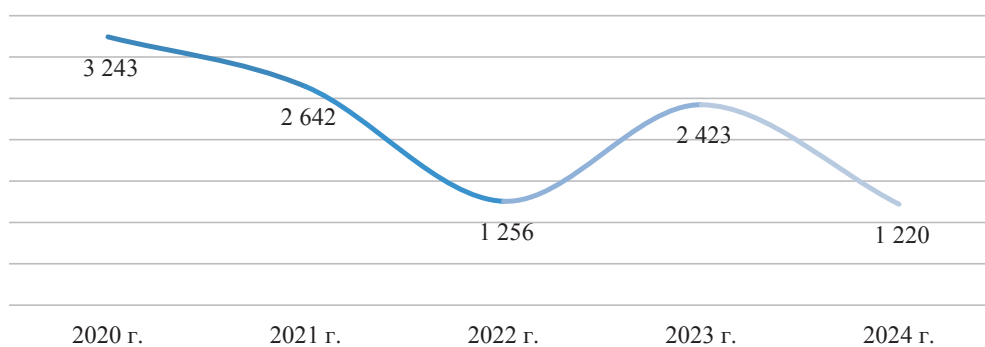

Рис. 4. Динамика прибыли, полученной от реализации продукции и оказанных услуг по регулируемым ценам (тарифам) АО «Россети Тюмень» за 2020–2024 гг., млн руб.

Примечание: составлено авторами по источникам [7–9].

В рамках действующей модели регулирования реализуется механизм компенсации выпадающих доходов и расходов, не учтенных в предыдущих периодах регулирования. В широком смысле выпадающие доходы представляют собой недополученную выручку, возникающую вследствие отклонения фактических параметров деятельности от заложенных в тарифах: снижения полезного отпуска относительно планового; предоставления льгот отдельным категориям потребителей; реализации технологического присоединения льготных категорий заявителей, когда расходы на технологическое присоединение (ТП) не покрываются платой; признания регулятором отдельных фактических расходов экономически обоснованными при их изначальном неучете в тарифах [19, 20].

Часть выпадающих доходов по технологическому присоединению определяется в соответствии с методическими указаниями, утвержденными приказом Федеральной службы по тарифам России № 215-э/1, и подлежит компенсации через НВВ по услугам передачи, а не за счет увеличения платы за технологическое присоединение. Это отличает нормативно определенные выпадающие доходы по ТП от потерь выручки, связанных с динамикой полезного отпуска и тарифных льгот.

Положительная динамика среднего тарифа на услуги по передаче электроэнергии (рис. 5), рассчитываемого как отношение НВВ к отпуску электроэнергии из сети, обусловлена ежегодной индексацией тарифов и ростом НВВ в соответствии с установленными ин-

дексами изменения тарифов и параметрами долгосрочного периода регулирования. Однако рост тарифа одновременно оказывает сдерживающее влияние на потребление электроэнергии и может приводить к трансформации структуры нагрузки.

В структуре розничной цены на электрическую энергию услуги по передаче занимают одну из ключевых позиций наряду со стоимостью электрической энергии (мощности), сбытовой надбавкой гарантирующего поставщика и иными регулируемым компонентами. Правовые основы функционирования розничных рынков и формирования цен (тарифов) для конечных потребителей определены постановлением Правительства РФ от 04.05.2012 № 442 «О функционировании розничных рынков электрической энергии, полном и (или) частичном ограничении режима потребления электрической энергии» и Основными положениями функционирования розничных рынков электрической энергии [21].

На территориях, не объединенных в ценовые зоны оптового рынка (к которым относится и зона деятельности АО «Россети Тюмень»), для населения и приравненных к нему категорий потребителей применяются полностью регулируемые розничные цены (одноставочные или дифференцированные по зонам суток). Для прочих потребителей конечная цена формируется как сумма регулируемых тарифов на услуги по передаче, платы за электрическую энергию (мощность), определяемой на основе оптовых цен или регулируемых тарифов, а также сбытовой надбавки

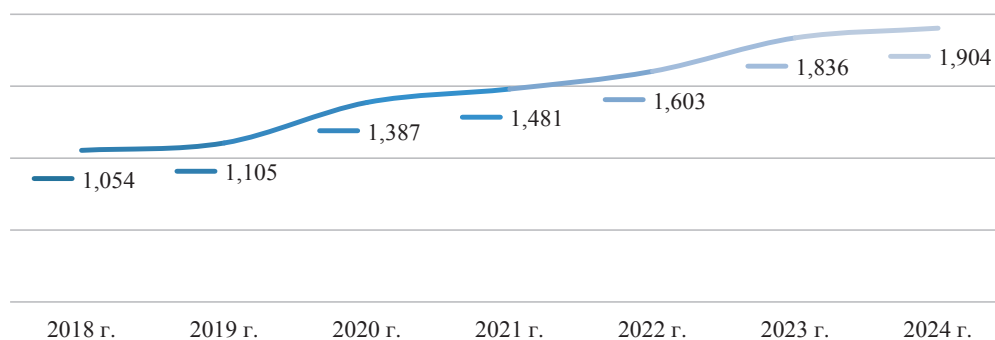

Рис. 5. Динамика величины среднего тарифа на услуги по передаче электроэнергии АО «Россети Тюмень» за 2018–2024 гг., руб./кВт·ч.

Примечание: составлено авторами по источникам [7–9].

гарантирующего поставщика. При этом действующая система ценообразования учитывает задачу поэтапного снижения перекрестного субсидирования между группами потребителей [22].

Рост НВВ сетевой организации через увеличение тарифа на услуги по передаче непосредственно влияет на динамику конечной розничной цены для потребителей в соответствующей ценовой/неценовой зоне. Одновременно предельные ограничения по росту платы за электрическую энергию на розничном рынке ограничивают возможности регулятора по ускоренной компенсации накопленных выпадающих доходов за счет межпериодной корректировки НВВ. В результате возникает необходимость распределения объемов компенсации на длительный горизонт, а также поиска дополнительных инструментов – в том числе за счет бюджетного финансирования отдельных категорий потребителей или проектов и развития нетарифных видов деятельности сетевых компаний.

Включение выпадающих доходов сетевой организации в состав НВВ через механизмы межпериодной корректировки приводит к росту тарифа на услуги по передаче электрической энергии, а значит, и к увеличению сетевой составляющей в конечной розничной цене для потребителей. При этом регулятор ограничен установленными допустимыми темпами роста платы граждан за коммунальные услуги и параметрами индексации тарифов на розничных рынках, что не позволяет

одномоментно компенсировать весь объем накопленных выпадающих доходов без существенного роста финансовой нагрузки на потребителей.

В результате связь между компенсацией выпадающих доходов и динамикой розничных цен носит отложенный и сглаженный характер: объем межпериодных отклонений распределяется на несколько периодов регулирования, а темпы роста тарифов и конечной розничной цены устанавливаются с учетом социально-экономических ограничений. Для отдельных категорий потребителей (население и приравненные к нему группы) воздействие роста сетевой составляющей дополнительно смягчается за счет системы перекрестного субсидирования и бюджетной поддержки, тогда как для прочих потребителей (промышленных и коммерческих) увеличение НВВ сетевой организации выражается в более прямом росте конечной цены на электрическую энергию.

Таким образом, механизмы компенсации выпадающих доходов, с одной стороны, обеспечивают финансовую устойчивость сетевой компании и возможность реализации инвестиционной программы, а с другой – формируют дополнительное давление на розничные цены, что требует балансировки интересов сетевых организаций, гарантирующих поставщиков, потребителей и органов государственной власти при установлении тарифных решений. На рис. 6 представлена динамика величины НВВ АО «Россети Тюмень».

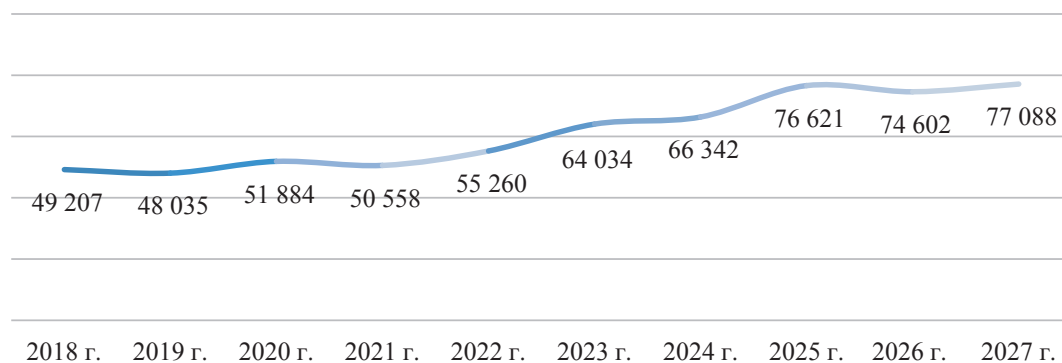

Рис. 6. Динамика величины НВВ АО «Россети Тюмень» за 2018–2027 гг., млн руб.

Примечание: составлено авторами по источникам [7–9].

Увеличение объемов НВВ в начале действующего долгосрочного периода регулирования в существенной степени обусловлено включением в 2023 г. части выпадающих доходов АО «Россети Тюмень» в размере свыше 3,1 млрд руб. Указанный объем сформировался в 2018–2021 гг. вследствие снижения объемов полезного отпуска электроэнергии в рамках исполнения соглашения организации стран – экспортеров нефти (ОПЕК+) и сопутствующего уменьшения выручки при фиксированных тарифах. В 2021 г. объем полезного отпуска составил 53,7 млрд кВт·ч, что на 15,2 % (9,6 млрд кВт·ч) ниже уровня 2017 г. В 2024 г. фактический полезный отпуск (52,6 млрд кВт·ч) по-прежнему остается ниже докризисных значений [23].

Согласно оценкам регулятора совокупный объем выпадающих доходов и межпериодных отклонений АО «Россети Тюмень» достигает

17,7 млрд руб. (табл. 4). Указанная величина подлежит поэтапному учету в последующих периодах регулирования через механизмы межпериодной корректировки НВВ и, при необходимости, через иные предусмотренные нормативными актами инструменты, включая целевое бюджетное финансирование. При этом объем и сроки компенсации зависят от решений регулятора и действующих ограничений по росту тарифов.

Представленная структура выпадающих доходов и отклонений позволяет выделить несколько ключевых групп: недополученную НВВ, сформированную за счет снижения полезного отпуска; выпадающие доходы по технологическому присоединению льготных категорий заявителей; недополученную выручку от тарифных льгот; расходные отклонения, признанные регулятором обоснованными и подлежащие учету в НВВ последующих периодов.

Таблица 4

**Движение выпадающих доходов и межпериодных отклонений
АО «Россети Тюмень» (оценка)**

Период	Вид отклонения	Причина возникновения	Объем, млрд руб.	Порядок компенсации	План/факт включения в НВВ
2018–2021	Недополученная НВВ	Снижение полезного отпуска (соглашение ОПЕК+)	3,1	Межпериодная корректировка НВВ	Включено в НВВ 2023 г. (1-й год долгосрочного периода регулирования)
2018–2022	Выпадающие доходы по техприсоединению	Льготное ТП, расходы не покрыты платой	6,8 (оценка)	Через НВВ по услугам передачи	Частично учтено в 2023–2024 гг.
2019–2023	Недополученная выручка из-за тарифных льгот	Льготные категории потребителей	4,5	Тарифная компенсация / бюджетные механизмы	Компенсация распределена по периодам
2020–2023	Расходные отклонения	Фактические расходы, признанные обоснованными	3,3 (оценка)	Межпериодная корректировка НВВ	Учтено в параметрах долгосрочного периода регулирования (ДПР) 2023–2027 гг.
Итого	–	–	17,7	Компенсация в рамках ДПР и/или бюджетных мер	Зависит от решений регулятора

Примечание: составлено авторами на основании данных, полученных в исследовании.

Агрегированный объем в 17,7 млрд руб. демонстрирует существенную нагрузку на будущие тарифные решения и подчеркивает важность точного прогнозирования параметров деятельности сетевой компании.

В этих условиях даже при значительном росте тарифов компания остается подверженной риску недополучения запланированной НВВ. Тарифная индексация и механизмы компенсации выпадающих доходов не устраняют полностью влияние внешних факторов: макроэкономической конъюнктуры, инвестиционных решений крупных потребителей, регуляторных ограничений по росту тарифов и политик субсидирования отдельных категорий потребителей.

Для снижения зависимости от тарифных решений и повышения устойчивости финансирования инвестиционной программы АО «Россети Тюмень» целесообразно развивать нетарифные виды деятельности. Перспективными направлениями выступают услуги по техническому и ремонтно-эксплуатационному обслуживанию электросетевых объектов, выполнение строительно-монтажных и пусконаладочных работ, развитие инфраструктуры зарядных станций для электротранспорта и другие сервисы. В 2024 г. доля выручки от реализации дополнительных (нетарифных) услуг составила менее 1 % от общего объема, что свидетельствует о значительном потенциале роста данного направления [24].

Помимо собственных средств, дополнительным источником финансирования инвестиционных проектов могут выступать средства федерального бюджета, бюджетов субъектов РФ и муниципалитетов. Бюджетное финансирование традиционно применяется при реализации проектов социальной направленности и инфраструктурных инициатив, связанных с выравниванием уровня развития регионов. Однако в утвержденном федеральном бюджете на 2025 г. и плановый период 2026–2027 гг. электроэнергетический комплекс не отнесен к числу приоритетных получателей бюджетной поддержки, что осложняет привлечение прямой государственной помощи [24].

В то же время одним из ключевых направлений развития электроэнергетики России остается электрификация Восточного полигона Байкало-Амурской магистрали и Транссиба, которая рассматривается как приоритетный объект государственных инвестиций. В этих условиях дополнительными инструментами поддержки сетевых компаний могут стать налоговые льготы, целевое финансирование отдельных проектов и расширение механизмов государственно-частного партнерства. Комплексное применение указанных мер, наряду с развитием нетарифных видов деятельности и повышением эффективности использования собственных средств, формирует основу для повышения устойчивости электросетевых компаний в условиях ограничений тарифного регулирования и высокой капиталоемкости отрасли. Дальнейшее обобщение полученных результатов и выработка практических рекомендаций по совершенствованию инвестиционной и тарифной политики становятся предметом заключительного раздела работы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенный анализ финансово-экономической деятельности и инвестиционной программы АО «Россети Тюмень» показал, что компания функционирует в условиях сочетания значительных инфраструктурных требований и ограниченных финансовых возможностей. Основные источники капитальных вложений формируются за счет собственных средств, прежде всего амортизации и прибыли, однако их объем демонстрирует тенденцию к снижению. Структура финансирования указывает на высокую зависимость инвестиционной программы от результатов регулируемой деятельности и состояния макроэкономической среды.

Несмотря на увеличение объемов капитальных вложений и значительную модернизационную нагрузку, наблюдается ухудшение ключевых показателей эффективности использования основных средств, снижение рентабельности и рост коэффициента износа. Это подтверждает необходимость ускоренной

реализации программ реконструкции и технического перевооружения объектов электросетевого хозяйства.

Существенное влияние на динамику финансовых показателей оказывает механизм межпериодной корректировки НВВ. Выпадающие доходы, сформированные вследствие снижения полезного отпуска, льготных режимов потребления, расходов на технологическое присоединение льготных категорий заявителей и иных отклонений, создают значительную нагрузку на будущие тарифные решения. Совокупный объем отклонений, оцениваемый регулятором в 17,7 млрд руб., подчеркивает необходимость совершенствования системы тарифного регулирования, включая более гибкие механизмы компенсации и распределения нагрузки по периодам.

В текущих условиях ключевой задачей электросетевой компании становится повышение эффективности управления инвестиционной

программой, оптимизация расходов и поиск дополнительных источников финансирования. Развитие нетарифных услуг, расширение сервисных направлений, привлечение внебюджетных средств, а также участие в проектах государственно-частного партнерства способны повысить устойчивость компании и снизить зависимость от тарифных решений.

Таким образом, для обеспечения надежности электросетевого комплекса и достижения стратегических целей развития региона требуется дальнейшее совершенствование тарифной модели, повышение эффективности управленческих решений и развитие новых направлений бизнеса. Полученные результаты могут быть использованы при актуализации инвестиционных программ, формировании параметров долгосрочного периода регулирования и подготовке предложений по корректировке нормативной базы в сфере тарифного регулирования электросетевых компаний.

Список источников

1. Об утверждении Энергетической стратегии Российской Федерации на период до 2050 года : распоряжение Правительства РФ от 12.04.2025 № 908-р. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
2. Об утверждении схемы и программы развития электроэнергетических систем России на 2025–2030 годы : приказ Министерства энергетики РФ от 29.11.2024 № 2328. Доступ из СПС «Гарант».
3. В НИУ ВШЭ назвали самую импортозависимую отрасль в энергетике. URL: <https://ria.ru/20220417/energetika-1783943268.html> (дата обращения: 01.05.2025).
4. Мониторинг готовности субъектов электроэнергетики к работе в отопительный сезон // Министерство энергетики Российской Федерации : офиц. сайт. URL: <https://minenergo.gov.ru/industries/power-industry/monitoring-readiness-electric-power> (дата обращения: 03.05.2025).
5. В Югре снижают число нарушений на сетях электроснабжения // Департамент жилищно-коммунального комплекса и энергетики Ханты-Мансийского автономного округа – Югры : офиц. сайт. URL: <https://depjkke.admhmao.ru/news/9899196/> (дата обращения: 01.05.2025).
6. Об утверждении изменений, вносимых в инвестиционную программу АО «Россети Тюмень» на 2023–2027 годы, утвержденную приказом Минэнерго России от 24.11.2022 № 29@ : приказ Министерства энергетики РФ от 28.12.2023 № 35@. Доступ из СПС «Гарант».
7. Отчет о реализации инвестиционной программы Акционерного общества «Россети Тюмень»

References

1. On approval of the Energy Strategy of the Russian Federation for the period up to 2050: Order of the Government of the Russian Federation No. 908-r dated April 12, 2025. Accessed through Law assistance system “Consultant Plus”. (In Russ.).
2. On approval of the scheme and program for the development of electric power systems of Russia for 2025–2030: Order of the Ministry of Energy of the Russian Federation No. 2328 dated November 29, 2024. Accessed through Law assistance system “Garant”. (In Russ.).
3. V NIU VSHE nazvali samuyu importozavisimuyu otrasl v energetike. URL: <https://ria.ru/20220417/energetika-1783943268.html> (accessed: 01.05.2025). (In Russ.).
4. Monitoring gotovnosti subektov elektroenergetiki k rabote v otopitelnyy sezon. Ministerstvo energetiki Rossiyskoy Federatsii. URL: <https://minenergo.gov.ru/industries/power-industry/monitoring-readiness-electric-power> (accessed: 03.05.2025). (In Russ.).
5. V Yugre snizhayut chislo narusheniy na setyakh elektrosnabzheniya. Departament zhilishchno-kommunalnogo kompleksa i energetiki Khanty-Mansiyskogo avtonomnogo okruga – Yugry. URL: <https://depjkke.admhmao.ru/news/9899196/> (accessed: 01.05.2025). (In Russ.).
6. On approval of amendments to the investment program of AO “Rosseti Tyumen” for 2023–2027, approved by order of the Ministry of Energy of the Russian Federation No. 29@ dated November 24, 2022: Order of the Ministry of Energy of the Russian Fede-

- за 2022 год. URL: <https://invest.gosuslugi.ru/epgu-forum/#/ipr/04579> (дата обращения: 05.05.2025).
8. Отчет о реализации инвестиционной программы Акционерного общества «Россети Тюмень» за 2023 год. URL: <https://invest.gosuslugi.ru/epgu-forum/#/ipr/05410> (дата обращения: 05.05.2025).
  9. Отчет о реализации инвестиционной программы Акционерного общества «Россети Тюмень» за 2024 год. URL: <https://invest.gosuslugi.ru/epgu-forum/#/ipr/06099> (дата обращения: 05.05.2025).
  10. Об определении системообразующей территориальной сетевой организации : распоряжение Губернатора Ханты-Мансийского АО – Югры от 05.09.2024 № 233-рг. Доступ из СПС «Гарант».
  11. Об утверждении инвестиционной программы АО «Россети Тюмень» на 2024–2028 годы и изменений, вносимых в инвестиционную программу АО «Россети Тюмень», утвержденную приказом Минэнерго России от 24.11.2022 № 29@, с изменениями, внесенными приказом Минэнерго России от 28.12.2023 № 35@ : приказ Минэнерго России от 24.12.2024 № 45@. URL: https://minenergo.gov.ru/industries/power-industry/investment-programs/ao_rosseti_tyumen?docs-group=file-315988&ysclid=mnn31i58sg508276957 (дата обращения: 30.10.2025).
  12. Об утверждении схемы и программы развития электроэнергетических систем России на 2026–2031 годы : приказ Министерства энергетики РФ от 28.11.2025 № 1553. Доступ из СПС «Гарант».
  13. В Тюменской области пресекли хищения электроэнергии на сумму 6,6 млн рублей // Россети Тюмень : офиц. сайт. URL: https://www.te.ru/press_center/news/1668/37892/ (дата обращения: 01.05.2025).
  14. Байбулатов Р. Я., Зубарева Л. В. Принципы организационно-экономического механизма ценообразования на оптовом рынке электрической энергии и мощности // Финансовые рынки и банки. 2023. № 6. С. 178–182. <https://doi.org/10.24412/2658-3917-2023-6-178-182>.
  15. Ахроров А. Д., Куанышбаев А. Д., Сагинтаева С. С. и др. Системное тарифное регулирование в энергетической отрасли: теория, методология, практика : моногр. М. : Изд-во МЭИ, 2022. 536 с.
  16. Итоги IX Восточного экономического форума. URL: <https://roscongress.org/materials/itogi-ix-vostochno-ekonomicheskogo-foruma/> (дата обращения: 10.05.2025).
  17. О ценообразовании в области регулируемых цен (тарифов) в электроэнергетике (вместе с «Основами ценообразования в области регулируемых цен (тарифов) в электроэнергетике», «Правилами государственного регулирования (пересмотра, применения) цен (тарифов) в электроэнергетике») : постановление Правительства РФ от 29.12.2011 № 1178. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
  18. Об установлении на 2023–2027 годы долгосрочных параметров регулирования для АО «Россети Тюмень», в отношении которого тарифы на услуги по передаче электрической энергии устанавлива-
  7. Otchet o realizatsii investitsionnoy programmy Aktsionernogo obshchestva “Rosseti Tyumen” za 2022 god. URL: <https://invest.gosuslugi.ru/epgu-forum/#/ipr/04579> (accessed: 05.05.2025). (In Russ.).
  8. Otchet o realizatsii investitsionnoy programmy Aktsionernogo obshchestva “Rosseti Tyumen” za 2023 god. URL: <https://invest.gosuslugi.ru/epgu-forum/#/ipr/05410> (accessed: 05.05.2025). (In Russ.).
  9. Otchet o realizatsii investitsionnoy programmy Aktsionernogo obshchestva “Rosseti Tyumen” za 2024 god. URL: <https://invest.gosuslugi.ru/epgu-forum/#/ipr/06099> (accessed: 05.05.2025). (In Russ.).
  10. On the definition of a system-forming territorial grid organization: Order of the Governor of the Khanty-Mansi Autonomous Okrug – Yugra No. 233-rg dated September 5, 2024. Accessed through Law assistance system “Garant”. (In Russ.).
  11. On approval of the investment program of AO “Rosseti Tyumen” for 2024–2028 and amendments made to the investment program of AO “Rosseti Tyumen”, approved by order of the Ministry of Energy of the Russian Federation No. 29@ dated November 24, 2022, with amendments made by order of the Ministry of Energy of the Russian Federation No. 35@ dated December 28, 2023: Order of the Ministry of Energy of the Russian Federation No. 45@ dated December 24, 2024. URL: https://minenergo.gov.ru/industries/power-industry/investment-programs/ao_rosseti_tyumen?docs-group=file-315988&ysclid=mnn31i58sg508276957 (accessed: 30.10.2025). (In Russ.).
  12. On approval of the scheme and program for the development of electric power systems of Russia for 2026–2031: Order of the Ministry of Energy of the Russian Federation No. 1553 dated November 28, 2025. Accessed through Law assistance system “Garant”. (In Russ.).
  13. V Tyumenskoy oblasti presekli khishcheniya elektroenergii na summu 6,6 mln rubley. Rosseti Tyumen. URL: https://www.te.ru/press_center/news/1668/37892/ (accessed: 01.05.2025). (In Russ.).
  14. Bajbulatov R. Ya., Zubareva L. V. Principles of the organizational and economic pricing mechanism in the wholesale market of electric energy and capacity. *Financial Markets and Banks*. 2023;(6):178–182. <https://doi.org/10.24412/2658-3917-2023-6-178-182>. (In Russ.).
  15. Akhrorov A. D., Kuanyshbaev A. D., Sagintaeva S. S. et al. Sistemnoe tarifnoe regulirovanie v energeticheskoy otrasli: teoriya, metodologiya, praktika. Monograph. Moscow: Izd-vo MEI; 2022. 536 p. (In Russ.).
  16. Itogi IX Vostochnogo ekonomicheskogo foruma. URL: <https://roscongress.org/materials/itogi-ix-vostochno-ekonomicheskogo-foruma/> (accessed: 10.05.2025). (In Russ.).
  17. On pricing in the area of regulated prices (tariffs) in the electric power industry (together with the “Fundamentals of pricing in the area of regulated prices

- ются на основе долгосрочных параметров регулирования деятельности территориальных сетевых организаций : решение Региональной энергетической комиссии Тюменской области, Ханты-Мансийского автономного округа, Ямало-Ненецкого автономного округа от 29.11.2022 № 38. Доступ из СПС «Гарант».
19. Байбулатов Р. Я., Зубарева Л. В., Шарамеева О. А. Проблемы и особенности ценообразования на оптовом рынке электрической энергии и мощности // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Экономика и менеджмент. 2025. Т. 19, № 2. С. 41–52. <https://doi.org/10.14529/em250204>.
  20. Маякова М. Д. Тарифное регулирование как метод государственного регулирования цен в сфере оборота электроэнергии // Научный аспект. 2024. № 7.
  21. О функционировании розничных рынков электрической энергии, полном и (или) частичном ограничении режима потребления электрической энергии (вместе с «Основными положениями функционирования розничных рынков электрической энергии», «Правилами полного и (или) частичного ограничения режима потребления электрической энергии») : постановление Правительства РФ от 04.05.2012 № 442. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
  22. Об утверждении Методических указаний по определению выпадающих доходов, связанных с осуществлением технологического присоединения к электрическим сетям : приказ ФСТ России от 11.09.2014 № 215-э/1. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
  23. Об электроэнергетике : федеральный закон от 26.03.2003 № 35-ФЗ. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
  24. О федеральном бюджете на 2025 год и на плановый период 2026 и 2027 годов : федеральный закон от 30.11.2024 № 419-ФЗ. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
  18. On the establishment of long-term regulatory parameters for AO “Rosseti Tyumen” for 2023–2027, for which tariffs for electricity transmission services are established on the basis of long-term regulatory parameters for the activities of territorial grid organizations: Decision of the Regional Energy Commission of the Tyumen Oblast, Khanty-Mansi Autonomous Okrug, and Yamalo-Nenets Autonomous Okrug No. 38 dated November 29, 2022. Accessed through Law assistance system “Garant”. (In Russ.).
  19. Baybulatov R. Ya., Zubareva L. V., Sharameeva O. A. Problems and peculiar features of pricing on the wholesale electric power and capacity market. *Bulletin of South Ural State University, Series “Economics and Management”*. 2025;19(2):41–52. <https://doi.org/10.14529/em250204>. (In Russ.).
  20. Mayakova M. D. Tarifnoe regulirovanie kak metod gosudarstvennogo regulirovaniya tsen v sfere oborota elektroenergii. *Nauchnyy aspekt*. 2024;(7). (In Russ.).
  21. On the functioning of retail electricity markets, full and (or) partial restriction of the electricity consumption regime (together with the “Basic Provisions for the Functioning of Retail Electricity Markets”, “Rules for Full and (or) Partial Restriction of the Electricity Consumption Regime”): Resolution of the Government of the Russian Federation No. 442 of May 4, 2012. Accessed through Law assistance system “Consultant Plus”. (In Russ.).
  22. On approval of the Methodological Guidelines for determining lost income associated with the implementation of technological connection to electrical networks: Order of the Federal Tariff Service of Russia No. 215-e/1 dated September 11, 2014. Accessed through Law assistance system “Consultant Plus”. (In Russ.).
  23. On Electric Power Industry: Federal Law No. 35-FZ of March 26, 2003. Accessed through Law assistance system “Consultant Plus”. (In Russ.).
  24. On the federal budget for 2025 and for the planning period of 2026 and 2027: Federal Law No. 419-FZ of November 30, 2024. Accessed through Law assistance system “Consultant Plus”. (In Russ.).

Информация об авторах

О. Н. Галюта – кандидат экономических наук, доцент;

<https://orcid.org/0009-0001-7436-1074>,
galyuta_on@surgu.ru

К. Д. Ивкин – аспирант;
<https://orcid.org/0009-0008-3825-9938>,
ivkinkirilldm@mail.ru

П. М. Метель – магистрант;
<https://orcid.org/0009-0009-4072-2650>,
pometel@yandex.ru[✉]

About the authors

O. N. Galyuta – Candidate of Sciences (Economics), Docent;

<https://orcid.org/0009-0001-7436-1074>,
galyuta_on@surgu.ru

K. D. Ivkin – Postgraduate;
<https://orcid.org/0009-0008-3825-9938>,
ivkinkirilldm@mail.ru

P. M. Metel – Master’s Degree Student;
<https://orcid.org/0009-0009-4072-2650>,
pometel@yandex.ru[✉]

Научная статья

УДК 364.35(470+571)

<https://doi.org/10.35266/2949-3455-2026-2-3>

Роль страховых взносов в пенсионном обеспечении

Николай Зотикович Зотиков

Чувашский государственный университет имени И. Н. Ульянова, Чебоксары, Россия

Аннотация. Бюджет Пенсионного фонда Российской Федерации (с 2023 г. – Социального фонда России) не входит в бюджетную систему Российской Федерации, формируется за счет страховых взносов: обязательных (уплачиваемых работодателями и индивидуальными предпринимателями за себя), добровольных (уплачиваемых самозанятыми), пеней и штрафов, доходов от инвестирования, средств федерального бюджета. Назначение пенсионного обеспечения – компенсация утраченного дохода при наступлении событий (старости, инвалидности, потери кормильца), цель – обеспечение достойного уровня жизни пенсионера. Предмет исследования – пенсионная система Российской Федерации, бюджет Пенсионного фонда Российской Федерации. Актуальность темы исследования обусловлена важностью, социальной значимостью задач, решаемых пенсионным страхованием, его состоянием и необходимостью его дальнейшего реформирования. Государство ответственно за материальное обеспечение более 40 млн пенсионеров, составляющих около 1/3 всего населения страны. Цель исследования – рассмотреть состояние пенсионного обеспечения в России. Задачи – проанализировать финансовое состояние пенсионной системы, доходов бюджета, поиск дополнительных источников его пополнения. Информационной базой послужили Налоговый кодекс Российской Федерации, данные Росстата, отчетные данные Федеральной налоговой службы, Пенсионного фонда Российской Федерации (Социальный фонд России), статьи по рассматриваемому вопросу. Исследование проведено с применением методов: анализ и синтез, группировка, обобщение, сравнение, табличный и др. Установлено: низок уровень страховых пенсий, снижается коэффициент замещения, из-за низкого уровня базы для исчисления страховых взносов их величина недостаточна для формирования доходов бюджета, остается значительной в доходах бюджета Пенсионного фонда (Социальный фонд России) доля средств федерального бюджета, который в нынешних условиях сам испытывает значительные трудности из-за западных санкций, снижения спроса и цен на нефтегазовые источники.

Ключевые слова: доля оплаты труда в структуре денежных доходов населения, доля пенсий в структуре социальных выплат, страховые взносы, страховая пенсия, коэффициент замещения, безвозмездные поступления, предельная база для исчисления страховых взносов, софинансирование, страховые взносы при специальных налоговых режимах

Для цитирования: Зотиков Н. З. Роль страховых взносов в пенсионном обеспечении // Вестник Сургутского государственного университета. 2026. Т. 14, № 2. С. 33–41. <https://doi.org/10.35266/2949-3455-2026-2-3>.

Original article

Role of insurance contributions in pension provision

Nikolay Z. Zotikov

I. N. Uliyanov Chuvash State University, Cheboksary, Russia

Abstract. The budget of the Pension Fund of the Russian Federation (since 2023 the Pension and Social Insurance Fund of the Russian Federation (SFR)) is not part of the budgetary system of the Russian Federation. It is formed from insurance contributions: mandatory (paid by employers and individual entrepreneurs for themselves), voluntary (paid by the self-employed), penalties and fines, investment income, and federal budget funds. To ensure a decent standard of living for pensioners, pension provision aims to compensate for lost income due

to events such as old age, disability, or the loss of a breadwinner. The subject of this study is the pension system of the Russian Federation and the budget of the Pension Fund of the Russian Federation. The relevance of this research is determined by the importance and social significance of the tasks solved by pension insurance, its current status, and the need for its further reform. Approximately one-third of the country's total population consists of over 40 million pensioners who are financially secured by the state. The purpose of this study is to examine the state of pension provision in Russia. The objectives are to analyze the financial condition of the pension system, budget revenues, and the search for additional sources of replenishment. The information base includes the Russian Tax Code, Rosstat data, reporting data from the Federal Tax Service, the Pension Fund (SFR), and articles on the subject under consideration. The study is conducted using the following methods: analysis and synthesis, grouping, generalization, comparison, tabulation, and others. It is established that the level of insurance pensions is low, the replacement rate is declining, and due to the low base for calculating insurance contributions, their amount is insufficient to generate budget revenue. The federal budget, which is currently experiencing significant difficulties due to Western sanctions and declining demand and prices for oil and gas resources, remains a significant share of the Pension Fund (SFR) budget revenue.

Keywords: share of wages in the structure of population monetary income, share of pensions in the structure of social benefits, insurance contributions, insurance pension, replacement rate, gratuitous receipts, maximum base for calculating insurance contributions, co-financing, insurance contributions under special tax regimes

For citation: Zotikov N. Z. Role of insurance contributions in pension provision. *Surgut State University Journal*. 2026;14(2):33–41. <https://doi.org/10.35266/2949-3455-2026-2-3>.

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования обусловлена социальными задачами, которые решает пенсионное обеспечение для более 40 млн пенсионеров страны, среди которых важной является защита граждан от социальных рисков, связанных с наступлением старости, инвалидности или потерей кормильца. Назначение пенсионного обеспечения – компенсация утраченного дохода при наступлении этих событий, а также предоставление средств к существованию нетрудоспособным гражданам в целях обеспечения достойного уровня жизни пенсионерам (соблюдая адресность, ориентируясь на конкретного человека). В России выделяют: государственное пенсионное обеспечение; обязательное пенсионное страхование (ОПС). На размер пенсии влияют: продолжительность трудового стажа, величина заработной платы, пенсионные баллы (индивидуальный пенсионный коэффициент), коэффициент замещения, индексация пенсии, перерасчет пенсии (продолжительность работы после выхода на пенсию, появление иждивенцев, увеличение стажа). В отечественной практике распространены 2 вида коэффициента замещения:

1) солидарный – соотношение среднего размера пенсии и среднемесячной заработной платы;

2) индивидуальный – как соотношение средней пенсии застрахованного лица или конкретной группы населения, которые отвечают конкретным условиям формирования пенсионных прав и выплаты пенсии.

Коэффициент замещения имеет тенденцию к уменьшению, причиной является рост заработной платы опережающими темпами, причем неравномерно по отраслям, а пенсия индексируется на размер официальной инфляции.

Цель исследования – рассмотреть состояние пенсионного обеспечения в России. Задачи – проанализировать финансовое состояние пенсионной системы, роль страховых взносов, уровень доходов пенсионеров, доходов бюджета Пенсионного фонда Российской Федерации (ПФР), поиск дополнительных источников его пополнения.

Проведем краткий обзор публикаций по исследуемой теме.

Как указывает Н. Фадейкина, ПФР является ключевым социальным институтом страны и крупнейшей федеральной системой оказания государственных услуг в области социального обеспечения [1, с. 73].

По мнению Н. С. Мельниковой и соавт., формой социальной защиты граждан, у которых наступил пенсионный возраст, а также граждан, которые потеряли заработок в силу определенных

обстоятельств или ухудшилось здоровье, является пенсионное обеспечение [2, с. 67].

Н. Г. Иванова и соавт. полагают, что изменения в системе пенсионного законодательства направлены на то, что вместе с повышением срока выхода на пенсию должен повышаться ее размер [3, с. 46].

И. М. Станчин считает, что повышение пенсионного возраста не является единственным выходом в ситуации дефицита бюджета ПФР. Самым эффективным является повышение зарплаты работников [4].

В. А. Подольский, отмечая социальную направленность немецкой экономики, обозначает, что для Германии характерны децентрализация и самоуправление. Немецкая система была выстроена снизу вверх. <...> Российская система была создана сверху вниз, по царским указам, а затем советским декретам и федеральным законам [5, с. 153].

Как указывает А. К. Соловьев, пенсионная система России в условиях продолжающегося глобального кризиса бюджетной системы находится под влиянием двух вызовов: роста бедности основных категорий пенсионеров и за-

висимости Пенсионного фонда РФ от трансфертов из федерального бюджета [6, с. 72].

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Исследование опирается на Налоговый кодекс РФ, данные Росстата, Федеральной налоговой службы (ФНС) России, Пенсионного фонда РФ (Социального фонда России – СФР), статьи авторов по рассматриваемому вопросу. В статье оплата труда рассматривается как основная составляющая денежных доходов населения. Исследование проведено с применением методов: анализ и синтез, группировка, обобщение, сравнение, табличный и др.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Исследование начинаем с изучения данных о доле заработной платы в величине доходов населения (табл. 1, 2).

Согласно данным табл. 1, в 2023 г. в сравнении с 2020 г.:

– население с доходами ниже границы бедности уменьшилось по РФ с 12,2 до 8,5 %, по итогам 2023 г. данные выше среднероссийского показателя (8,5 %) имеют Дальневосточный

Таблица 1

Денежные доходы населения

Годы	РФ	ЦФО	СЗФО	ЮФО	СКФО	ПФО	УФО	СФО	ДФО
Численность населения с денежными доходами ниже границы (величины промежуточного минимума – ПМ), в % от общей численности населения									
2020	12,2	7,2	13,5	13,2	14,8	11,8	18,6	22,8	19,9
2023	8,5	5,6	10,2	11,1	12,8	9,5	14,5	16,5	17,3
Структура денежных доходов населения (в % от общего объема доходов)									
а) доходы от предпринимательской деятельности									
2020	5,2	4,6	5,3	8,0	7,3	4,6	3,9	5,8	5,0
2023	6,9	5,7	6,8	11,6	9,7	6,5	4,7	8,1	6,3
б) оплата труда									
2020	57,2	59,6	62,1	45,4	34,3	53,6	63,7	60,0	67,5
2023	60,7	62,7	64,7	50,2	35,7	58,7	66,7	64,2	69,7
в) социальные выплаты									
2020	21,4	17,0	22,2	22,1	24,7	25,2	22,3	27,6	27,1
2023	17,9	13,6	18,2	18,7	23,8	21,2	19,8	22,7	19,6
Доля пенсий в структуре социальных выплат, %									
2020	66,2	68,2	66,0	67,3	56,7	67,6	63,8	65,2	65,1
2023	65,9	68,6	67,5	66,2	49,4	68,6	63,0	64,3	61,6

Примечание: ЦФО – Центральный федеральный округ, СЗФО – Северо-Западный федеральный округ. Составлено на основании источника [7].

федеральный округ (ДФО), Сибирский федеральный округ (СФО), Северо-Кавказский федеральный округ (СКФО);

– в структуре денежных доходов населения доля доходов от оплаты труда увеличилась по РФ с 57,2 до 60,7 %, значение показателя в 2023 г. ниже среднероссийского уровня имеют СКФО, Южный федеральный округ (ЮФО), Приволжский федеральный округ (ПФО);

– доля социальных выплат уменьшилась по РФ с 21,4 до 17,9 %;

– доля пенсий в структуре социальных выплат уменьшилась по РФ с 66,2 до 65,9 %, в 2023 г. значение показателя ниже среднероссийского уровня имеют 4 округа: СКФО, Уральский федеральный округ (УФО), СФО, ДФО.

Наблюдается тенденция снижения коэффициента замещения: 2017 г. – 36,1; 2018 г. – 34,3; 2019 г. – 33,2; 2020 г. – 32,7; 2021 г. – 31,6; 2022 г. – 31,6; 2023 г. – 28,9; 2024 г. – 28,0 [8], в то время как коэффициент замещения в 2021 г. и соотношение средней пенсии с прожиточным минимумом в 2021 г. в республике Кыргызстан – 30,1 и 102,3 %; республике Казахстан – 27,1 и 180,9 %; в республике

Таджикистан – 23,0 и 80,2 %; Узбекистан – 36,2 и 219 % [9]. По международным стандартам коэффициент замещения должен быть не менее 40 %. Его значение: в Польше, Литве, Эстонии – около 30 %, Швеции – 65–75 %, Германии – 42,2 %.

Стратегией долгосрочного развития пенсионной системы РФ намечено довести коэффициент замещения до 40 %, средний размер пенсии – не менее 2,5–3 ПМ пенсионера [10].

Данные табл. 2 свидетельствуют, что среднемесячная заработная плата в 4 округах (ЮФО, СКФО, ПФО, СФО) ниже значения по РФ, максимальное значение показателя в 2024 г. по ЦФО больше минимального значения по СКФО более чем в 2,2 раза.

Средний размер назначенных пенсий во всех округах увеличился в меньшем размере, чем заработная плата; в 2024 г. размер пенсии ниже среднероссийского уровня (20 782 руб.) имели 4 региона: ЮФО, СКФО, ПФО, СФО.

Занимая по итогам 2024 г. по уровню заработной платы 1-е место среди округов, по размеру пенсий ЦФО занимает лишь 4-е место, ДФО – соответственно, 4-е место по уровню заработной платы и 2-е место по размеру пенсий.

Таблица 2

Среднемесячная заработная плата и размер пенсии по федеральным округам

Годы	РФ	ЦФО	СЗФО	ЮФО	СКФО	ПФО	УФО	СФО	ДФО
Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников организаций, руб.									
2021	57 244	73 548	63 520	40 649	34 032	41 129	59 804	48 883	66 374
2024	89 069	112 224	94 802	63 869	49 459	67 588	92 104	66 422	85 449
Место в 2024 г.	–	1	2	7	8	5	3	6	4
2024/2021, %	155,6	152,6	149,2	157,1	145,3	164,3	154,0	135,9	128,7
Средний размер назначенных пенсий, руб.									
2021	15 745	15 911	17 485	14 468	13 144	15 166	17 096	15 692	17 416
2024	20 782	20 948	23 007	19 011	17 023	20 179	22 704	20 767	22 996
Место в 2024 г.	–	4	1	7	8	6	3	5	2
2024/2021, %	132,0	131,6	131,6	131,4	122,5	133,0	132,8	132,3	132,0
Численность пенсионеров на 1 000 чел. населения									
2021	291,5	282,4	302,1	287,0	243,8	308,4	297,6	306,1	286,4
2024	281,0	271,5	291,3	274,4	235,7	298,9	289,3	296,2	275,1
Численность занятых, приходящихся на одного пенсионера, чел.									
2020	1,61	1,81	1,64	1,52	1,51	1,45	1,68	1,45	1,68
2023	1,76	1,96	1,78	1,75	1,73	1,59	1,81	1,57	1,81

Примечание: составлено на основании источников [7, 11].

При снижении численности пенсионеров в 2024 г. до 41 075 тыс. чел. (в 2021 г. – 42 977 тыс. чел.) в целом по РФ, численность пенсионеров на 1 000 чел. населения уменьшилась по РФ на 3,6 %, причем во всех округах показатель уменьшился в одинаковом раз-
мере (в пределах от 3 до 5 %).

Численность занятых, приходящихся на одного пенсионера, в 2023 г. по сравнению с 2020 г. увеличилась по РФ с 1,61 до 1,76 чел.

Данные о доходах коммерческих банков (КБ) и государственных внебюджетных фондов, в том числе налоги, сборы, администрируемых ФНС России, приведены в табл. 3, 4.

Согласно данным табл. 3, в 2023 г. доходы КБ РФ увеличились на 54,6 %, в т. ч. налог на при-

быль на 97,2 %, НДС на 61,3 %, СВ на 40,6 %; увеличилась доля в ВВП налога на прибыль (с 3,7 до 4,6 %), НДС (с 6,7 до 6,8 %), уменьшилась доля в ВВП НДФЛ (с 4,0 до 3,8 %), СВ (с 7,7 до 6,8 %); в величине налоговых доходов увеличилась доля налога на прибыль (с 10,5 до 13,4 %), НДС (с 18,9 до 19,7 %), снизилась доля СВ (с 21,7 до 19,7 %).

Как следует из данных табл. 4, при увеличении доходов, администрируемых ФНС России, на 97,3 % доходы ФБ увеличились в 2,2 раза, доходы внебюджетных фондов лишь на 77,2 %, что привело к снижению их доли с 25,5 до 22,9 % (снижение на 10,2 %); доля доходов ФБ в общей сумме доходов КБ РФ увеличилась с 52,2 до 56,6 % (рост на 8,4 %).

Таблица 3

Доходы КБ и государственных внебюджетных фондов

Доходы	2020 г.			2023 г.			2023/ 2020, %
	Млрд руб.	% к ВВП	% от доходов	Млрд руб.	% к ВВП	% от доходов	
Всего	38 205,7	35,5	100,0	59 073,4	34,3	100,0	154,6
Налог на прибыль	4 018,4	3,7	10,5	7 922,5	4,6	13,4	197,2
НДФЛ	4 253,1	4,0	11,1	6 539,1	3,8	11,1	153,7
СВ	8 286,1	7,7	21,7	11 651,9	6,8	19,7	140,6
НДС	7 202,3	6,7	18,9	11 614,7	6,8	19,7	1 613
Акцизы	1 935,3	1,8	5,1	-512,8	-0,3	0,3	–
БП	1 426,6	1,3	–	709,1	0,4	–	49,7
Расходы	42 503,0	39,5	–	62 983,6	36,6	–	148,2
Дефицит	-4 297,3	-4,0	–	-3 910,2	-2,3	–	–

Примечание: ВВП – валовой внутренний продукт, СВ – страховые взносы, БП – безвозмездные поступления, НДФЛ – налог на доходы физических лиц, НДС – налог на добавленную стоимость. Составлено на основании источника [12].

Таблица 4

Поступление налогов, сборов, администрируемых ФНС России, млрд руб.

Бюджеты	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.	2024 г.	2024/2020, %
Всего	28 209,4	36 612,4	41 982,9	46 733,8	55 646,3	197,3
в т. ч. КБ РФ	21 013,9	28 530,8	33 582,2	36 182,8	42 897,0	204,1
– ФБ	10 978,4	15 879,7	19 428,8	19 637,7	24 264,9	221,0
Доля ФБ в КБ РФ, %	52,2	55,7	57,8	54,3	56,6	108,4
– КБС РФ	10 035,4	12 651,1	14 153,3	16 545,1	18 632,1	185,7
Государственные внебюджетные фонды	7 195,5	8 081,6	8 400,7	10 557,0	12 749,3	177,2
Доля государственных внебюджетных фондов, %	25,5	22,1	20,0	22,5	22,9	89,8

Примечание: ФБ – федеральный бюджет, КБС РФ – консолидированный бюджет субъектов Российской Федерации. Составлено на основании источников [12, 13].

Как следует из данных табл. 5, при увеличении доходов бюджета ПФР на 21,1 %, в т. ч. СВ на 13,6 %, безвозмездные поступления увеличились на 28,9 %, в связи с чем их доля увеличилась с 46,5 до 49,5 %.

В 2025 г. по сравнению с 2020 г. запланировано увеличение доходов бюджета Социального фонда РФ на 61,3 %, в том числе на пенсионное страхование на 91,5 %, снижение межбюджетных трансфертов на 5,0 %, увеличение расходов на 74,8 %, дефицит бюджета в сумме 369,5 млрд руб.

В 2024 г. СВ начислялись по тарифу 30 % в пределах базы и 15,1 % сверх нее. По видам страхования СВ на ОПС распределились по нормативу 72,8 %. Всего на конец 2024 г.:

число пенсионеров – 41 171,45 тыс. чел., из них 37 036,18 тыс. чел. получали страховую пенсию (из которых 20,5 % продолжали работать).

В 2024 г. средний размер страховой пенсии составил 23 307,7 руб., доля ОПС в доходах – 63,5 % (табл. 6). Расчет СВ за 2024 г. приведен в табл. 7.

Согласно данным табл. 7, 1/3 расчетов представлено с нулевыми показателями; из числа плательщиков СВ, представивших расчеты, 52 % применяют основной тариф; у 96,4 % физических лиц база не превышает предельную базу; исчислено СВ в сумме 12 185,6 млрд руб., в том числе с базы, не превышающей предельную базу, – 11 185,9 млрд руб. (91,8 %).

Таблица 5

Исполнение бюджета Пенсионного фонда РФ (СФР), млрд руб.

Показатели	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.	2024 г.	2025 г.
Поступило – всего	10 303,3	9 794,3	12 477,8	13 264,9	16 830,8	16 623,9
Из них СВ	5 459,8	5 977,6	6 201,4	8 816,2	10 695,6	10 454,9
БП	4 788,9	3 769,6	6 173,1	4 386,0	5 994,5	4 551,0
Доля БП, %	46,5	38,5	49,5	33,1	35,6	27,4
Расход	9 721,7	10 125	11 374,3	13 858,3	16 275,8	16 993,4
в т. ч. на обязательное пенсионное страхование	7 434,0	7 722,0	8 850,1	9 057,8	10 149,3	11 137,6
Профицит +, дефицит – бюджета	+581,6	-330,7	+1 103,5	-593,4	+554,9	-369,5

Примечание: составлено на основании источников [12, 14].

Таблица 6

Исполнение Социального фонда России за 2023 и 2024 годы

Показатели	2023 г.	2024 г.
Доходы на ОПС	8 816,2	10 695,6
из них на		
– обязательное пенсионное страхование	7 743,6	9 324,6
Доля СВ в доходах, %	66,5	63,5
Доля страховых пенсий в расходах, %	65,4	62,4
Стоимость одного пенсионного коэффициента, руб.	123,7	133,05
Размер фиксированных выплат к страховой пенсии, руб.	7 567,3	8 134,8
Средний размер страховой пенсии, руб.		
– по старости	21 835,2	23 307,7
Единая предельная база для исчисления СВ, тыс. руб.	1 917,0	2 225,0
Фиксированный размер СВ для лиц, не производящих выплаты физическим лицам, тыс. руб.	45,84	49,50
в том числе на обязательное пенсионное страхование	36,72	39,65

Примечание: составлено на основании источников [15, 16].

Таблица 7

Расчет СВ за 2024 год

Показатели	Значение
Количество расчетов, ед.	3 715 874
из них с нулевыми показателями	1 110 817
Среднесписочная численность плательщиков взносов, чел.	49 431 592
Количество плательщиков, представивших расчеты, ед.	2 602 340
в том числе применяющие основной тариф	1 355 833
Количество физических лиц, с выплат которым начислены взносы, чел.	54 025 182
в том числе в размере, не превышающем предельную базу для исчисления СВ	52 083 105
превышающем предельную базу	2 093 418
База для исчисления СВ, всего (млрд руб.)	48 699,5
в том числе в размере, не превышающем предельную базу	42 241,3
сверх базы	6 458,2
Исчислено СВ, млрд руб.	12 185,6
в том числе с базы, не превышающей предельную базу	11 185,9
с базы превышения	842,0
Не поступили СВ в связи с применением пониженных тарифов, млрд руб.	1 328,7

Примечание: составлено на основании источника [17].

Не поступили СВ в связи с применением пониженных ставок 1 328,7 млрд руб. (10,2 % от исчисленной суммы).

Софинансирование пенсионных накоплений

В 2023 г. добровольно перевели взносы на накопительную пенсию 88,8 тыс. участников, перечислили 646 млн руб., средний взнос участника составил 7,3 тыс. руб., взносы работодателей – 20,8 млн руб. С учетом поступлений за 2023 год общий объем добровольных взносов за весь период действия программы с 2008 г. достиг 74,2 млрд руб., государственное софинансирование составило 70,7 млрд руб., взносы работодателей – 1,2 млрд руб. При применении субъектами малого и среднего предпринимательства единого сельскохозяйственного налога (ЕСХН), упрощенной системы налогообложения (УСН), патентной системы налогообложения (ПСН) предусмотрена обязанность уплачивать СВ. При этом при ЕСХН и УСН с объектом «доходы – расходы» СВ включаются в состав расходов, уменьшающих базу при исчислении единого налога, а при УСН с объектом «доходы» и ПСН сумма единого налога уменьшается на сумму СВ, но не более чем на 50 %, а при отсутствии наемных работников – на все 100 %. При применении автоматизированной упро-

щенной системы налогообложения взносы на пенсионное, социальное страхование не уплачиваются. Самозанятые, уплачивающие налог на профессиональный доход, СВ на обязательное пенсионное страхование уплачивают на добровольной основе.

По данным отчета ФНС, данный режим применяли в 2024 г. 10 535 537 чел./ед., в том числе 9 769 847 физических лиц, 529 864 индивидуальных предпринимателя, им начислен налог к уплате в сумме 241,7 млрд руб. [13].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В структуре денежных доходов населения уменьшается доля социальных выплат, в структуре социальных выплат доля пенсий не превышает 65–67 %.

Увеличение размера пенсий в меньшем размере, чем заработная плата, ведет к снижению коэффициента замещения (с 36,1 % в 2017 г. до 28,0 % в 2024 г. при предусмотренных 40,0 % Стратегией к 2030 г.).

В 4 округах (ЮФО, СКФО, ПФО, СФО), в которых проживают 46,3 % всех работающих, 49,7 % пенсионеров, средняя зарплата и пенсия ниже среднероссийского уровня.

Поступления СВ в КБ и внебюджетные фонды увеличиваются в меньших размерах,

чем поступления налоговых доходов. СВ не формируют финансовые средства ПФР (СФР) в достаточном объеме, в связи с чем доля безвозмездных поступлений остается значительной (в 2024 г. – 35,6 %), пенсионная система не сбалансирована. Доля страховых взносов в доходах СФР в 2024 г. составляет 63,5 %, средний размер пенсии 23 307 руб., по причине низкого размера страховой пенсии более 20 % пенсионеров продолжают трудиться. Единая предельная база для исчисления страховых взносов увеличилась с 1 917,0 тыс. руб. в 2023 г. до 2 225,0 тыс. руб. в 2024 г., что в 25 раз превышает средний уровень заработной платы по РФ, в 2025 г. – 2 759,0 тыс. руб. Данный показатель не выполняет свою стимулирующую роль, заключающуюся в создании заинтересованности работодателя увеличивать заработную плату и платить с нее СВ в меньшем размере; в четырех федеральных округах (ЮФО, СКФО, ПФО, СФО) среднемесячная заработная плата работников ниже среднероссийского уровня, средний размер назначенных пенсий у 20 775 тыс. чел. из 41 775 тыс. пенсионеров, (или 49,7 %) ниже среднероссийского уровня.

В нынешних экономических условиях, характеризующихся глобальными санкциями

со стороны Запада, повышение заработной платы работников организаций становится проблематичным: в связи с тем что заработная плата, НДФЛ, СВ облагаются НДС, повышение зарплаты на 1 % приводит к увеличению налоговой нагрузки, а также себестоимости и цены выпускаемой продукции в большем размере.

Исследование показало, что ситуация в пенсионном обеспечении усложняется, без повышения базы для исчисления (заработной платы) решение задачи остается проблематичным.

Предложения:

1. Порог применения регрессивной шкалы СВ необходимо установить с учетом сложившегося в регионе уровня заработной платы.

2. В целях расширения системы софинансирования трудовой пенсии увеличить размер выплат, производимых работником, работодателем (государством).

3. Обязанность уплачивать СВ распространить на все специальные налоговые режимы.

4. Проанализировать эффективность применяемых льготных ставок и перечня выплат, освобожденных от уплаты СВ.

Список источников

1. Фадейкина Н. В., Урусова А. Б. Социально-экономическая сущность внебюджетных фондов государства // Сибирская финансовая школа. 2020. № 3. С. 70–76.
2. Абрашкина С. Н., Алференко Д. А., Алюшина А. А. и др. Наука XXI века: становление, развитие, прогнозы : моногр. Петрозаводск : МЦНП «НОВАЯ НАУКА», 2025. 342 с.
3. Иванова Н. Г., Дьячкина Л. А., Жилюк Д. А. и др. Государственная финансовая политика устойчивого экономического роста в России. СПб. : Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2020. 145 с.
4. Станчин И. М. Эволюция пенсионной системы России // Регион: государственное и муниципальное управление. 2018. № 3.
5. Подольский В. А. Социальная политика в Германии // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2021. Т. 11, № 6. С. 145–155. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2021-11-6-145-155>.
6. Соловьев А. К. Стратегические вызовы государственной пенсионной системе Российской Феде-

References

1. Fadeikina N., Urusova A. Socio-economic essence of extra-budgetary funds of the state. *Siberian Financial School*. 2020;(3):70–76. (In Russ.).
2. Abrashkina S. N., Alferenko D. A., Alyushina A. A. et al. *Nauka XXI veka: stanovlenie, razvitie, prognozy*. Monograph. Petrozavodsk: MTSNP “NOVAYA NAUKA”; 2025. 342 p. (In Russ.).
3. Ivanova N. G., Dyachkina L. A., Zhilyuk D. A. et al. *Gosudarstvennaya finansovaya politika ustoychivogo ekonomicheskogo rosta v Rossii*. St. Petersburg: Saint-Petersburg State University of Economics; 2020. 145 p. (In Russ.).
4. Stanchin I. M. Evolution of the Russian pension system. *Region: gosudarstvennoe i munitsipalnoe upravlenie*. 2018;(3). (In Russ.).
5. Podolskiy V. A. Social policy in Germany. *Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2021;11(6):145–155. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2021-11-6-145-155>. (In Russ.).
6. Solovev A. K. Strategicheskie vyzovy gosudarstvennoy pensionnoy sisteme Rossiyskoy Federatsii. In: *Proceedings of the 11th All-Russian Research-to-*

- рации // Механизмы взаимодействия власти, бизнеса и общества в контексте реализации национальных проектов : материалы XI Всерос. науч.-практ. конф., 07 февраля 2020 г., г. Чебоксары. Чебоксары : Издательско-полиграфическая компания «Новое время», 2020. С. 70–73.
7. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2024 : стат. сб. М., 2024. 1081 с.
  8. Пенсионная система России и рынок НПФ. Коэффициент замещения пенсии. URL: https://napf.ru/upload/iblock/b03/q40sz2zxocrj6nw9dfw-b2qfxgauv46nt/1%20Слайды_НАПФ_СМИ_Итог.pdf (дата обращения: 08.01.2026).
  9. Синдяшкина Е. Н. Пенсионные системы государств Центральной Азии // Россия и новые государства Евразии. 2023. № 1. С. 92–108. <https://doi.org/10.20542/2073-4786-2023-1-92-108>.
  10. О Стратегии долгосрочного развития пенсионной системы РФ : распоряжение Правительства РФ от 25.12.2012 № 2524-р. Доступ из СПС «Гарант».
  11. Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата в расчете на одного работника в 2017–2024 гг. URL: <https://www.audit-it.ru/inform/zarplata/> (дата обращения: 08.01.2026).
  12. Финансы России. 2024 : стат. сб. М., 2024. 458 с.
  13. Данные по формам статистической налоговой отчетности // Федеральная налоговая служба : офиц. сайт. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/related_activities/statistics_and_analytics/forms/?ysclid=mnrdvdous8200399822 (дата обращения: 08.01.2026).
  14. О бюджете Фонда пенсионного и социального страхования Российской Федерации на 2025 год и на плановый период 2026 и 2027 годов : федеральный закон от 30.11.2024 № 423-ФЗ. Доступ из СПС «Гарант».
  15. Годовой отчет Фонда пенсионного и социального страхования РФ 2024. URL: https://sfr.gov.ru/press_center/annual_report/ (дата обращения: 08.01.2026).
  16. Оперативный доклад об исполнении бюджета Фонда пенсионного и социального страхования Российской Федерации (январь–декабрь 2024). URL: <https://ach.gov.ru/upload/iblock/cb0/xiruwyр3arp3pa7wbb7mx6sbt2qj0zer.pdf> (дата обращения: 08.01.2026).
  17. Отчет по форме № 8-СВ (2024). URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/related_activities/statistics_and_analytics/forms/15028778/ (дата обращения: 08.01.2026).
- Practice Conference “Mekhanizmy vzaimodeystviya vlasti, biznesa i obshchestva v kontekste realizatsii natsionalnykh projektov”*, February 7, 2020, Cheboksary. Cheboksary: Izdatelsko-poligraficheskaya kompaniya “Novoe vremya”; 2020. p. 70–73. (In Russ.).
7. Regions of the Russian Federation. Social and Economic Data. 2024: Statistics. Moscow; 2024. 1081 p. (In Russ.).
  8. Pensionnaya sistema Rossii i ryok NPF. Koeffitsient zameshcheniya pensii. URL: https://napf.ru/upload/iblock/b03/q40sz2zxocrj6nw9dfw-b2qfxgauv46nt/1%20Слайды_НАПФ_СМИ_Итог.pdf (accessed: 08.01.2026). (In Russ.).
  9. Sindyashkina E. N. Pensionnye sistemy gosudarstv Tsentralnoy Azii. *Rossiya i novye gosudarstva Evrazii*. 2023;(1):92–108. <https://doi.org/10.20542/2073-4786-2023-1-92-108>. (In Russ.).
  10. On the Long-Term Development Strategy of the Pension System of the Russian Federation: Order of the Government of the Russian Federation No. 2524-r of December 25, 2012. Accessed through Law assistance system “Garant”. (In Russ.).
  11. Srednemesyachnaya nominalnaya nachislennaya zarabotnaya plata v raschete na odnogo rabotnika v 2017–2024 gg. URL: <https://www.audit-it.ru/inform/zarplata/> (accessed: 08.01.2026). (In Russ.).
  12. Finance in Russia. 2024: Statistics. Moscow; 2024. 458 p. (In Russ.).
  13. Dannye po formam statisticheskoy nalogovoy otchetnosti. Federalnaya nalogovaya sluzhba. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/related_activities/statistics_and_analytics/forms/?ysclid=mnrdvdous8200399822 (accessed: 08.01.2026). (In Russ.).
  14. On the budget of the Pension and Social Insurance Fund of the Russian Federation for 2025 and for the planning period of 2026 and 2027: Federal Law No. 423-FZ of November 30, 2024. Accessed through Law assistance system “Garant”. (In Russ.).
  15. Godovoy otchet Fonda pensionnogo i sotsialnogo strakhovaniya RF 2024. URL: https://sfr.gov.ru/press_center/annual_report/ (accessed: 08.01.2026). (In Russ.).
  16. Operativnyy doklad ob ispolnenii byudzheta Fonda pensionnogo i sotsialnogo strakhovaniya Rossiyskoy Federatsii (yanvar–dekabr 2024). URL: <https://ach.gov.ru/upload/iblock/cb0/xiruwyр3arp3pa7wbb7mx6sbt2qj0zer.pdf> (accessed: 08.01.2026). (In Russ.).
  17. Otchet po forme No. 8-SV (2024). URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/related_activities/statistics_and_analytics/forms/15028778/ (accessed: 08.01.2026). (In Russ.).

Информация об авторе

Н. З. Зотиков – кандидат экономических наук, доцент;
<https://orcid.org/0000-0001-5631-9123>,
zotikovcontrol@yandex.ru

About the author

N. Z. Zotikov – Candidate of Sciences (Economics), Docent;
<https://orcid.org/0000-0001-5631-9123>,
zotikovcontrol@yandex.ru

Научная статья

УДК 330.831+338.22.01(470+571)

<https://doi.org/10.35266/2949-3455-2026-2-4>

Институционально-экономические механизмы экономики предложения как фактор устойчивого развития России: систематизация и анализ

Татьяна Владимировна Ибрагимхалилова[✉], Диана Валериевна Ибрагимхалилова
Донецкий государственный университет, Донецк, Россия

Аннотация. В статье исследуется система институционально-экономических механизмов экономики предложения как инструмента формирования суверенной экономики России. Основное внимание уделяется систематизации и синхронизации инструментов экономического регулирования. Цель исследования – анализ эффективности комплексного применения институционально-экономических механизмов в рамках модели экономики предложения. Основной задачей исследования выступает комплексное изучение и систематизация институционально-экономических механизмов экономики предложения как ключевого фактора устойчивого развития российской экономики, а также анализ их практической реализации в современных условиях.

Методика содержит элемент научной новизны в виде разработки систематизации институционально-экономических механизмов экономики предложения. Полученные результаты позволяют выработать практические рекомендации по разработке программ развития промышленности, создания дорожных карт по снижению административных барьеров для улучшения бизнес-среды, ускорения технологического развития и конкурентоспособности отечественных производителей и роста инвестиционной привлекательности регионов, включая воссоединенные.

Ключевые слова: экономика предложения, модель экономики, экономический рост, спрос, рыночная конъюнктура, бизнес-среда, государственная поддержка, цифровизация, инвестиции, технологии, инфраструктурное развитие

Финансирование: работа выполнена в рамках государственного задания «Разработка механизма интеграции воссоединенных регионов России к новой экономической модели – экономике предложения» (№ FRRE-2026-0028).

Для цитирования: Ибрагимхалилова Т. В., Ибрагимхалилова Д. В. Институционально-экономические механизмы экономики предложения как фактор устойчивого развития России: систематизация и анализ // Вестник Сургутского государственного университета. 2026. Т. 14, № 2. С. 42–56. <https://doi.org/10.35266/2949-3455-2026-2-4>.

Original article

Institutional and economic mechanisms of supply-side economics as factor of sustainable Russian development: Systematization and analysis

Tatyana V. Ibragimkhalilova[✉], Diana V. Ibragimkhalilova
Donetsk State University, Donetsk, Russia

Abstract. The article explores the system of institutional and economic mechanisms of supply-side economics as a tool for forming Russia's sovereign economy. The main focus is on the systematization and synchronization of various economic regulation tools. The purpose of the study is to analyze the effectiveness of the integrated application of institutional and economic mechanisms within the framework of the supply-side economy model. This study's primary goal is to thoroughly examine and systematize the institutional and economic methods of supply-side economics, viewing them as crucial for the Russian economy's sustainable growth, and to assess how they are currently being applied.

A key innovative aspect of the methodology lies in the development of a novel systematization of institutional and economic mechanisms. The results allow for the development of practical recommendations for the creation of industrial development programs, roadmaps for reducing administrative barriers to improve the business environment, accelerate technological development and the competitiveness of domestic producers, and increase the investment attractiveness of regions, including those that have been reunited.

Keywords: supply-side economics, economy model, economic growth, demand, market conditions, business environment, government support, digitalization, investments, technologies, infrastructure development

Funding: the research is conducted within state assignment No. FRRE-2026-0028 “Razrabotka mekhanizma integratsii vossoedinennykh regionov Rossii k novoy ekonomicheskoy modeli – ekonomike predlozheniya”.

For citation: Ibragimkhalilova T. V., Ibragimkhalilova D. V. Institutional and economic mechanisms of supply-side economics as factor of sustainable Russian development: Systematization and analysis. *Surgut State University Journal*. 2026;14(2):42–56. <https://doi.org/10.35266/2949-3455-2026-2-4>.

ВВЕДЕНИЕ

Заявление президента Российской Федерации Владимира Владимировича Путина о необходимости формировать суверенную экономику, которая будет не только реагировать на рыночную конъюнктуру и учитывать спрос, но и сама его формировать, отражает стратегический сдвиг в экономической политике страны. Это означает, что пришло время перехода от реактивной модели, где экономика адаптируется к внешним условиям, к проактивной, где государство становится активным участником, поддерживающим «масштабное наращивание производительных сил и развитие сферы услуг, повсеместное укрепление инфраструктурной сети, освоение передовых технологий, создание новых промышленных мощностей и целых отраслей» [1].

Ключевым инструментальным блоком в модели суверенной проактивной экономики выступает экономика предложения, которая задает конкретные механизмы, позволяющие реализовать стратегические цели.

Экономическая теория предложения, позиционирующая себя как одно из направлений неоконсервативной экономической мысли, предполагает развитие экономики не через стимулирование спроса, а через развитие предложения. Сформировавшись к концу 1970-х гг. как реакция на доминировавшие в то время кейнсианские подходы, эта теория утверждала, что традиционные методы, по мнению ее сторонников, не способны эффективно справляться с экономическими проблемами (стагфляцией).

В рамках теории предложения актуализировалась (хотя и остается спорной) идея стимулирования экономического роста «за счет снижения барьеров для производства товаров и услуг».

Термин «экономика предложения» (supply-side economics) впервые использовал Херберт Стейн (Herbert Stein), обозначив им экономические меры, разработанные в противовес политике стимулирования спроса [2]. В 1975 г. данный термин был активно подхвачен журналистом Джудом Ванниски и прижился в экономической теории до сих пор, представляя собой макроэкономическую теорию, акцентирующую внимание на стимулировании совокупного предложения как ключевом факторе экономического роста. Теоретический фундамент экономики предложения заложили работы А. Лаффера и соавт. [3], Р. А. Мандела [4], М. Фелдстайна [5], М. Боскина [6], М. К. Эванса [7] и др.

Научный интерес к данной теории проявляли П. К. Робертс [8], Б. Р. Бартлетт [9], Л. Учителле [10], которые отмечали, что ключевыми инструментами для стимулирования производства и экономического роста являются снижение налогов, дерегулирование и ограничение государственного вмешательства в экономику. Данные меры, по мнению авторов, создают благоприятные условия для предпринимательства, инвестиций и инноваций, что, в свою очередь, приводит к увеличению производства и снижению инфляции.

В России интерес к экономике предложения в роли инструмента реагирования на текущие вызовы существенно усилился после 2022 г. Российские ученые активно начали изучать вопросы роли государства в создании условий для развития бизнеса, стимулирования инвестиций и инноваций, важности обеспечения баланса между рыночными механизмами и общенациональными интересами, связи экономики предложения с вопросами экономического суверенитета, безопасности и структурной трансформации.

Отметим работы С. А. Толкачева и А. Ю. Теплякова, где авторы, исследуя эволюцию и современное понимание экономики предложения, уделили пристальное внимание ее трансформации в контексте специфики российской экономической среды [11]. В. М. Кульков анализирует теорию и практику экономики предложения, аргументируя ее потенциал и ограничения в условиях современной российской экономики [12]. Л. В. Кусургашева и Ю. С. Якунина рассматривают экономику предложения как элемент неоклассической научно-исследовательской программы и как основу экономической политики государства [13]. Проводя сравнительный анализ экономики предложения и экономики спроса, авторы подчеркивают, что для эффективной реализации потенциала современной экономики предложения в России необходима ее сопряженность с общенациональными интересами, которые заключаются в обеспечении экономического суверенитета и безопасности. Е. Ю. Присяч при выявлении тенденций в сфере предложения выделила его положительные и отрицательные показатели и влияние на платежеспособный спрос, тем самым аргументировав необходимость преобразования российской экономики в более устойчивую систему, ориентированную на снижение зависимости от экспорта сырья, стимулирования развития обрабатывающей промышленности, высокотехнологичного сектора и сферы услуг [14]. Е. Н. Новокшенова, анализируя принципы экономики предложения, доказала, что экономика Республики Коми функционирует с их учетом [15]. В работе Н. В. Медведевой сформулированы условия модели национальной экономики предложения, направленные на раз-

витие технологического сектора и увеличение объемов производства [16].

Исследования российских ученых [11–16] затрагивают важные аспекты адаптации экономики предложения к российской специфике. Однако, несмотря на ценность этих работ, ощущается потребность в более целостном анализе взаимосвязи различных факторов, определяющих траекторию экономического роста в России. Требуется комплексное изучение взаимодействия институциональных, экономических и социальных факторов, чтобы выявить ключевые драйверы и барьеры устойчивого развития в рамках экономики предложения.

Рабочая гипотеза заключается в предположении, что эффективная реализация комплекса институционально-экономических механизмов экономики предложения, включающих налогово-бюджетную политику, регуляторное упрощение, развитие инфраструктуры, поддержку конкуренции и предпринимательства, а также технологические и финансовые драйверы, способствует формированию устойчивой модели экономического роста в России.

Объектом исследования является система институционально-экономических механизмов современной экономики России, направленная на формирование модели суверенной экономики предложения.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

В основу исследования положен комплексный, системный подход, сочетающий теоретические и эмпирические методы анализа. Методологической основой исследования послужили: теория экономики предложения для определения ключевых инструментов стимулирования экономического роста через предложение; институциональная экономическая теория для анализа роли институтов и правил в создании благоприятной экономической среды («экосистемы роста»); теория экономического роста для оценки влияния выделенных механизмов на макроэкономические показатели; системный подход для комплексного анализа взаимодействия различных механизмов экономики предложения и их влияния на экономическую систему в целом.

Теоретико-методическую базу исследования составили работы ученых по экономике предложения, институциональной экономике и экономическому росту [1–16]. Для достижения цели и решения задач исследования использованы следующие методы системного анализа для изучения взаимосвязей между различными элементами экономики предложения и их влияния на экономическую систему в целом; анализа статистических данных: сбор, обработка и анализ статистической информации, характеризующей российскую экономику, для оценки эффективности развития отдельных отраслей обрабатывающей промышленности в условиях новой санкционной реальности; метод классификации и систематизации для структурирования институционально-экономических механизмов экономики предложения по функциональным блокам.

Информационную базу исследования составили: законы и нормативные правовые акты Российской Федерации, определяющие основы экономической политики [17–20], статистические данные Федеральной службы государственной статистики (Росстат) [21, 22], аналитические отчеты и обзоры российских исследовательских организаций [23], публикации в научных журналах и сборниках конференций по теме исследования [24–28].

Применение указанных выше методов позволило систематизировать институционально-экономические механизмы экономики предло-

жения и обосновать, что эффективная их реализация способствует формированию устойчивой модели экономического роста в России.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Анализ текущей ситуации показывает, что санкционное давление и уход иностранных компаний стали катализатором существенных изменений в российской экономике. Государственная политика переориентировалась на развитие отечественных производств и освоение передовых технологий.

Динамика обрабатывающей промышленности демонстрирует устойчивую тенденцию к росту – за период 2018–2024 гг. обрабатывающие производства показывали волнообразную, но в целом позитивную динамику: рост индекса обрабатывающих производств с 102,3 в 2018 г. до 107,6 в 2023–2024 гг. (примерно на 5 % выше уровня 2018 г.). В кризисный 2020 г. произошел спад до 100,0, за ним последовало восстановление в 2021 г. – 104,5, 2022 г. – 98,0 и затем резкий рост до 107,6 в 2023 г. с сохранением этого уровня в 2024 г., а отдельные отрасли (производство компьютеров, электроники и оптики, металлических изделий) показали двузначные темпы роста [21, 22].

Индекс физического объема валового внутреннего продукта (ВВП) и валовой добавленной стоимости в обрабатывающую промышленность представлен на рис. 1.

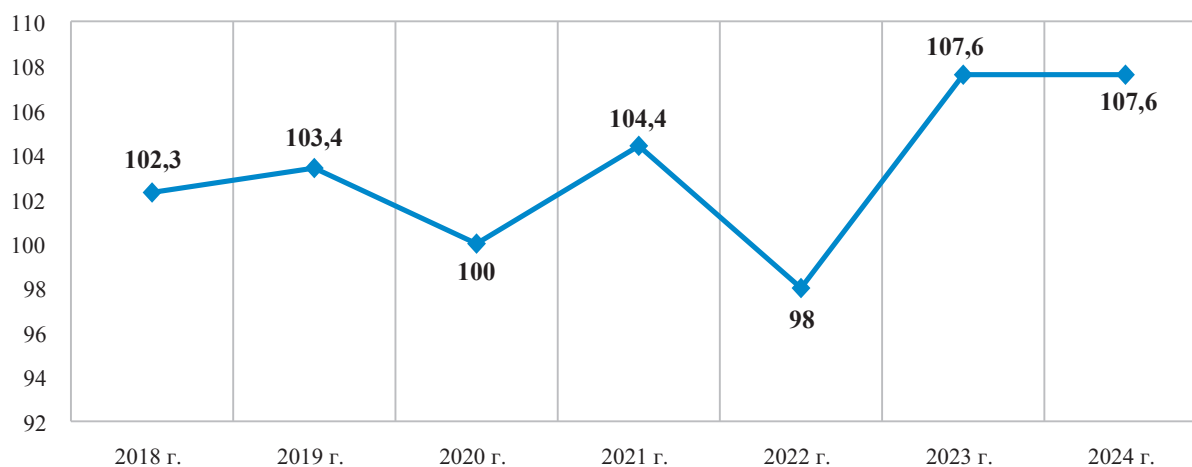

Рис. 1. Индекс физического объема ВВП и валовой добавленной стоимости по отраслям экономики РФ, 2018–2024 гг.

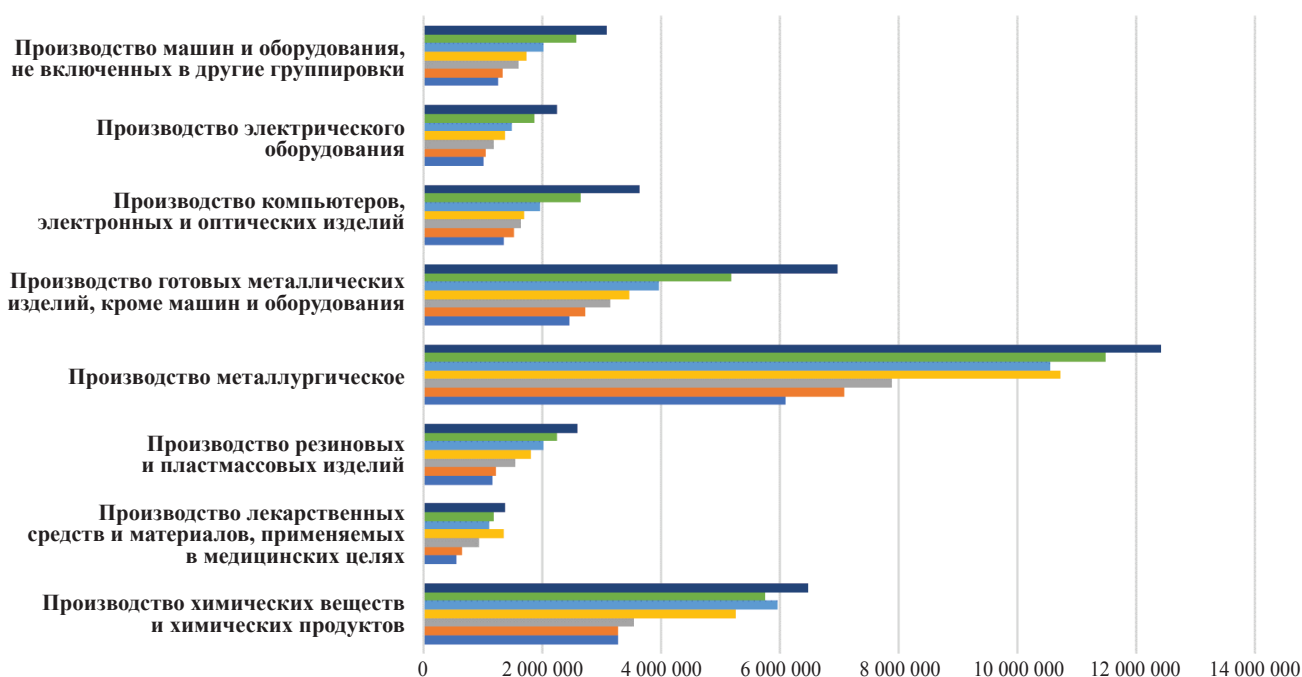
Примечание: составлено авторами на основании источников [21, 22].

Объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами ряда отраслей обрабатывающего производства за 2018–2024 гг. представлен на рис. 2.

Данные показывают позитивные тенденции для экономики России. Рост производства в ключевых отраслях, особенно в химической, металлургической и электронной промышленности, сигнализирует об увеличении производственных возможностей и потенциале для насыщения внутреннего рынка и наращивания экспорта. Это подтверждает эффективность мер, направленных на стимулирование производства, импортоза-

мещение и поддержку отечественных производителей.

Кроме этого, наблюдается устойчивая тенденция к увеличению числа промышленных организаций, имеющих научно-исследовательские и проектно-конструкторские подразделения, занимающихся научными исследованиями и разработками. В период с 2020 по 2024 г. их число выросло с 441 до 531 [21, 22]. Значительный рост на 10,8 % наблюдается в 2022 г. по сравнению с 2021 г., что обусловлено усилением мер по импортозамещению и необходимостью адаптации к новым экономическим реалиям, вызванным санкционными ограничениями.

Год	Производство химических веществ и химических продуктов	Производство лекарственных средств и материалов, применяемых в медицинских целях	Производство резиновых и пластмассовых изделий	Производство металлургическое	Производство готовых металлических изделий, кроме машин и оборудования	Производство компьютеров, электронных и оптических изделий	Производство электрического оборудования	Производство машин и оборудования, не включенных в другие группировки
2024	6 476 849	1 368 961	2 588 410	12 411 563	6 960 539	3 631 943	2 237 440	3 084 873
2023	5 752 889	1 179 199	2 249 773	11 482 510	5 179 918	2 635 868	1 872 516	2 566 002
2022	5 962 482	1 103 930	2 011 660	10 551 310	3 952 913	1 954 287	1 474 694	2 009 750
2021	5 263 682	1 355 388	1 809 938	10 722 295	3 468 302	1 694 447	1 366 354	1 722 129
2020	3 535 705	929 243	1 534 341	7 877 548	3 136 432	1 631 830	1 177 820	1 604 709
2019	3 280 446	638 767	1 218 553	7 087 416	2 713 221	1 519 204	1 041 579	1 334 048
2018	3 265 833	557 798	1 160 523	6 099 609	2 449 547	1 357 134	1 001 513	1 249 276

Рис. 2. Объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами отраслей обрабатывающего производства, млн руб.

Примечание: составлено авторами на основании источников [21, 22].

В условиях новой санкционной реальности обрабатывающие производства становятся приоритетным направлением инвестиций, что соответствует задачам по развитию промышленного потенциала и снижению зависимости от импорта. На рис. 3 представлена динамика инвестиций в основной капитал в обрабатывающие производства за 2018–2024 гг. Наибольший среднегодовой рост наблюдается в периоде 2023–2024 гг., когда рост составляет примерно 29 %. Это свидетельствует об активной фазе развития и модернизации обрабатывающих производств.

Инфраструктурное развитие стало одним из ключевых драйверов экономического роста. В 2025 г. стартовал национальный проект «Инфраструктура для жизни», который направлен на улучшение жилищной, транспортной, социальной и коммунальной инфраструктуры [23]. Особое внимание уделяется модернизации транспортной, энергетической, телекоммуникационной и иной инфраструктуры [24] и реализации программ развития присоединенных регионов.

Общие затраты на инновационную деятельность демонстрируют существенный рост за период 2020–2024 гг., увеличившись с 1 168 528,8 млн рублей до 2 187 859,0 млн рублей. Это отражает растущее внимание и инвестиции в инновации в российской экономике. Наибольший рост наблюдается в 2024 г., что

может быть связано с реализацией масштабных проектов в рамках государственной политики.

В 2025 г. продолжали и продолжают действовать меры государственной поддержки промышленных предприятий, включая субсидии, льготные кредиты, налоговые льготы и преференции. Главным условием их получения является: включение предприятия в реестр промышленной продукции Минпромторга; наличие уровня локализации не менее 50 % для большинства категорий товаров. Консультацию по федеральным мерам поддержки Минпромторга России можно получить в Консультационном центре Фонда развития промышленности – через «Навигатор мер поддержки». По данным на 02.02.2026 на портале доступно 2 357 активных мер поддержки [29].

На основе проведенного анализа можно утверждать, что экономика РФ трансформируется в вектор модели развития, соответствующей стратегическим установкам, закрепленным в Указе Президента РФ от 07.05.2024 № 309, который определяет ключевые направления социально-экономического развития страны [17], а именно: формирование устойчивой и динамичной экономической системы; обеспечение технологического лидерства; цифровая трансформация национального хозяйства; реализация стратегических приоритетов развития.

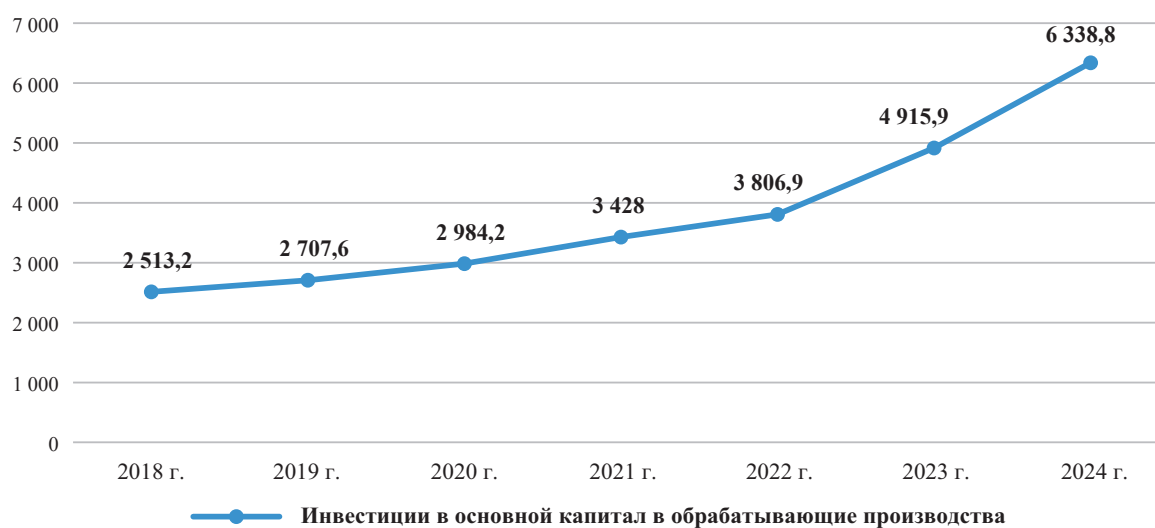

Рис. 3. Инвестиции в основной капитал в обрабатывающие производства, млрд руб.

Примечание: составлено авторами на основании источников [21, 22].

Представленные выше данные подтверждают, что модель «экономики предложения» стала основой для конкретных действий и стратегических планов развития как промышленности, так и страны в целом.

В понимании А. Р. Белоусова экономика предложения – это системная модель роста, ориентированная на внутренние производственные резервы, технологическую модернизацию и институциональные реформы, позволяющие достичь стратегических целей национального развития [30].

Модель экономики предложения как «совокупность практических предложений и рекомендаций (в широком смысле программу действий), что позволяет говорить о развитии конструкта теории предложения и соответствующей ей методологии» рассматривает Н. В. Медведева [16].

Профессор М. В. Ершов считает, что новая модель развития российской экономики – экономика предложения предполагает приоритет реального производства и производителей; рост предложения товаров и услуг, подкрепленный финансовым обеспечением потребления; повышение реальных доходов и уровня жизни населения как ключевой результат [31].

Современные подходы к определению экономики предложения демонстрируют единство мнений исследователей относительно ее ключевой роли в стимулировании экономического роста, технологической модернизации и повышении уровня жизни населения. Несмотря на различные трактовки данного по-

нятия, ученые сходятся в признании ее значимости как инструмента развития экономики.

Особого внимания заслуживает модель М. В. Ершова, которая акцентирует внимание на приоритете реального производства и производителей. Данный подход представляется критически важным для обеспечения устойчивого экономического роста, поскольку фокусируется на фундаментальных основах развития производственного сектора.

Для эффективного проектирования и реализации экономической политики, направленной на долгосрочный рост производственного потенциала, представляется целесообразным разработать системную классификацию механизмов экономики предложения. Это позволит создать научно обоснованную базу для практической реализации данной экономической модели.

Структурирование механизмов экономики предложения предлагается осуществлять по функциональным блокам.

Ключевые институционально-экономические механизмы экономики предложения представлены на рис. 4.

Имея ряд преимуществ – глубже понимая структуру процессов, детально анализируя динамику элементов, выявляя роль каждого блока, – комплексный подход к структурированию экономики предложения позволяет создать целостную систему инструментов для эффективного управления механизмами, стимулируя экономический рост и развитие производственного потенциала страны.

Налогово-бюджетные инструменты	Регуляторные механизмы (дерегулирование)	Инфраструктурные инвестиции
Институты поддержки конкуренции и предпринимательства	Институционально-экономические механизмы экономики предложения	Технологические и кадровые драйверы производительности
Финансовые механизмы стимулирования инвестиций	Политика развития человеческого капитала	Денежно-кредитные инструменты поддержки предложения

Рис. 4. Институционально-экономические механизмы экономики предложения

Примечание: авторская разработка.

Обратимся к детальному анализу каждого механизма.

В рамках экономики предложения налогово-бюджетная (фискальная) политика является одним из базовых инструментов регулирования экономических процессов, направленных на создание условий для роста инвестиций, снижения издержек бизнеса и улучшения деловой среды [32]. Ключевые направления государственной политики в этой области включают [33]:

- снижение налоговой нагрузки (налоговых ставок) на предприятия, капитал и рабочую силу с целью снижения транзакционных издержек и стимулирования деловой активности, что может быть реализовано через уменьшение ставок налога на прибыль, имущество, а также снижение страховых взносов;

- оптимизацию структуры налоговой системы – упрощение налогового администрирования, унификацию налоговых режимов и устранение налоговых диспропорций, что способствует повышению эффективности распределения ресурсов;

- рационализацию налоговых льгот (пересмотр и оптимизацию налоговых льгот) с акцентом на их таргетированное применение для стимулирования конкретных отраслей или видов деятельности, имеющих стратегическое значение для экономики. При этом необходимо избегать избыточного применения льгот, приводящего к снижению налоговой базы и искажениям в конкурентной среде. Эффективность налоговых льгот не может сводиться исключительно к мультипликативному эффекту на экономический рост. Необходим многокритериальный подход, включающий анализ бюджетных последствий, социальной значимости и отраслевой сбалансированности.

Несмотря на повышение в 2025 г. ставки налога на прибыль организаций с 20 до 25 %, сохранились льготы, включая инвестиционные вычеты и амортизационные премии. В частности, Федеральный закон от 12.07.2024 № 176-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации, отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании

утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» предусматривает льготы по налогу на прибыль для малых технологических компаний и участников региональных инвестиционных проектов. Новые индивидуальные предприниматели (ИП) и малое и среднее предпринимательство (МСП) могут получить освобождение от налогов на 1–2 года при условии, что бизнес относится к социальной, научной или производственной сфере [19].

В рамках регуляторных механизмов, направленных на дерегулирование экономики и стимулирование роста предложения за счет снижения транзакционных издержек, ускорения реализации инвестиционных проектов, стимулирования предпринимательской инициативы и повышения конкурентоспособности экономики, выделяются следующие ключевые элементы:

- либерализация административного регулирования через минимизацию административных барьеров (запретов, ограничений, согласований);

- цифровая трансформация государственных услуг для бизнеса предполагает перевод государственных услуг в электронный формат с целью упрощения процедур получения информации и документов, сокращения временных затрат и повышения прозрачности взаимодействия бизнеса и государства;

- оптимизация контрольно-надзорной деятельности, предусматривающая сокращение количества и частоты контрольных мероприятий, а также упрощение процедур согласования различных видов деятельности;

- рационализация разрешительной системы, направленная на сокращение числа необходимых разрешений/лицензий и оптимизацию процедур их получения.

Инструмент масштабного пересмотра и отмены нормативных правовых актов, негативно влияющих на бизнес-климат и регуляторную среду, называемый «регуляторная гильотина» [34], демонстрирует системный подход и является важным элементом формирования экономики предложения, направленной на стимулирование деловой активности и экономического роста. К 01.01.2021 было отменено

свыше 12 000 нормативных актов и порядка 143 000 обязательных требований. При этом постановлением Правительства РФ от 31.12.2020 № 2467 был утвержден перечень из 1 275 нормативных правовых актов, временно исключенных из процесса отмены. Однако их пересмотр продолжается: часть из них подлежит дальнейшей актуализации [35].

Цифровизация госуслуг, в том числе и через портал «Мой бизнес», предоставляет доступ к информации о мерах господдержки, консультациям, мероприятиям и другим сервисам для бизнеса. На портале можно найти данные о грантах, льготных кредитах, программах обучения и других инструментах поддержки. Согласно данным Института статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ, по итогам 2024 г. 86,7 % россиян в возрасте 15 лет и старше, обращавшихся за государственными и муниципальными услугами (госуслугами), получают их полностью или частично онлайн [23].

С 2021 г. в рамках перехода на реестровую модель лицензирования введены электронные лицензии. В 2024 г. на портале «Госуслуги», который сейчас стал предоставлять госуслуги круглосуточно в семидневном формате, появилась возможность подать заявление и получить более 400 видов наиболее массовых разрешений, а также 51 вид лицензий [35]. Время получения лицензий тоже сократилось.

Вопросы контроля законной деятельности предприятий стали прозрачнее. Единый реестр видов контроля (ЕРВК) – государственная информационная система позволяет субъектам хозяйственной деятельности получить описание направлений надзорной деятельности и основных требований, входящих в область надзора. До конца 2029 г. действует мораторий на плановые неналоговые проверки бизнеса (это касается почти всех проверок, например Роспотребнадзора, трудовой инспекции и МЧС, а внеплановые проверки проводят с ограничениями по согласованию с прокуратурой).

Компании и ИП из реестра МСП могут узнать о проверках на сайте госуслуг и на Цифровой платформе МСП.РФ.

Инфраструктурные инвестиции, являющиеся отдельным институционально-экономическим механизмом стимулирования экономического роста, рассматриваются как ключевой фактор, обеспечивающий равный доступ бизнеса и населения к важнейшим инфраструктурным услугам (транспорт, энергетика, связь, логистические объекты), выравнивание региональных условий развития, стимулирование промышленного производства и инновационной деятельности, а также повышение инвестиционной привлекательности регионов [24–26].

Основные направления инфраструктурных инвестиций включают:

- развитие транспортно-логистической сети (расширение и модернизация транспортной инфраструктуры, включая автомобильные и железные дороги, морские и речные порты, аэропорты и логистические центры) за счет реализации проектов, осуществляющихся на основе государственно-частного партнерства (ГЧП) и средств бюджетов различных уровней;

- модернизацию энергетической инфраструктуры (обновление генерирующих мощностей, линий электропередачи, газопроводов и других объектов энергетической инфраструктуры) с целью повышения надежности и эффективности энергоснабжения, снижения энергоемкости экономики, а также обеспечения энергетической безопасности страны, где особое внимание уделяется развитию возобновляемых источников энергии (ВИЭ) и внедрению энергосберегающих технологий;

- создание промышленных парков и технопарков (специализированных площадок, обеспеченных энергетической, транспортной, телекоммуникационной и т. д. инфраструктурой) для размещения промышленных и инновационных предприятий, обеспечивающих синергетический эффект за счет концентрации производственных и научных ресурсов, а также снижения издержек на создание и развитие бизнеса.

Формирование институтов, поддерживающих конкуренцию и предпринимательство, рассматривается как критически важный

фактор обеспечения устойчивого экономического роста и инновационного развития. Ключевые элементы данного направления включают:

– гарантии защиты прав частной собственности и свободы предпринимательства, включая свободу выбора организационно-правовой формы бизнеса, свободу ценообразования и свободу распоряжения прибылью;

– декриминализацию экономической деятельности, которая направлена на снижение рисков уголовного преследования за экономические преступления, устранение избыточных административных барьеров и создание благоприятного климата для предпринимательской деятельности [27];

– комплексную поддержку МСП – реализуется через создание специализированных институтов поддержки (фондов, агентств, бизнес-инкубаторов), обеспечивающих широкий спектр мероприятий, нацеленных на облегчение доступа МСП к финансовым ресурсам, налоговым льготам и субсидиям, информационным технологиям, образовательным программам и государственным закупкам;

– ограничение доминирования государственных компаний на рынках, где возможна конкуренция, а также обеспечение прозрачности и недискриминационного доступа к инфраструктуре и ресурсам, контролируемым государственными компаниями;

– стимулирование входа новых игроков на рынки, т. е. создание условий для свободного входа на рынки новых компаний, в том числе снижение административных барьеров, развитие конкурентной инфраструктуры (биржи, торговые площадки) и поддержка инновационного предпринимательства.

Технологические и кадровые драйверы повышения производительности рассматриваются как взаимосвязанные элементы, так как они обеспечивают устойчивый рост производительности труда, повышение технологической конкурентоспособности национальной экономики в долгосрочной перспективе и создание рабочих мест, требующих высокой квалификации. Ключевые направления данной области включают:

– внедрение передовых технологий (активное внедрение и распространение автоматизированных систем, технологий искусственного интеллекта и цифровых решений) в производственные процессы. Важным аспектом является создание благоприятной среды для трансфера технологий, включая поддержку пилотных проектов, налоговые стимулы для внедрения инноваций и развитие технологической инфраструктуры;

– развитие системы прикладного образования и переподготовки кадров для обеспечения экономики квалифицированными кадрами, обладающими современными знаниями и навыками, необходимыми для работы с передовыми технологиями (разработка и внедрение образовательных программ → совершенствование системы непрерывного образования и переподготовки кадров → стимулирование сотрудничества между образовательными учреждениями и бизнесом);

– стимулирование инноваций в управленческих процессах, ориентированных на повышение эффективности организации, оптимизацию бизнес-процессов и создание механизмов поддержки инновационной деятельности на предприятиях, включая предоставление грантов, субсидий и налоговых льгот для разработки и внедрения новых продуктов, услуг и бизнес-моделей.

Финансовые механизмы стимулирования инвестиций, предполагающие создание эффективной и диверсифицированной финансовой системы, способной удовлетворять потребности различных секторов экономики, играют ключевую роль в обеспечении бизнеса доступными долгосрочными финансовыми ресурсами; стимулировании инвестиционной и инновационной активности; модернизации производственных фондов.

Основные направления развития финансовых инструментов включают:

– развитие банковского кредитования реального сектора экономики через расширение доступности кредитных ресурсов для предприятий малого и среднего бизнеса, а также для инновационных предприятий, включая снижение процентных ставок, увеличение

сроков кредитования и упрощение процедур получения кредитов;

– расширение рынка ценных бумаг (создание благоприятной регуляторной среды для эмиссии и обращения ценных бумаг) как прямого источника долгосрочного финансирования (напрямую от инвесторов, минуя банковское посредничество);

– развитие механизма промышленной ипотеки за счет возможности приобретения производственных помещений и оборудования в рассрочку с использованием ипотечного кредитования;

– развитие инструментов венчурного финансирования как инструмента финансовой поддержки инновационным и высокотехнологичным предприятиям на ранних стадиях развития.

Политика развития человеческого капитала, служащая основой формирования квалифицированной и мобильной рабочей силы, способной эффективно адаптироваться к изменяющимся условиям, играет одну из ключевых ролей в обеспечении устойчивого социально-экономического развития, являясь одновременно фактором предложения и спроса в экономике. Приоритетные направления политики в области развития человеческого капитала включают:

– активное вовлечение экономически активного населения в хозяйственную деятельность;

– реализацию программ повышения мобильности рабочей силы, сглаживающих территориальные диспропорции на рынке труда и обеспечивающих доступ к необходимым трудовым ресурсам в различных регионах страны;

– обеспечение устойчивого роста доходов и занятости как фактора формирования «общества средней зажиточности», способствующего расширению внутреннего спроса и укреплению социальной стабильности [28].

Обеспечение доступности капитала для предприятий реального сектора и поддержание макроэкономической устойчивости гарантирует денежно-кредитная политика. Ее ключевыми направлениями, ориентированными на поддержку предложения, выступают:

– увеличение уровня монетизации экономики – расширение денежной массы (M_2) до оптимального соотношения с ВВП, обеспечивающего достаточную ликвидность для хозяйственной деятельности, что способствует снижению дефляционного давления и росту инвестиционной активности. При этом критически важно соблюдать баланс между расширением денежной массы и инфляционными рисками, предотвращая избыточное увеличение денежного предложения, способное спровоцировать инфляционный всплеск;

– перенаправление финансовых потоков в реальный сектор экономики, что достигается путем стимулирования кредитования производственных и инфраструктурных проектов банками и другими финансовыми институтами;

– снижение стоимости заемных средств (процентных ставок по кредитам) облегчает доступ предприятий к финансовым ресурсам и снижает издержки на финансирование инвестиционных проектов;

– поддержание стабильности курса национальной валюты за счет проведения валютных интервенций, регулирования движения капитала и поддержания адекватного уровня золотовалютных резервов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Систематизировав институционально-экономические механизмы экономики предложения, мы пришли к выводу, что налогово-бюджетные инструменты являются фундаментом для регулирования экономической активности и обеспечения макроэкономической стабильности, настраивая уровень налоговой нагрузки, стимулируя или сдерживая определенные секторы экономики; эффективно перераспределяя ресурсы между отраслями и регионами, сглаживая дисбалансы; целенаправленно поддерживая приоритетные направления развития через систему налоговых льгот и инвестиционных вычетов.

Регуляторный механизм (дерегулирование) помогает существенно снизить административные барьеры; ускорить внедрение инноваций за счет упрощения процедур согласования

и получения разрешений; создать благоприятные условия для развития цифровой экономики, устанавливая гибкие правила для IT-сектора; оптимизировать государственный контроль; повысить уровень конкуренции на рынках за счет новых игроков.

Инфраструктурные инвестиции создают прочный фундамент для долгосрочного экономического роста, формируя базовые условия для развития экономики, способствуют выравниванию уровня развития регионов и открывают возможности для привлечения частных инвестиций через механизмы государственно-частного партнерства.

Институты поддержки конкуренции и предпринимательства не только защищают малый и средний бизнес от монополистического давления, но и обеспечивают равные условия доступа к ресурсам и рынкам для всех участников.

Технологические и кадровые драйверы производительности – это механизм, позволяющий внедрять передовые технологии, ускорять трансфер технологий из научной сферы в производство, повышать квалификацию работников и развивать STEM-образование, закладывая основу для будущих прорывов.

Финансовые механизмы стимулирования инвестиций, формируя доступные источники финансирования для бизнеса и развивая механизмы проектного финансирования, направлены на снижение рисков инвесторов, расширение возможностей фондового рынка и инвестиционных платформ, а также поддержку экспортеров посредством предоставления экспортных кредитов и гарантий.

Политика развития человеческого капитала, инвестируя в формирование квалифицированной рабочей силы, непрерывное образование, здоровье и социальную мобильность, способствует адаптации работников к автоматизации и цифровизации, создавая основу для будущего экономического роста.

Список источников

1. Речь Владимира Путина на ПМЭФ-2023: полная стенограмма обращения президента. URL: <https://www.kp.ru/daily/27517.5/4779430/> (дата обращения: 19.12.2025).

Денежно-кредитные инструменты обеспечивают стабильность национальной валюты и позволяют контролировать уровень инфляции; доступность кредитных ресурсов для бизнеса и населения; управляют ликвидностью банковской системы, предотвращая кризисные ситуации; стимулируют инвестиции через грамотное регулирование ключевой ставки и защищают экономику от внешних финансовых шоков с помощью резервных фондов и валютных интервенций.

Таким образом, комплексный анализ институционально-экономических механизмов экономики предложения обеспечивает не только более глубокое понимание взаимосвязей между различными элементами экономической системы, но и позволяет выявлять синергетический эффект от их взаимодействия.

Эффективность экономики предложения зависит не от отдельных мер, а от синхронизации механизмов – слаженного взаимодействия всех элементов системы. Синхронизация позволяет: избежать противоречий – когда одни меры нейтрализуют действие других; усилить синергию – взаимное дополнение механизмов дает результат, превышающий простую сумму эффектов; оптимизировать ресурсы – исключить дублирование и направить средства в точки максимального воздействия; обеспечить устойчивость – система становится менее уязвимой к внешним шокам; ускорить трансформацию – согласованные действия сокращают время перехода к новым моделям развития.

Практическая реализация систематизированных механизмов позволит создать благоприятную среду («экосистему роста») для развития отечественного производства, стимулировать инновационную активность и обеспечить переход к экономике, способной не только реагировать на рыночные изменения, но и формировать их.

References

1. Rech Vladimira Putina na PMEF-2023: polnaya stenogramma obrashcheniya prezidenta. URL: <https://www.kp.ru/daily/27517.5/4779430/> (accessed: 19.12.2025). (In Russ.).

2. Stein H. The Fiscal Revolution in America. Chicago/London : University of Chicago Press, 1969. 526 p.
3. Canto V. A., Joines D. H., Laffer A. B. Foundations of Supply-side Economics: Theory and Evidence. New York : Academic Press, 1983. 283 p.
4. Mundell R. A. Monetary Theory: Interest, Inflation and Growth in the World Economy. Pacific Palisades, CA : Goodyear Pub. Co., 1971. 189 p.
5. Feldstein M. Supply-side economics: Old truths and new claims // *American Economic Review*. 1986. Vol. 76, no. 2. P. 26–30.
6. Boskin M. J. Reagan and the Economy: The Successes, Failures, and Unfinished Agenda. San Francisco : Institute for Contemporary Studies, 1987. 301 p.
7. Evans M. K. The Truth About Supply-Side Economics. New York : Basic Books, 1983. 294 p.
8. Roberts P. C. The truth about supply-side economics // *Political Science Quarterly*. 1984. Vol. 99, no. 2. P. 366–367.
9. Bartlett B. R. Reagonomics: Supply-side economics in action. New York : Arlington House, 1981. 229 p.
10. Uchitelle L. A Political Comeback: Supply-Side Economics // *The New York Times*. 2008. URL: <https://www.nytimes.com/2008/03/26/business/26supply.html> (дата обращения: 04.02.2026).
11. Толкачев С. А., Тепляков А. Ю. Россия в концептуальном ракурсе «новой» экономики предложения // *Экономическое возрождение России*. 2024. № 4. С. 35–49. <https://doi.org/10.37930/1990-9780-2024-4-82-35-49>.
12. Кульков В. М. Потенциал и ограничения экономики предложения // *Проблемы современной экономики*. 2025. № 3. С. 27–30.
13. Кусургашева Л. В., Якунина Ю. С. Экономика предложения: современный контекст // *Вестник Алтайской академии экономики и права*. 2025. № 4–2. С. 252–260. <https://doi.org/10.17513/vaael.4102>.
14. Присяч Е. Ю. Экономика предложения в условиях кризиса // *Экономика: вчера, сегодня, завтра*. 2024. Т. 14, № 2–1. С. 173–179. <https://doi.org/10.34670/AR.2024.26.33.047>.
15. Новокшонова Е. Н. Применение принципов построения экономики предложения в экономике Республики Коми // *Вестник Бурятского государственного университета. Экономика и менеджмент*. 2024. № 1. С. 91–100. <https://doi.org/10.18101/2304-4446-2024-1-91-100>.
16. Медведева Н. В. Формирование модели экономики предложения: вариативность условий // *ЦИТИСЭ*. 2024. № 4. С. 202–211.
17. О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года : указ Президента РФ от 07.05.2024 № 309. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50542?ysclid=ml5rjnqkwn274996295> (дата обращения: 02.02.2026).
18. Об утверждении комплексного плана развития транспортной, энергетической, телекоммуника-
2. Stein H. The Fiscal Revolution in America. Chicago/London: University of Chicago Press; 1969. 526 p.
3. Canto V. A., Joines D. H., Laffer A. B. Foundations of Supply-side Economics: Theory and Evidence. New York: Academic Press; 1983. 283 p.
4. Mundell R. A. Monetary Theory: Interest, Inflation and Growth in the World Economy. Pacific Palisades, CA: Goodyear Pub. Co.; 1971. 189 p.
5. Feldstein M. Supply-side economics: Old truths and new claims. *American Economic Review*. 1986;76(2):26–30.
6. Boskin M. J. Reagan and the Economy: The Successes, Failures, and Unfinished Agenda. San Francisco: Institute for Contemporary Studies; 1987. 301 p.
7. Evans M. K. The Truth About Supply-Side Economics. New York: Basic Books; 1983. 294 p.
8. Roberts P. C. The truth about supply-side economics. *Political Science Quarterly*. 1984;99(2):366–367.
9. Bartlett B. R. Reagonomics: Supply-side economics in action. New York: Arlington House; 1981. 229 p.
10. Uchitelle L. A Political Comeback: Supply-Side Economics. *The New York Times*. 2008. URL: <https://www.nytimes.com/2008/03/26/business/26supply.html> (accessed: 04.02.2026).
11. Tolkachev S. A., Teplyakov A. Yu. Russia in the conceptual perspective of the “New” supply-side economics. *Economic Revival of Russia*. 2024;(4):35–49. <https://doi.org/10.37930/1990-9780-2024-4-82-35-49>. (In Russ.).
12. Kul’kov V. M. Potential and limitations of supply-oriented economy. *Problems of Modern Economics*. 2025;(3):27–30. (In Russ.).
13. Kusurgasheva L. V., Yakunina Yu. S. Supply-side economics: Contemporary context. *Vestnik Altayskoy akademii ekonomiki i prava*. 2025;(4–2):252–260. <https://doi.org/10.17513/vaael.4102>. (In Russ.).
14. Prisyach E. Yu. Ekonomika predlozheniya v usloviyakh krizisa. *Ekonomika: vchera, segodnya, zavtra*. 2024;14(2–1):173–179. <https://doi.org/10.34670/AR.2024.26.33.047>. (In Russ.).
15. Novokshonova E. N. Application of the Principles of Supply-Side Economy of the Komi Republic. *Bulletin of Buryat State University. Economy and Management*. 2024;(1):91–100. <https://doi.org/10.18101/2304-4446-2024-1-91-100>. (In Russ.).
16. Medvedeva N. V. Formation of a supply-side economics model: Variability of conditions. *CITISE*. 2024;(4):202–211. (In Russ.).
17. On the national development goals of the Russian Federation for the period up to 2030 and for the future up to 2036: Decree of the President of the Russian Federation No. 309 of May 7, 2024. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50542?ysclid=ml5rjnqkwn274996295> (accessed: 02.02.2026). (In Russ.).
18. On approval of a comprehensive plan for the development of transport, energy, telecommunications, social and other infrastructure for the period up to 2036, necessary for the implementation of the national development goals of the Russian Federation for the period up to 2030 and for the long term up to 2036: Order

- ционной, социальной и иной инфраструктуры на период до 2036 г., необходимой для реализации национальных целей развития РФ на период до 2030 г. и на перспективу до 2036 г. : распоряжение Правительства РФ от 29.08.2025 № 2365-р. Доступ из СПС «Гарант».
19. О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации, отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации : федеральный закон от 12.07.2024 № 176-ФЗ. Доступ из СПС «Гарант».
  20. Об утверждении перечня нормативных правовых актов и групп нормативных правовых актов Правительства Российской Федерации, нормативных правовых актов, отдельных положений нормативных правовых актов и групп нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти, правовых актах, отдельных положений правовых актов, групп правовых актов исполнительных и распорядительных органов государственной власти РСФСР и Союза ССР, решений Государственной комиссии по радиочастотам, содержащих обязательные требования, в отношении которых не применяются положения частей 1, 2 и 3 статьи 15 Федерального закона «Об обязательных требованиях в Российской Федерации» : постановление Правительства РФ от 31.12.2020 № 2467. Доступ из СПС «Гарант».
  21. Промышленное производство в России. 2023 : стат. сб. / Росстат. М., 2023. 259 с.
  22. Промышленное производство в России. 2025 : стат. сб. / Росстат. М., 2025. 250 с.
  23. Щербаков Р. А. Цифровизация государственных услуг. М. : ИСИЭЗ НИУ ВШЭ, 2025. URL: <https://issek.hse.ru/news/1039474722.html> (дата обращения: 04.02.2026).
  24. Капустина Н. В., Садыков А. И., Подгорский Я. Роль инвестиций в инфраструктуру в экономическом росте и сбалансированном региональном развитии // Финансы: теория и практика. 2023. Т. 27, № 2. С. 50–63. <https://doi.org/10.26794/2587-5671-2023-27-2-50-63>.
  25. Павлова Т. И., Ли Цзюнь, Нагапетян А. Р. Оценка вариации влияния инфраструктурных и производственных инвестиций на региональный экономический рост // Известия Дальневосточного федерального университета. Экономика и управление. 2024. № 3. С. 122–140. <https://doi.org/10.24866/2311-2271/2024-3/1237>.
  26. Буренков А. В., Тодовьянская А. В. Развитие инфраструктуры: ключевые принципы качественных инфраструктурных инвестиций // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2022. № 5–1. С. 102–107.
  27. Жестеров П. В. Пределы уголовной репрессии в сфере экономической деятельности: вопросы декриминализации // Аграрное и земельное
  - of the Government of the Russian Federation No. 2365-r of August 29, 2025. Accessed through Law assistance system “Garant”. (In Russ.).
  19. On amendments to parts one and two of the Tax Code of the Russian Federation, certain legislative acts of the Russian Federation and the recognition of certain provisions of legislative acts of the Russian Federation as invalid: Federal Law No. 176-FZ of July 12, 2024. Accessed through Law assistance system “Garant”. (In Russ.).
  20. On approval of the list of regulatory legal acts and groups of regulatory legal acts of the Government of the Russian Federation, regulatory legal acts, individual provisions of regulatory legal acts and groups of regulatory legal acts of federal executive bodies, legal acts, individual provisions of legal acts, groups of legal acts of executive and administrative bodies of state power of the RSFSR and the USSR, decisions of the State Commission on Radio Frequencies containing mandatory requirements in respect of which the provisions of Parts 1, 2 and 3 of Art. 15 of the Federal Law “On Mandatory Requirements in the Russian Federation” do not apply: Resolution of the Government of the Russian Federation No. 2467 of December 31, 2020. Accessed through Law assistance system “Garant”. (In Russ.).
  21. Promyshlennoe proizvodstvo v Rossii. 2023: Statistics. Rosstat. Moscow; 2023. 259 p. (In Russ.).
  22. Promyshlennoe proizvodstvo v Rossii. 2025: Statistics. Rosstat. Moscow; 2025. 250 p. (In Russ.).
  23. Shcherbakov R. A. Tsifrovizatsiya gosudarstvennykh uslug. Moscow: HSE ISSEK; 2025. URL: <https://issek.hse.ru/news/1039474722.html> (accessed: 04.02.2026). (In Russ.).
  24. Kapustina N. V., Sadykov A. I., Podhorský J. The role of infrastructure investment in economic growth and balanced regional development. *Finance: Theory and Practice*. 2023;27(2):50–63. <https://doi.org/10.26794/2587-5671-2023-27-2-50-63>. (In Russ.).
  25. Pavlova T. I., Li Jun, Nagapetyan A. R. Estimating the variation in the impact of infrastructure and productive investment on regional economic growth. *Bulletin of the Far Eastern Federal University. Economics and Management*. 2024;(3):122–140. <https://doi.org/10.24866/2311-2271/2024-3/1237>. (In Russ.).
  26. Bourenkov A. V., Todovyanskaya A. V. Infrastructure development: Key principals of qualified infrastructure investments. *Izvestia Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomiceskogo universiteta*. 2022;(5–1):102–107. (In Russ.).
  27. Zhesterov P. V. Limits of criminal repression in the sphere of economic activity: Issues of decriminalization. *Agrarian and Land Law*. 2025;(4):407–408. https://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_4_407. (In Russ.).
  28. Liang J. Formation and background of development “Society of medium wellness” (Xiaoqang). *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sotsiologiya i politologiya*. 2020;26(2):193–202.

- ное право. 2025. № 4. С. 407–408. https://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_4_407.
28. Лян Ц. Становление и предпосылки развития «общества средней зажиточности» (сяокан) // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2020. Т. 26, № 2. С. 193–202. <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2020-26-2-193-202>.
29. Навигатор мер поддержки. URL: <https://gisp.gov.ru/nmp/> (дата обращения: 02.02.2026).
30. Белоусов описал механизм достижения целей майского указа по экономике. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2024/05/08/1036256-belousov-opisal-mehanizm> (дата обращения: 02.02.2026).
31. Ершов М. В. Экономика предложения – важный фактор экономического роста России // Научные труды Вольного экономического общества России. 2023. Т. 244, № 6. С. 218–227. <https://doi.org/10.38197/2072-2060-2023-244-6-218-227>.
32. Омелянович Л. А., Манжула Т. Ю. Финансовые инструменты реализации модели экономики предложения // Вестник евразийской науки. 2024. Т. 16, № 1.
33. Баранник И. М. Ключевые аспекты стимулирующей функции налоговой политики как фактор роста национальной экономики // Вестник евразийской науки. 2023. Т. 15, № S3.
34. Механизм «регуляторной гильотины» // Министерство экономического развития Российской Федерации : офиц. сайт URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/gosudarstvennoe_upravlenie/mehanizm_regulyatornoy_gilotiny/?ysclid=mmca2m9f18399231090 (дата обращения: 18.01.2026).
35. Получение лицензий для бизнеса через «Госуслуги». URL: <https://knd.ac.gov.ru/6837/> (дата обращения: 10.01.2026).
29. Navigator mer podderzhki. URL: <https://gisp.gov.ru/nmp/> (accessed: 02.02.2026). (In Russ.).
30. Belousov opisal mekhanizm dostizheniya tseley may'skogo ukaza po ekonomike. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2024/05/08/1036256-belousov-opisal-mehanizm> (accessed: 02.02.2026). (In Russ.).
31. Ershov M. V. Supply economics – an important factor of Russia's economic growth. *Scientific Works of the Free Economic Society of Russia*. 2023;244(6):218–227. <https://doi.org/10.38197/2072-2060-2023-244-6-218-227>. (In Russ.).
32. Omelyanovich L. A., Manzhula T. Yu. Financial instruments for implementing the supply-side economics model. *The Eurasian Scientific Journal*. 2024;16(1). (In Russ.).
33. Barannik I. M. Key aspects of the stimulating function of tax policy as a factor in the growth of the national economy. *The Eurasian Scientific Journal*. 2023;15(S3). (In Russ.).
34. Mekhanizm “regulyatornoy gilotiny”. Ministerstvo ekonomicheskogo razvitiya Rossiyskoy Federatsii. URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/gosudarstvennoe_upravlenie/mehanizm_regulyatornoy_gilotiny/?ysclid=mmca2m9f18399231090 (accessed: 18.01.2026). (In Russ.).
35. Poluchenie litsenziy dlya biznesa cherez “Gosuslugi”. URL: <https://knd.ac.gov.ru/6837/> (accessed: 10.01.2026). (In Russ.).

Информация об авторах

Т. В. Ибрагимхалилова – доктор экономических наук, доцент;
<https://orcid.org/0000-0003-0477-7186>,
itv2106@mail.ru[✉]
Д. В. Ибрагимхалилова – старший лаборант;
idv26071996@mail.ru

About the authors

T. V. Ibragimkhalilova – Doctor of Sciences (Economics), Docent;
<https://orcid.org/0000-0003-0477-7186>,
itv2106@mail.ru[✉]
D. V. Ibragimkhalilova – Senior Assistant;
idv26071996@mail.ru

Научная статья
УДК 336.741.24

<https://doi.org/10.35266/2949-3455-2026-2-5>

Кешбэк как инструмент программ лояльности: оценка влияния на экономическую активность потребителей финансовых услуг

*Николай Витальевич Лебедев¹, Вадим Вячеславович Вихарев^{1✉},
Владислав Валерьевич Михайлов², Лев Николаевич Сандаров²*

¹Краснодарский филиал Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Краснодар, Россия

²Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия

Аннотация. Предметом настоящего исследования выступают финансово-экономические и институциональные детерминанты влияния инструментов программ лояльности на экономическую активность потребителей финансовых услуг. Цель исследования – оценка влияния кешбэка на экономическую активность потребителей финансовых услуг. В работе исследованы основные концепции определения лояльности потребителя, программ лояльности и кешбэка, выдвинут и протестирован ряд гипотез о влиянии кешбэка на экономическую активность потребителей финансовых услуг на основе методов анализа прокси-индикаторов, статистического, эконометрического, финансового, маркетингового и контент-анализа, социального опроса, формальной логики и других методов. Особенности авторского подхода в исследовании феномена лояльности и оценке влияния ее инструментов на экономическую активность потребителей являются акцент на сфере финансовых услуг, системность, комплексность, учет фундаментальных особенностей рассматриваемого рынка, а также многофакторность модели тестирования гипотез с помощью прокси-индикаторов. Полученные результаты исследования определяют направления будущих научных изысканий, а выявленные нерешенные аспекты проблемы требуют уточнения и должны стать предметом дальнейшей дискуссии.

Ключевые слова: рынок финансовых услуг, кешбэк, лояльность, программа лояльности, экономическая активность

Для цитирования: Лебедев Н. В., Вихарев В. В., Михайлов В. В., Сандаров Л. Н. Кешбэк как инструмент программ лояльности: оценка влияния на экономическую активность потребителей финансовых услуг // Вестник Сургутского государственного университета. 2026. Т. 14, № 2. С. 57–70. <https://doi.org/10.35266/2949-3455-2026-2-5>.

Original article

Cashback as loyalty program tool: Impact assessment on economic activity of financial services consumers

Nikolay V. Lebedev¹, Vadim V. Vikharev^{1✉}, Vladislav V. Mikhailov², Lev N. Sandarov²

¹Krasnodar Branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Krasnodar, Russia

²Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Abstract. The subject of this study is the financial, economic, and institutional determinants of the impact of loyalty program tools on the economic activity of consumers of financial services. The study aims to assess how cashback affects the economic activity of financial service consumers. Investigating the fundamental concepts of consumer loyalty, loyalty programs, and cashback, this paper proposes and tests several hypotheses regarding cashback's influence on the economic behavior of financial service consumers.

The utilized methodologies encompass: analysis of proxy indicators, statistical, econometric, financial, marketing and content analysis, social surveys, formal logic, and additional techniques. Focusing on financial services, consistency, and complexity, the authors' study of loyalty and its economic impact on consumers is marked by an emphasis on the fundamental features of the market and a multifactorial hypothesis testing model with proxy indicators. The research results determine the directions of future scientific research, and the identified unresolved aspects of the problem require clarification and should be the subject of further discussion.

Keywords: financial services market, cashback, loyalty, loyalty program, economic activity

For citation: Lebedev N. V., Vikharev V. V., Mikhailov V. V., Sandarov L. N. Cashback as loyalty program tool: Impact assessment on economic activity of financial services consumers. *Surgut State University Journal*. 2026;14(2):57–70. <https://doi.org/10.35266/2949-3455-2026-2-5>.

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования обуславливается необходимостью развития теоретико-методических подходов к исследованию феномена лояльности, пониманию его природы и оценке влияния инструментов программ лояльности на экономическую активность потребителей. Цель исследования состоит в оценке влияния кешбэка (как одного из самых популярных инструментов программ лояльности) на экономическую активность потребителей финансовых услуг. Поставленная цель обуславливает решение следующих задач исследования: контуринг предметной области исследования; выдвижение гипотез исследования; анализ методов и оценка влияния кешбэка на экономическую активность потребителей финансовых услуг; определение возможных направлений научных изысканий в предметной области исследования.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Для достижения поставленных цели и задач в настоящем исследовании были употреблены такие методы, как статистический, эконометрический, финансовый, маркетинговый и контент-анализ, анализ прокси-индикаторов, социальное исследование, а также экономико-математические и графико-аналитические методы, методы формальной логики. Объектом исследования в работе выступает лояльность потребителей финансовых услуг, предметом – финансово-экономические и институциональные детерминанты влияния инструментов программ лояльности (в различных сегментах финансового сектора России) на экономическую активность потребителей финансовых услуг.

Теоретико-методологической основой настоящего исследования послужили положения и концепции, представленные в трудах отечественных и зарубежных исследователей в области банковского дела, финансовых рынков, маркетинга, инвестиций и др., а также материалы периодической печати. Эмпирической основой исследования явились материалы Банка России, Росстата, официальных сайтов коммерческих банков и их финансовая отчетность, статистические и эконометрические результаты исследований отечественных и зарубежных ученых, экспертные оценки.

Работа выполнена в порядке поступательного решения заявленных задач, примененные статистико-аналитические методы исследования позволили в полной мере достичь их выполнения; анализ прокси-индикаторов экономической активности потребителей финансовых услуг дал косвенную оценку степени взаимосвязи расширения использования программ лояльности в финансовом секторе экономики России и экономической активности населения; социальное исследование позволило на эмпирической выборке подтвердить ряд выдвинутых гипотез.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Контуринг предметной области исследования. Необходимым исходным базисом поиска ответов на вопрос «о влиянии кешбэка на экономическую активность потребителей финансовых услуг» должен стать контуринг основных дефиниций предметной области исследования. Проведенный литературный обзор свидетельствует о значимой вариативности подходов к определению ключевых

категорий, что предопределяет обозначение авторской позиции к трактовке каждого из них. Основываясь на существующих в профессиональной среде подходах (табл. 1), в настоящей работе под лояльностью потребителя понимается такая модель его поведения, которая проявляется в устойчивых предпочтении бренда (товара) и преданности ему на долгосрочной основе.

Под программой лояльности (далее – ПЛ) (обзор подходов к определению которой представлен в табл. 2) в данном исследовании рассматривается набор инструментов построения долгосрочных взаимовыгодных отношений с клиентом (маркетинг взаимоотношений), применение которого ориентировано на повышение привязанности к бренду (товару) посредством использования различных монетарных и немонетарных форм привлечения новых и удержания действующих клиентов (кешбэк, бонусы, акции, карты лояльности, скидки, бесплатные услуги и др.). Пришедшие из реального бизнеса в сферу финансовых услуг модели ПЛ были

ей успешно имплементированы и адаптированы в практику институтов финансового рынка.

Одной из самых популярных в рамках ПЛ форм вознаграждения клиента (в т. ч. в рассматриваемом нами банковском секторе) является кешбэк. Учитывая сложившееся отражение данного понятия в информационном поле (табл. 1), кешбэк стоит рассматривать как инструмент ПЛ (как отдельной, так и коалиционной кампании, например с ретейлерами), который представляет собой возврат клиенту части средств от совершенной покупки товара (или услуги), стимулирующий покупательский спрос. Если классические виды кешбэка (например, по совершаемым банковской картой платежам в магазине) давно завоевали потребительскую популярность, стали обыденностью и воспринимаются как традиционный инструмент лояльности, то появление новых его видов в таких сегментах, как страхование, рынок вкладов или фондовый рынок (табл. 3), расширяют ставшие традиционными представления о его природе.

Таблица 1

Обзор авторских подходов к определению сущности категорий лояльности потребителя и кешбэка

Автор(ы)	Определение
И. Я. Рувенный, Е. Н. Скляр, В. А. Менькова	Лояльность – долгосрочное устойчивое поведение самостоятельно принимающего решения экономического агента, возникающее в силу его удовлетворенности и наличия высоких барьеров «переключения» [1]. В общем виде авторы представляют лояльность как синтез поведения и отношения, на основе чего выделяют поведенческую, перцепционную и комплексную лояльность [2]
Ф. Ф. Райхельд (F. F. Reichheld), Дж. Р. Росситер (J. R. Rossiter), Л. Б. Перси (L. B. Percy)	Лояльность – преданность источнику ценности [3]. Лояльность – систематическое, основанное на длительном знакомстве и благоприятном отношении предпочтение приобретать продукт определенного бренда [4]
А. В. Цысарь	Лояльность – явление нечувствительности покупателя определенного блага к действиям конкурентов-продавцов товаров-субститутов (например, к пересмотру ценовой политики) [5]
И. А. Новичихина, Д. А. Чичуленков	Лояльность – устойчивое благожелательное отношение потребителя к товару (услуге) или компании (бренду), выраженное в совершении регулярных покупок и готовности рекомендовать их другим [6]
А. П. Пантелеева	Кешбэк – специальная бонусная программа по возврату части денежных средств клиенту при осуществлении покупок [7]
К. А. Третьякова	Кешбэк – возмездное «поощрение» (плата) банка клиенту за приобретенный товар или услугу магазина-партнера [8]
В. С. Смирнова	Кешбэк – своеобразный вид поощрения клиентов, аналогичный скидке, выдаваемый после совершения покупки «живыми» деньгами [9]

Примечание: составлено авторами на основании источников [1–9].

Таблица 2

Обзор авторских подходов к определению программ лояльности

Автор(ы)	Определение
Б. Шарп (B. Sharp), А. Шарп (A. Sharp), Дж. Гриффин (J. Griffin)	Программа лояльности – система маркетинговых усилий по поощрению выгодного для фирмы поведения потребителей [10]; форма маркетинга, направленная на формирование долгосрочных отношений с клиентами с целью сделать их постоянными покупателями [11]
Т. Хрущева	Программа лояльности – маркетинговый инструмент, направленный на привлечение новых и удержание действующих клиентов, стимулирование спроса на товары (услуги) и для укрепления ментальной связи потребителей с брендом [12]
А. А. Федосенко	С точки зрения автора, программа лояльности представляет собой значимую часть маркетинга взаимоотношений с клиентами, которая используется для завоевания их доверия, повышения привязанности к товару (бренду), развития и поддержания эффективной коммуникации [13]
С. М. Березка	Программа лояльности – комплекс взаимосвязанных маркетинговых приемов и методов, целью которых является развитие долгосрочных взаимовыгодных отношений клиента и компании [14]. К принципиально важным аспектам ПЛ относятся требование системности применения, а также акцент на формировании долгосрочных отношений [15]

Примечание: составлено авторами на основании источников [10–15].

Таблица 3

Примеры кешбэка в разных сегментах российского финансового рынка

Сегмент	Компания	Продукт	Описание
Дебетовые/ кредитные карты	Т-Банк, Альфа- Банк, ВТБ и др.	Кешбэк	Клиенту ежемесячно предоставляется выбор 3–5 категорий товаров, за покупки которых (при условии оплаты картой данного банка) банк начисляет вознаграждение (в виде рублей; бонусов, которые конвертируются в рубли; бонусов, которыми можно оплатить часть следующей покупки)
	Сбербанк	СберСпасибо	
Вклады	Сбербанк	Лучший %	Зачисление при выполнении условий на брокерский счет вкладчика подарочных акций Сбербанка
Страхование	АльфаСтрахование	Обязательное страхование автогражданской ответственности (ОСАГО)	Возврат 50 % от стоимости полиса ОСАГО «апельсинками» в приложении «Апельсин»
	Т-страхование	Т-страхование	Кешбэк за все доступное страхование 5 % с подпиской PRO и 10 % с Premium
	ВТБ страхование	ОСАГО	Кешбэк 10 % при оформлении страховки через ВТБ-онлайн и оплаты картой ВТБ
	Ингосстрах	ОСАГО	При подключении подписки «Инго» за оформление ОСАГО в Ингосстрахе начисляется 10 % кешбэк
	РосБанк Страхование	Ипотечное страхование	Выплата 50 % от всей суммы страхования после 7-го года страховки
	Абсолют Страхование	Полисы страхования	Кешбэк 20 % за покупку полисов страхования при регистрации в ПЛ «МИР»
Фондовый рынок	Т-банк	Т-инвестиции	Кешбэк до 3 000 руб. за осуществление покупок финансовых активов в приложении брокера
	Ньютон Инвестиции	Газпромбанк инвестиции	Кешбэк 0,5 % от стоимости переведенных активов к брокеру Газпромбанка (выплата через 180 дней)
	ПРОМСВЯЗЬ	ПСБ инвестиции	При открытии нового брокерского счета и покупки активов через 30 дней начисляется до 1 000 руб. баллами

Примечание: составлено авторами по материалам, представленным на официальном сайте «Банки.ру» [16].

В частности, вознаграждение по продукту «Лучший %» от Сбербанка реализуется акциями, а не деньгами или баллами. Учитывая при этом высокую ликвидность самих акций, вероятно, правомерно говорить о новом виде кешбэка, осуществляемого в форме высоколиквидных финансовых инструментов.

Гипотезы исследования. Принимая во внимание эмпирический опыт, общедоступную информацию и пользуясь методами формаль-

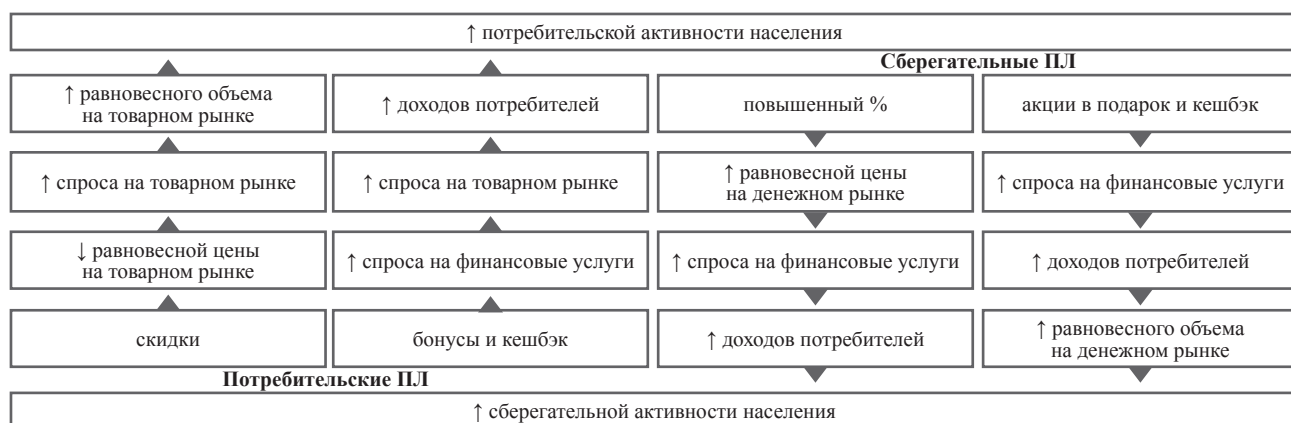
ной логики, можно сформулировать ряд аргументов в пользу того или иного подхода к выдвиганию исследовательских гипотез влияния кешбэка (как одного из ключевых монетарных инструментов ПЛ) на экономическую активность потребителей финансовых услуг (табл. 4). Основанная на методах формальной логики модель влияния на экономическую активность потребителей при этом носит позитивный характер (рисунок).

Таблица 4

Потенциальные аргументы выдвигания гипотез влияния кешбэка на экономическую активность потребителей финансовых услуг

Гипотеза	Аргументы
Оказывает прямое влияние	<ul style="list-style-type: none"> – кешбэк возвращает часть потраченных средств, что создает дополнительный мотив для покупок (эффект дохода); – кешбэк побуждает потребителей совершать незапланированные покупки; – программы кешбэка способствуют формированию привязанности к бренду, что увеличивает количество регулярных покупок и общую активность на рынке; – кешбэк активно используется в промо-акциях, что может подтолкнуть потребителей к активному участию в этих предложениях, увеличивая общий объем продаж
Не оказывает влияния	<ul style="list-style-type: none"> – потребители могут ориентироваться на цену товара или услуги, а не на кешбэк; – размер кешбэка обычно составляет небольшой процент от суммы покупки, и для большинства потребителей он не оказывает существенного влияния на их покупательскую способность; – многие потребители игнорируют кешбэк-предложения из-за сложности регистрации и ограниченных условий (например, если кешбэк доступен только при использовании определенной карты или приложения); – часть потребителей может не тратить кешбэк, а сохранять его, особенно в условиях экономической нестабильности, что снижает влияние кешбэка на экономическую активность
Оказывает обратное влияние	<ul style="list-style-type: none"> – кешбэк может создавать искусственный спрос на определенные категории товаров или услуг, что приводит к дисбалансу на рынке и может негативно сказаться на других секторах экономики; – кешбэк-программы реализуются за счет бизнеса и не всегда дают положительный эффект, что может привести к снижению нормы реинвестирования и рентабельности бизнеса и, как следствие, в долгосрочной перспективе вызвать противоположный эффект; – со временем потребители могут привыкнуть к кешбэку и воспринимать его как обязательное условие покупки, что снижает стимулирующий эффект ПЛ и может привести к тому, что потребители будут откладывать покупки

Примечание: разработано авторами.

Рисунок. Концептуально-логическая модель влияния ПЛ на экономическую активность потребителей

Примечание: составлено авторами.

Приведенные потенциальные аргументы на интуитивном уровне свидетельствуют о неоднозначности влияния кешбэка на экономическую активность потребителей финансовых услуг, но так как в рамках настоящей работы не преследуется цель формулирования всех

возможных гипотез исследования предметной области, то в качестве вектора дальнейших изысканий возможно представить следующие гипотезы исследования влияния кешбэка на экономическую активность потребителей финансовых услуг (табл. 5).

Таблица 5

Гипотезы исследования влияния кешбэка на экономическую активность потребителей финансовых услуг

Эмпирические наблюдения	Гипотеза	Метод проверки
Исследование воздействия материальных стимулов на производительность труда и экономическую активность [17]	Бонусы приводят к тому, что оборачиваемость денежных средств потребителя финансовых услуг падает, как и его экономическая активность	Регрессионный анализ, в основе которого заложены модели Харрода, Солоу и Рэмси, производная от производственной функции Кобба – Дугласа и уравнения Эйлера. Социологическое исследование
	Проблема: отсутствие статистических материалов о ПЛ в России и о движении денежных средств каждого клиента	
Исследование финансовых факторов пагубного влияния на когнитивные функции человека [18]	Рост числа кешбэк-программ и постоянное изменение условий по ним вызывают у потребителей когнитивную перегруженность, и, как следствие, клиент перестает отслеживать предложения по каждой из них, что приводит к сокращению влияния кешбэка на экономическую активность потребителя финансовых услуг	Трехуровневый метаанализ с применением расстояния Кука в сравнении с рядом альтернативных структур по методу Харрера; четырехуровневая структура, составленная по рекомендациям Фернандеса – Кастильи; трехуровневая регрессионная модель Эггера. Социологическое исследование
	Проблема: сложность применения авторских математических моделей, отсутствие системы статистических материалов о ПЛ в России	
Зависимость лояльности от уровня дохода, потребления и валого внутреннего продукта [19]	С ростом уровня дохода потребителя финансовых услуг воздействие ПЛ на его экономическую активность ослабевает	Кластерный корреляционный анализ объемов потребления населения и выплаченных кешбэков (помесячно) на основе сегментации потребителей по уровню дохода. Социологическое исследование
	Проблема: отсутствие оперативных данных по динамике потребления и выплаченных кешбэков	
Зависимость влияния сентимента клиентов на их потребительскую активность [20, 21]	Формирование позитивного сентимента клиентов кешбэк-платформ приводит к росту использования таких сервисов и экономической активности потребителей финансовых услуг	Прогнозная модель глубокого обучения FIN-FORMER, использующая представления сентимента из текстовых данных и числовые финансовые данные, регрессионная модель зависимости между количеством информационных постов в социальных сетях и количеством активных клиентов. Социологическое исследование
	Проблема: для получения релевантных результатов необходимо исследование на большой выборке непубликуемых данных	
Оценка эффективности ПЛ в привлечении клиентов [22]	С ростом лояльности потребителя финансовых услуг к бренду вероятность ухода к конкуренту при более выгодных условиях падает, поиск наилучшего предложения на рынке сокращается, как и экономическая активность	Трехфакторный дисперсионный анализ (включающий показатели относительной привлекательности ПЛ, измеренной с помощью шкалы Лихтенштейна, Бертона и Карсона [23], предполагаемой стоимости переключения между программами и лояльности, рассчитанной по модели Джонса, Мазербауха и Бетти [24], и частоты использования кредитной карты потребителем). Социологическое исследование
	Проблема: сложность практической оценки относительной привлекательности ПЛ, величины «барьеров» переключения и др.	
Исследование причин активного пользования широким перечнем банковских услуг [25]	В зависимости от пола, возраста и состава семей потребителей финансовых услуг кешбэк может по-разному влиять на их экономическую активность	Структурно-динамический анализ дебетовых карт с кешбэком и кластерный корреляционный анализ объема полученного кешбэка потребителями финансовых услуг, сегментированных по указанным критериям. Социологическое исследование
	Проблема: отсутствие оперативных данных по количеству пользователей дебетовых карт с кешбэком, их потреблению, составу их семей и по объему начисляемого кешбэка	

Примечание: разработано авторами на основании источников [18–25].

Оценка уровня лояльности потребителей на рынке финансовых услуг (например, к определенной ПЛ или ее оператору) играет детерминирующую роль при определении степени зависимости объема выплаченного кешбэка и экономической активности потребителей финансовых услуг. Кроме того, очевидна необходимость такой оценки в контексте поиска ответа на вопрос о прямом/обратном влиянии или не влиянии инструментов ПЛ на лояльных, нейтральных и нелояльных потребителей. Различные методы квантификации

лояльности потребителей рассматриваются в работах многих зарубежных ученых (обзор которых представлен в табл. 6), согласно которым она может осуществляться посредством расчета таких показателей, как индексы NPS, CSI, CRR, CCR и др., апселлинг и некоторые композитные индикаторы (например, индекс CLI). Существенным недостатком рассмотренных инструментов является то, что они преимущественно носят микроэкономический характер и могут быть применены только на уровне отдельной фирмы.

Таблица 6

Обзор авторских подходов к квантификации лояльности потребителя

Автор(ы) – метод	Описание механизма оценки
Ф. Ф. Райхельд (F. F. Reichheld) – индекс NPS (от англ. Net Promoter Score) [26]	Метрика, отражающая степень готовности клиентов к совершению повторных покупок. По результатам опроса респонденты делятся на три группы: сторонники/промоутеры бренда (9–10 баллов); нейтральные (7–8 баллов); критики (0–6 баллов). $NPS = \langle \% \text{ сторонников} \rangle - \langle \% \text{ критиков} \rangle$ или $NPS = ((\text{количество промоуторов} - \text{количество критиков}) \div \text{количество респондентов}) \times 100 \%$
К. Форнелл (C. Fornell), М. Д. Джонсон (M. D. Johnson), Е. У. Андерсон (E. W. Anderson), Д. Ча (J. Cha), Б. Б. Эверитт (B. B. Everitt) – индекс CSI (от англ. Customer Satisfaction Index) [27]	Метрика, иллюстрирующая уровень удовлетворенности клиента после взаимодействия с брендом. Осуществляется выборка ключевых категорий, влияющих на удовлетворенность потребителей (качество продукта, цена, сервис и др.), респонденты оценивают каждый из параметров по пятибалльной или десятибалльной шкале. $CSI = (\sum (B \times O) \div \sum (B \times B_{\max})) \times 5/10$ (в зависимости от выбранной шкалы) $\times 100 \%$, где B – «вес» параметра для респондента; O – оценка параметра респондентом; $B_{\max}$ – максимальный «вес» параметра
П. У. Фаррис (P. W. Farris), Н. Т. Биндл (N. T. Bendle), Ф. Э. Фифер (P. E. Pfeifer), Д. Дж. Рибштейн (D. J. Reibstein) [28] и др. – индекс CRR (от англ. Customer Retention Rate)	Метрика, характеризующая способность компании к выстраиванию эффективных долгосрочных взаимоотношений с потребителем. $CRR = ((CE - CN) \div CS) \times 100 \%$, где CE – количество клиентов на конец периода; CN – количество пришедших потенциальных клиентов (лидов); CS – количество клиентов в начале периода
У. Е. Сассер (W. E. Sasser), Л. А. Шлессингер (L. A. Schlesinger), Дж. Л. Хэскетт (J. L. Heskett) [29] и др. – индекс CCR (от англ. Customer Churn Rate)	Метрика, отражающая количество клиентов, которых потеряла компания за определенный период времени. $CCR = (C1 - C2) \div C1 \times 100 \%$, где C1 – количество клиентов в начале периода; C2 – количество клиентов в конце периода
Дж. Абрахам (J. Abraham) [30], Дж. Гитомер (J. Gitomer) [31] и др. – апселлинг (от англ. Up-selling)	Метрика, определяющая количество клиентов, совершивших дополнительную покупку товаров или услуг бренда. Показатель апселлинга = «количество клиентов, купивших не связанные между собой товары» $\div$ «количество клиентов, купивших один товар»
Р. МакМуллан (R. McMullan), А. Гилмор (A. Gilmore) [32] и др. – индекс CLI (от англ. Customer Loyalty Index)	Метрика лояльности потребителей, сочетающая субъективные и объективные факторы, воздействующие на выбор клиента. В основе индекса заложены показатели истории клиента, суммы покупок, возможности повторной покупки, предпочтений и готовности рекомендовать, каждому из которых соответствует оценка: 100, 50 и 0. Индекс CLI находится как среднее арифметическое всех показателей

Примечание: составлено авторами на основании источников [26–32].

Тестирование выдвигаемых гипотез. Ввиду отсутствия необходимой статистической базы для применения большинства предлагаемых методов подтверждения аргументов из табл. 4 и проверки гипотез из табл. 5, их тестирование в настоящей работе было осуществлено на основе динамического, эконометрического анализа прокси-индикаторов, которые не напрямую, но косвенно отражают динамику экономической активности потребителей финансовых услуг, ее связь с объемом выплаченного кешбэка и метода социального опроса.

Исходными данными расчета прокси-индикаторов экономической активности потре-

бителей финансовых услуг послужили статистические показатели развития отраслей финансового рынка, включая сектор банковских карт и вкладов, страховой и фондовый рынки, представленные в материалах Банка России, Росстата, Московской биржи и периодической печати (табл. 7).

Согласно представленным данным (табл. 8), к 2024 г. объем выплаченного кешбэка в расчете на 1 представителя экономически активного населения вырос почти в 3 раза за 4 года, или на 3,4 тыс. руб. на человека. При этом данные за 2019–2020 гг. в официальных источниках отсутствуют.

Таблица 7

Исходные данные расчета прокси-индикаторов экономической активности потребителей финансовых услуг в России за период 2019–2024 гг.

Показатель	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.	2024 г.
Инфляция, % г/г	3,0	4,9	8,4	11,9	7,4	9,5
Индекс-дефлятор	100	95,320	87,942	78,561	73,135	66,777
Темп прироста М2, % г/г	8,8	13,8	10,8	18,5	23,5	19,0
Объем выплаченного кешбэка, млрд руб.	н/д	н/д	141	185	300	400
Экономически активное население, млн чел.	75,9	75,5	76,0	75,6	76,0	76,1
Количество выпущенных платежных карт – всего, млн ед.	285,8	305,6	334,7	396,6	449,3	502,7
из них						
расчетные	248,6	266,5	294,3	349,2	394,7	433,9
из них						
– активные	196,9	209,5	231,5	252,7	270,1	374,9
– неактивные	51,7	57,0	62,8	96,5	124,6	59,0
кредитные	37,2	39,1	40,4	47,4	54,6	68,8
Количество операций с использованием платежных карт, млрд ед.	41,7	49,9	62,4	69,3	75,8	76,8
Объем операций с использованием платежных карт, трлн руб., в т. ч.						
в текущих ценах	90,9	105,5	133,0	154,3	171,1	189,7
в ценах 2019 г.	90,9	100,6	117,0	121,3	125,2	126,7
Количество устройств по приему платежных карт, тыс. ед.	3 397	4 101	4 112	4 421	4 809	4 847
Объем депозитов физических лиц в банках, трлн руб., в т. ч.						
текущие значения	29,6	32,5	33,2	33,6	42,0	53,9
очищенные от темпа роста денежной массы (с 2019 г.)	29,6	28,5	30,0	28,3	34,0	45,3
Страховые премии по добровольному страхованию жизни, млрд руб., в т. ч.						
в текущих ценах	964,4	993,5	1 178,3	1 131,7	1 460,3	2 818,4
в ценах 2019 г.	964,4	947,0	1 036,2	889,1	1 068,0	1 882,1
Количество частных лиц-инвесторов, имеющих счета на Мосбирже, млн (на конец года)	3,9	8,8	16,8	22,9	29,7	35,1
Объем торгов Мосбиржи, трлн руб. (на конец года)	798,3	947,2	1 009,6	1 055,9	1 309,7	1 489,9

Примечание: составлено авторами по материалам Банка России, Росстата, Московской биржи и периодической печати [33–36].

Таблица 8

Основные прокси-индикаторы экономической активности потребителей финансовых услуг в России за период 2019–2024 гг.

Прокси-индикатор	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.	2024 г.	Корреляция
Объем выплаченного кешбэка, руб. на чел.	н/д	н/д	1 856,0	2 446,0	3 945,5	5 255,9	1
Проникновение платежных карт в экономически активное население, в т. ч.							
количество платежных карт, ед. на чел.	3,8	4,0	4,4	5,2	5,9	6,6	0,98
количество расчетных карт, ед. на чел.	3,3	3,5	3,9	4,6	5,2	5,7	0,97
количество кредитных карт, ед. на чел.	0,5	0,5	0,5	0,6	0,7	0,9	0,98
доля активных дебетовых карт, %	79,2	78,6	78,7	72,4	68,4	86,4	0,40
количество устройств по приему платежных карт, ед. на чел.	0,04	0,05	0,05	0,06	0,06	0,06	0,93
Экономическая активность пользователей финансовых услуг, в т. ч.							
количество платежных операций в год, ед. на чел. за год	549,3	661,7	821,6	916,2	997,5	1 009,0	0,92
объем платежных операций в год, тыс. руб. на чел. (на конец периода в ценах 2019 г.)	1 198,4	1 332,9	1 540,0	1 603,2	1 646,0	1 664,9	0,93
среднедневной объем платежных операций, тыс. руб. на чел. (на конец периода, в ценах 2019 г.)	3,28	3,65	4,22	4,39	4,51	4,56	0,93
объем страховых премий, тыс. руб. на чел. (в ценах 2019 г.)	12,7	12,5	13,6	11,8	14,0	24,7	0,85
доля инвесторов в экономически активном населении, %	5,1	11,7	22,1	30,3	39,1	46,1	0,98
среднедневной объем торгов на Мосбирже, тыс. руб. на чел.	28,8	34,4	36,4	38,3	47,2	53,6	0,99

Примечание: рассчитано авторами по данным, представленным в табл. 7.

Динамика рассчитанных прокси-индикаторов и анализ показателей их корреляции с динамикой выплаченного кешбэка в расчете на 1 человека позволяют сделать вывод о возросшей экономической активности потребителей финансовых услуг и тесной ее взаимосвязи с объемом выплаченного кешбэка. Так:

– возрос уровень проникновения платежных карт в экономически активное население: в 2024 г. в среднем на 1 человека приходилось почти 7 платежных карт (что почти на 3 карты, или на 74 %, больше, чем в 2019 г.), из них – почти 6 дебетовых (что почти на 2 карты, или на 73 %, больше, чем в 2019 г.) и 1 кредитная карта (что в 2 раза больше, чем в 2019 г., когда лишь каждый второй экономически активный россиянин обладал кредитной картой), при этом доля активных дебетовых карт в 2024 г. также возросла на 7,2 % по сравнению с 2019 г. и составила 86,4 %;

– расширяется инфраструктура по приему платежных карт: количество устройств по приему платежных карт на 1 человека к 2024 г. составило 0,06 ед. (или приблизительно по 16 человек на одно устройство), что на 0,02 единицы больше, чем в 2019 г. (когда на 1 устройство в среднем приходилось 22 человека);

– возросла экономическая активность каждого пользователя финансовых услуг из числа экономически активного населения: количество платежных операций в год на 1 человека за рассматриваемый период выросло почти вдвое, или на 460 операций в год, составив 1 009 операций на человека в год;

– годовой объем платежных операций на 1 человека вырос на 38,9 %, или на 466,5 тыс. руб. на 1 человека, составив 1 664,9 тыс. руб. на 1 человека, а среднедневной объем платежных операций вырос на 39,0 %,

или на 1,28 тыс. руб. на 1 человека, составив 4,56 тыс. руб. в день на 1 человека;

– активность потребителей финансовых услуг за рассматриваемый период выросла и в сегментах страхового и фондового рынков. Объем страховых премий в расчете на 1 человека вырос на 94,5 %, или на 12 тыс. руб., составив в 2024 г. 24,7 тыс. руб. на человека;

– доля инвесторов в общей численности экономически активного населения выросла более чем в 9 раз, составив в 2024 г. 24,7 млн чел., а среднечасовой объем торгов в расчете на 1 человека вырос на 86,1 %, или на 24,8 тыс. руб. в день, составив в 2024 г. 53,6 тыс. руб. на 1 человека в день;

– коэффициенты корреляции динамики почти всех рассмотренных прокси-индикаторов и объемов выплаченного кешбэка в расчете на 1 человека выше 0,85, что говорит о тесной их взаимосвязи. Низкая же зависимость с динамикой объема выплаченного кешбэка наблюдается только у индикатора доли активных дебетовых карт (0,40).

Таким образом, подтверждается часть гипотез о наличии прямой взаимосвязи экономической активности потребителей финансовых услуг и кешбэка. Большинство же из предложенных в табл. 5 гипотез подтверждается полученными данными социального опроса (на основе выборки из 1 092 респондентов, табл. 9).

Таблица 9

Результаты формализованного индивидуального соцопроса

Содержание вопроса	Варианты ответа, %				
	совсем нет / исключено	скорее нет / маловероятно	в равной степени / 50 на 50	скорее да / вероятно	определенно да / однозначно да
Насколько сильно бонус по банковскому вкладу влияет на ваше решение открыть банковский вклад?					
мужчина (44 % респондентов)	14	21	13	42	10
женщина (56 % респондентов)	8	11	16	46	19
холост (78 % респондентов)	11	28	30	19	12
женат/замужем (22 % респондентов)	4	10	16	25	45
до 25 лет (58 % респондентов)	7	6	18	58	11
25–39 лет (23 % респондентов)	11	15	19	17	38
от 40 лет (19 % респондентов)	5	13	47	27	8
Снижается ли ваша экономическая активность при регулярных изменениях условий кешбэк-программ и росте их количества?					
	3	4	4	11	78
Насколько большое значение для вас играют условия ПЛ при принятии решений по открытию вклада? (результаты приведены с разбивкой по уровню дохода респондентов)					
до 50 тыс. руб. (55 % респондентов)	8	17	40	19	16
50–100 тыс. руб. (21 % респондентов)	12	25	36	15	12
100–150 тыс. руб. (15 % респондентов)	9	18	29	34	10
150–200 тыс. руб. (7,5 % респондентов)	10	15	28	29	18
>200 тыс. руб. (1,5 % респондентов)	14	20	37	16	13
Насколько сильно влияет ваша эмоциональная привязанность к банку на желание участвовать в его ПЛ?					
позитивно (63 % респондентов)	1	1	19	45	34
нейтрально (27 % респондентов)	13	23	37	15	12
негативно (10 % респондентов)	6	8	47	29	10
Какова вероятность того, что при получении более выгодного предложения по ПЛ (вклады) вы поменяете текущий банковский продукт?					
	15	47	18	13	7

Примечание: проведен авторами с использованием сервиса «Яндекс.Формы».

Анализ результатов соцопроса позволяет сделать ряд выводов: большее влияние «бонуса» по ПЛ на принятие решения открыть вклад оказывается на женщин, чем на мужчин; на состоящих в браке, чем на холостых; на лиц до 25 лет, чем на лиц старшего возраста; подавляющее большинство респондентов (93 %) так или иначе связывают снижение своей экономической активности с регулярными изменениями условий кешбэк-программ и ростом их количества в пользовании; устойчивая корреляция между уровнем дохода респондентов и потенциальным участием в ПЛ банков (вклады) отсутствует; респонденты с ярко выраженным сентиментом более подвержены влиянию ПЛ на частоту пользования финансовыми услугами; потребители финансовых услуг в большинстве не склонны к смене текущего банковского продукта (вклада) при получении более выгодного предложения по ПЛ другого банка.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Результаты проведенного исследования подтверждают ряд выдвинутых гипотез. Так, например, анализ прокси-индикаторов экономической активности потребителей финансовых услуг свидетельствует о наличии ее прямой связи с объемом выплаченного кешбэка; программы лояльности банков оказывают дифференцированное влияние на потребителей в зависимости от их пола, возраста, уровня дохода и семейного положения; регулярное изменение условий кешбэк-программ и рост их количества в пользовании у потребителей приводит к снижению их экономической активности (связанной с ПЛ); устойчивая корреляция между уровнем дохода респондентов и потенциальным участием в ПЛ банков (вклады) отсутствует, а респонденты с ярко выраженным сентиментом более подвержены влиянию ПЛ на частоту пользования финансовыми услугами; также потребители финансовых услуг в большинстве не склонны к смене текущего банковского продукта (вклада) при получении более выгодного предложения по ПЛ другого банка.

Подтвержденная в ходе настоящего исследования неоднородность и несистемность воздействия инструментов ПЛ на экономическую активность потребителей финансовых услуг не может в полной мере свидетельствовать о прямой связи кешбэка и экономической активности потребителей финансовых услуг. Кроме того, выявлены нерешенные аспекты проблемы, которые определяют проведение новых исследований в целях совершенствования теоретико-методической разработанности предметной области исследования, среди которых:

- отсутствие официальной статистики о деятельности и параметрах существующих в России ПЛ: об объеме выплаченного кешбэка, количестве пользователей ПЛ, объеме совершаемых ими операций с использованием ПЛ и др. (в т. ч. в разрезе по операторам ПЛ, отраслям экономики, регионам и т. д.);
- сложность применения на практике авторских методик, математических и эконометрических моделей, предложенных для подтверждения сформулированных в данной работе гипотез;
- сложность оценки ряда субъективных характеристик ПЛ, например сентимента их пользователей, относительной привлекательности ПЛ, величины «барьеров» переключения и др.;
- отсутствие методического инструментария оценки агрегатного показателя лояльности потребителей на отдельных отраслевых рынках, что потенциально снижает адекватность разрабатываемых эконометрических моделей.

Среди ключевых рекомендаций и возможных направлений дальнейших изысканий в рамках предметной области и выявленных проблемных аспектов настоящего исследования следует отметить:

- разработку мер совершенствования российского законодательства в части регламентации применения ПЛ и их инструментов на финансовом рынке, ввода в нормативно-правовой оборот понятия «оператор программы лояльности», создания специального реестра их учета, а также закрепления обязательства

операторов ПЛ раскрывать параметры своей деятельности, размещать в открытом доступе статистические материалы (например, в форме отдельного федерального закона или поправок к отдельным нормативно-правовым актам);

– проведение практического тестирования состоятельности выдвинутых в работе гипотез,

проверка предложенных для их подтверждения авторских методик;

– разработку агрегатного показателя лояльности для отдельных отраслевых рынков для повышения репрезентативности результатов оценки влияния инструментов ПЛ на экономическую активность потребителей финансовых услуг с разной степенью лояльности.

Список источников

1. Скляр Е. Н., Менькова В. А. Формирование программ повышения потребительской лояльности в сетевом маркетинге // Научные записки Орел-ГИЭТ. 2010. № 2. С. 235–249.
2. Рувенный И. Я., Аввакумов А. А. Управление лояльностью потребителей. М. : КноРус, 2022. 165 с.
3. Райхельд Ф. Ф. Эффект лояльности: движущие силы экономического роста, прибыли и непреходящей ценности. М. : Вильямс, 2005. 383 с.
4. Росситер Дж. Р., Перси Л. Реклама и продвижение товаров / пер. с англ. М. Бугаев и др. СПб. : Питер, 2000. 651 с.
5. Цысарь А. В. Лояльность покупателей: основные определения, методы измерения, способы управления // Маркетинг и маркетинговые исследования в России. 2002. № 5. С. 55–61.
6. Новичихина И. А., Чичуленков Д. А. Эволюция подходов к содержанию понятия лояльности банковских клиентов и факторов ее формирования // Финансовые рынки и банки. 2023. № 5. С. 136–143.
7. Пантелеева А. П., Петров С. В. Место потребителя в иерархии интересов субъектов реализации функции «кэшбэк» // Финансовая экономика. 2019. № 1. С. 222–228.
8. Третьякова К. А. Кэшбэк по банковским картам: вопросы квалификации // Сборник избранных статей научной сессии ТУСУР. 2022. № 1–3. С. 76–79.
9. Смирнова В. С. Применение финансовых инструментов в дистанционной торговле // Роль бухгалтерского учета и налогообложения в финансовом развитии бизнеса : сб. науч. тр. по материалам Междунар. науч.-практ. конф, 19 октября 2017 г., г. Улан-Батор. Белгород : ООО «Агентство перспективных научных исследований», 2017. С. 244–247.
10. Sharp B., Sharp A. Loyalty Programs and their impact on repeat-purchase loyalty patterns // International Journal of Research in Marketing. 1997. Vol. 14, no. 5. P. 473–486.
11. Griffin J. Customer Loyalty: How to Earn it, How to Keep It. San Francisco : Jossey-Bass, 2002. 272 p.
12. Программа лояльности клиентов: что это и какие цели бизнеса решает. URL: <https://rb.ru/opinion/customer-loyalty-program/> (дата обращения: 30.03.2025).
13. Федосенко А. А. Лояльность потребителя: маркетинговый аспект // Век качества. 2022. № 2. С. 100–111.

References

1. Sklyar E. N., Menkova V. A. Formirovanie programm povysheniya potrebitelskoy loyalmnosti v setevom marketinge. *Nauchnye zapiski OrelGIET*. 2010;(2):235–249. (In Russ.).
2. Ruvennyi I. Ya., Avvakumov A. A. Upravlenie loyalmnostyu potrebitel'ey. Moscow: KnoRus; 2022. 165 p. (In Russ.).
3. Reichheld F. F. The loyalty effect: The hidden force behind growth, profits, and lasting value. Moscow: Williams; 2005. 383 p. (In Russ.).
4. Rossiter J. R., Percy L. Advertising Communications & Promotion Management. M. Bugaev et al., trans. St. Petersburg: Piter; 2000. 651 p. (In Russ.).
5. Tsysar A. V. Loyalmnost pokupateley: osnovnye opredeleniya, metody izmereniya, sposoby upravleniya. *Marketing i marketingovye issledovaniya v Rossii*. 2002;(5):55–61. (In Russ.).
6. Novichikhina I. A., Chichulenkov D. A. The evolution of approaches to the content of bank customer loyalty and its factors. *Financial Markets and Banks*. 2023;(5):136–143. (In Russ.).
7. Panteleeva A. P., Petrov S. V. Mesto potrebitelya v ierarkhii interesov subektov realizatsii funktsii “keshbek”. *Finansovaya ekonomika*. 2019;(1):222–228. (In Russ.).
8. Tretyakova K. A. Keshbek po bankovskim kartam: voprosy kvalifikatsii. In: *Sbornik izbrannykh statey nauchnoy sessii TUSUR*. 2022. No. 1–3. p. 76–79. (In Russ.).
9. Smirnova V. S. Primenenie finansovykh instrumentov v distantsionnoy torgovle. In: *Proceedings of the International Research-to-Practice Conference “Rol bukhgalterskogo ucheta i nalogooblozheniya v finansovom razvitii biznesa”*, October 19, 2017, Ulaanbaatar. Belgorod: ООО “Агентство перспективных научных исследований”; 2017. p. 244–247. (In Russ.).
10. Sharp B., Sharp A. Loyalty Programs and their impact on repeat-purchase loyalty patterns. *International Journal of Research in Marketing*. 1997;14(5): 473–486.
11. Griffin J. Customer Loyalty: How to Earn it, How to Keep It. San Francisco: Jossey-Bass; 2002. 272 p.
12. Programma loyalmnosti klientov: chto eto i kakie tseli biznesa reshaet. URL: <https://rb.ru/opinion/customer-loyalty-program/> (accessed: 30.03.2025). (In Russ.).
13. Fedosenko A. A. Consumer loyalty: Marketing aspect. *Age of Quality*. 2022;(2):100–111. (In Russ.).

14. Березка С. М. Программы лояльности: зарубежный и Российский опыт // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. 2016. № 5. С. 113–131. <https://doi.org/10.38050/01300105201657>.
15. Березка С. М. Возможности и ограничения программ лояльности клиентов // Научные исследования экономического факультета. 2012. Т. 4, № 1. С. 180–197.
16. Банки.ру. URL: <https://www.banki.ru/> (дата обращения: 30.03.2025).
17. Cuong L.-V., Nguyen T.-T. Does wage bonus positively impact the economy? // *Fulbright Review of Economics and Policy*. 2021. Vol. 1, no. 1. P. 1–11. <https://doi.org/10.1108/FREP-02-2021-0016>.
18. Almeida F., Scott I. J., Soro J. C. et al. Financial scarcity and cognitive performance: A meta-analysis // *Journal of Economic Psychology*. 2024. Vol. 101. P. 1–19. <https://doi.org/10.1016/j.joep.2024.102702>.
19. Diacon P.-E., Maha L.-G. The relationship between income, consumption and GDP: A time series, cross-country analysis // *Procedia Economics and Finance*. 2015. No. 23. P. 1535–1543. [https://doi.org/10.1016/S2212-5671\(15\)00374-3](https://doi.org/10.1016/S2212-5671(15)00374-3).
20. Kizilkan K. From hashtag to cashback: Success determinants in crowdfunders' user behavior // *Revista Galega de Economía*. 2023. Vol. 32, no. 2. <https://doi.org/10.15304/rge.32.2.8582>.
21. Теплова Т. В., Соколова Т. В., Файзулин М. С. и др. Сентимент инвесторов и аномалии в поведении биржевых характеристик инвестиционных активов : моногр. М. : ИНФРА-М, 2022. 199 с.
22. Wirtz J., Mattila A. S., Lwin M. O. How effective are loyalty reward programs in driving share of wallet? // *Journal of Service Research*. 2007. Vol. 9, no. 4. P. 327–334. <https://doi.org/10.1177/1094670506295853>.
23. Lichtenstein D. R., Burton S., Karson E. J. The effect of semantic cues on consumer perceptions of reference price ads // *Journal of Consumer Research*. 1991. Vol. 18, no. 3. P. 380–391. <https://doi.org/10.1086/209267>.
24. Jones M. A., Mothersbaugh D. L., Beatty S. E. Switching barriers and repurchase intentions in services // *Journal of Retailing*. 2000. Vol. 76, no. 2. P. 259–274. [https://doi.org/10.1016/S0022-4359\(00\)00024-5](https://doi.org/10.1016/S0022-4359(00)00024-5).
25. Третью россиян используют несколько карт с кэшбэком. URL: https://finuslugi.ru/navigator/nakopit-i-sohranit/stat_tret_rossiyan_ispolzuyut_neskolko_kart_s_kehshbekkom (дата обращения: 30.03.2025).
26. Reichheld F. F. The one number you need to grow // *Harvard Business Review*. 2003. Vol. 81, no. 12. P. 46–55.
27. Fornell C., Johnson M. D., Anderson E. W. et al. The American customer satisfaction index: Nature, purpose, and findings // *Journal of Marketing*. 1996. Vol. 60, no. 4. P. 7–18. <https://doi.org/10.2307/1251898>.
28. Farris P. W., Bendle N. T., Pfeifer P. E. et al. *Marketing Metrics: The Definite Guide to Measuring Marketing Performance*. 2nd ed. New Jersey: Pearson Education; 2010. 432 p.
29. Heskett J. L., Sasser Jr. W. E., Schlesinger L. A. *The Service Profit Chain: How Leading Companies Link*
14. Berezka S. M. Loyalty programs: Foreign and Russian experience. *Moscow University Economics Bulletin*. 2016;(5):113–131. <https://doi.org/10.38050/01300105201657>. (In Russ.).
15. Berezka S. M. Capabilities and limitations of customer loyalty programs. *Scientific Researches of Faculty of Economics*. 2012;4(1):180–197. (In Russ.).
16. Banki.ru. URL: <https://www.banki.ru/> (accessed: 30.03.2025). (In Russ.).
17. Cuong L.-V., Nguyen T.-T. Does wage bonus positively impact the economy? *Fulbright Review of Economics and Policy*. 2021;1(1):1–11. <https://doi.org/10.1108/FREP-02-2021-0016>.
18. Almeida F., Scott I. J., Soro J. C. et al. Financial scarcity and cognitive performance: A meta-analysis. *Journal of Economic Psychology*. 2024;101:1–19. <https://doi.org/10.1016/j.joep.2024.102702>.
19. Diacon P.-E., Maha L.-G. The relationship between income, consumption and GDP: A time series, cross-country analysis. *Procedia Economics and Finance*. 2015;(23):1535–1543. [https://doi.org/10.1016/S2212-5671\(15\)00374-3](https://doi.org/10.1016/S2212-5671(15)00374-3).
20. Kizilkan K. From hashtag to cashback: Success determinants in crowdfunders' user behavior. *Revista Galega de Economía*. 2023;32(2). <https://doi.org/10.15304/rge.32.2.8582>.
21. Teplova T. V., Sokolova T. V., Faizulin M. S. et al. Сентимент инвесторов и аномалии в поведении биржевых характеристик инвестиционных активов. Monograph. Moscow: INFRA-M; 2022. 199 p. (In Russ.).
22. Wirtz J., Mattila A. S., Lwin M. O. How effective are loyalty reward programs in driving share of wallet? *Journal of Service Research*. 2007;9(4):327–334. <https://doi.org/10.1177/1094670506295853>.
23. Lichtenstein D. R., Burton S., Karson E. J. The effect of semantic cues on consumer perceptions of reference price ads. *Journal of Consumer Research*. 1991;18(3):380–391. <https://doi.org/10.1086/209267>.
24. Jones M. A., Mothersbaugh D. L., Beatty S. E. Switching barriers and repurchase intentions in services. *Journal of Retailing*. 2000;76(2):259–274. [https://doi.org/10.1016/S0022-4359\(00\)00024-5](https://doi.org/10.1016/S0022-4359(00)00024-5).
25. Третью россиян используют несколько карт с кэшбэком. URL: https://finuslugi.ru/navigator/nakopit-i-sohranit/stat_tret_rossiyan_ispolzuyut_neskolko_kart_s_kehshbekkom (accessed: 30.03.2025). (In Russ.).
26. Reichheld F. F. The one number you need to grow. *Harvard Business Review*. 2003;81(12):46–55.
27. Fornell C., Johnson M. D., Anderson E. W. et al. The American customer satisfaction index: Nature, purpose, and findings. *Journal of Marketing*. 1996;60(4):7–18. <https://doi.org/10.2307/1251898>.
28. Farris P. W., Bendle N. T., Pfeifer P. E. et al. *Marketing Metrics: The Definite Guide to Measuring Marketing Performance*. 2nd ed. New Jersey: Pearson Education; 2010. 432 p.
29. Heskett J. L., Sasser Jr. W. E., Schlesinger L. A. *The Service Profit Chain: How Leading Companies Link*

29. Heskett J. L., Sasser Jr. W. E., Schlesinger L. A. The Service Profit Chain: How Leading Companies Link Profit and Growth to Loyalty, Satisfaction and Value. New York : Free Press, 1997. 320 p.
30. Abraham J. Getting Everything You Can Out of All You've Got: 21 Ways You Can Out-Think, Out-Perform, and Out-Earn the Competition. New York : St. Martin's Press, 2000. 384 p.
31. Gitomer J. Little Red Book of Selling: 12.5 Principles of Sales Greatness: How to Make Sales Forever. New York : Bard Press, 2004. 219 p.
32. McMullan R., Gilmore A. Customer loyalty: An empirical study // *European Journal of Marketing*. 2008;42:1084–1094. <https://doi.org/10.1108/03090560810891154>.
33. Статистические показатели банковского сектора Российской Федерации. URL: https://www.cbr.ru/statistics/bank_sector/review/ (дата обращения: 30.03.2025).
34. Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 30.03.2025).
35. Московская биржа. URL: <https://www.moex.com/> (дата обращения: 30.03.2025).
36. Исследования. URL: <https://frankrg.com/research> (дата обращения: 30.03.2025).
- Profit and Growth to Loyalty, Satisfaction and Value. New York: Free Press; 1997. 320 p.
30. Abraham J. Getting Everything You Can Out of All You've Got: 21 Ways You Can Out-Think, Out-Perform, and Out-Earn the Competition. New York: St. Martin's Press; 2000. 384 p.
31. Gitomer J. Little Red Book of Selling: 12.5 Principles of Sales Greatness: How to Make Sales Forever. New York: Bard Press; 2004. 219 p.
32. McMullan R., Gilmore A. Customer loyalty: An empirical study. *European Journal of Marketing*. 2008;42:1084–1094. <https://doi.org/10.1108/03090560810891154>.
33. Statisticheskie pokazateli bankovskogo sektora Rossiyskoy Federatsii. URL: https://www.cbr.ru/statistics/bank_sector/review/ (accessed: 30.03.2025). (In Russ.).
34. Federalnaya sluzhba gosudarstvennoy statistiki. URL: <https://rosstat.gov.ru/> (accessed: 30.03.2025). (In Russ.).
35. Moskovskaya birzha. URL: <https://www.moex.com/> (accessed: 30.03.2025). (In Russ.).
36. Issledovaniya. URL: <https://frankrg.com/research> (accessed: 30.03.2025). (In Russ.).

Информация об авторах

Н. В. Лебедев – кандидат экономических наук, доцент;

fiep221@yandex.ru

В. В. Вихарев – старший преподаватель;

<https://orcid.org/0000-0002-7797-5282>,

vvvikharev@fa.ru

В. В. Михайлов – магистрант;

<https://orcid.org/0009-0005-9654-265X>,

vladmihailov0000@gmail.com

Л. Н. Сандаров – магистрант;

<https://orcid.org/0009-0000-4069-6661>,

levsandarov8@gmail.com

About the authors

N. V. Lebedev – Candidate of Sciences (Economics), Docent;

fiep221@yandex.ru

V. V. Vikharev – Senior Lecturer;

<https://orcid.org/0000-0002-7797-5282>,

vvvikharev@fa.ru

V. V. Mikhailov – Master's Degree Student;

<https://orcid.org/0009-0005-9654-265X>,

vladmihailov0000@gmail.com

L. N. Sandarov – Master's Degree Student;

<https://orcid.org/0009-0000-4069-6661>,

levsandarov8@gmail.com

Научная статья

УДК 351/354.07:004(470+571)

<https://doi.org/10.35266/2949-3455-2026-2-6>

Региональная специфика цифровизации: проблемы и перспективы развития онлайн-государственных услуг

Лариса Владимировна Московцева^{1✉}, Елена Евгеньевна Кукина²,
Илья Евгеньевич Покаместов³, Светлана Александровна Труфанова⁴

¹Липецкий филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Липецк, Россия

²Липецкий филиал Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Липецк, Россия

³Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия

⁴Московский университет «Синергия», Москва, Россия

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена необходимостью выявления причин сохраняющегося регионального цифрового разрыва в сфере онлайн-государственных услуг в условиях формально высоких показателей цифрового развития и ограниченной эффективности инфраструктурно-ориентированных мер цифровой политики. Цель исследования состоит в выявлении региональной специфики цифровизации федеральных округов Российской Федерации на основе оценки структурной согласованности компонентов цифрового потенциала и анализа их влияния на интенсивность использования онлайн-государственных услуг. Задачи исследования состоят в изучении структурной согласованности факторов цифровизации федеральных округов России и разработке методики проведения межрегионального сравнительного анализа; обосновании критериев типологизации регионов; определении направлений усилий на уровне региональных стратегий для повышения результативности цифровых государственных услуг и преодоления существующих межрегиональных диспропорций. В работе использованы методы межрегионального сравнительного анализа, статистической оценки структурной асимметрии цифровых компонентов и типологизации регионов на основе официальных данных Росстата. Установлено, что высокий уровень развития отдельных компонентов цифрового потенциала не гарантирует высокой результативности использования онлайн-государственных услуг при наличии структурных дисбалансов между ними. Федеральные округа с более согласованным развитием цифровой инфраструктуры, человеческого капитала и цифровизации бизнеса характеризуются более высокой долей населения, использующего электронные государственные услуги, тогда как округа с выраженной асимметрией цифрового потенциала демонстрируют более низкие значения результативного показателя. Предложена типологизация федеральных округов Российской Федерации и сформулированы дифференцированные рекомендации по реализации государственной политики цифрового развития. Сделан вывод о необходимости перехода к адресной политике, ориентированной на устранение структурных цифровых разрывов и синхронизацию компонентов цифровой трансформации на региональном уровне.

Ключевые слова: цифровизация, регион, региональное развитие, цифровой разрыв, онлайн-услуги, государственные услуги, социальная сфера, сбалансированность, устойчивость

Для цитирования: Московцева Л. В., Кукина Е. Е., Покаместов И. Е., Труфанова С. А. Региональная специфика цифровизации: проблемы и перспективы развития онлайн-государственных услуг // Вестник Сургутского государственного университета. 2026. Т. 14, № 2. С. 71–83. <https://doi.org/10.35266/2949-3455-2026-2-6>.

Original article

Regional specifics of digitalization: Problems and prospects for development of online public services

Larisa V. Moskovtceva^{1✉}, Elena E. Kukina², Ilya E. Pokamestov³, Svetlana A. Trufanova⁴

¹Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Lipetsk Branch, Lipetsk, Russia

²Financial University under the Government of the Russian Federation, Lipetsk Branch, Lipetsk, Russia

³Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

⁴Moscow University of Industry and Finance “Synergy”, Moscow, Russia

Abstract. The relevance of the study is driven by the need to identify the underlying causes of persistent regional digital divides in the provision of online public services, despite formally high levels of digital development and the limited effectiveness of infrastructure-centered digital policy measures. To understand how digitalization differs regionally within Russia’s Federal Districts, this study aims to evaluate the structural consistency of digital potential elements and their influence on the adoption of online public services. The research objectives include assessing the structural coherence of key digitalization factors across Russian Federal Districts and developing a framework for comparative interregional analysis; substantiating criteria for regional typology; and identifying priority policy directions for regional strategies to improve the performance of digital public services and mitigate existing spatial imbalances. The study employs interregional comparative analysis, statistical assessment of structural asymmetry among digital components, and regional typology methods based on official data provided by the Federal State Statistics Service of the Russian Federation. Greater effectiveness in using online public services is not guaranteed by high levels of individual digital potential components if structural imbalances between them remain, the findings show. Federal Districts characterized by more coordinated development of digital infrastructure, human capital, and business digitalization exhibit higher levels of public uptake of electronic government services, whereas Districts with pronounced asymmetries in digital potential display lower performance outcomes. A classification of Russian Federal Districts is presented, accompanied by corresponding policy suggestions for enacting digital advancement strategies. The study concludes that improving the effectiveness of digital public services requires a shift toward a targeted policy approach focused on eliminating structural digital gaps and synchronizing the components of digital transformation at the regional level.

Keywords: digitalization, region, regional development, digital divide, online services, public services, social sphere, balance, sustainability

For citation: Moskovtceva L. V., Kukina E. E., Pokamestov I. E., Trufanova S. A. Regional specifics of digitalization: Problems and prospects for development of online public services. *Surgut State University Journal*. 2026;14(2):71–83. <https://doi.org/10.35266/2949-3455-2026-2-6>.

ВВЕДЕНИЕ

В последние десятилетия развитие регионов Российской Федерации все в большей степени определяется процессами цифровой трансформации, охватывающими экономику, систему государственного управления и социальную сферу [1–3]. Информационно-коммуникационные технологии становятся важнейшим фактором территориальной конкурентоспособности, повышения качества жизни населения и эффективности функционирования публичных

институтов. В этих условиях цифровизация регионов рассматривается не только как технологический процесс, но и как инструмент обеспечения устойчивого и сбалансированного социально-экономического развития территорий [4, 5].

Цифровая трансформация регионов носит комплексный характер и включает развитие инфраструктуры связи, формирование цифровых навыков населения, внедрение цифровых решений в деятельность бизнеса, а также

расширение доступности и качества цифровых государственных услуг [6]. Одним из ключевых направлений цифровой трансформации регионов является развитие онлайн-государственных услуг как базового механизма взаимодействия граждан и бизнеса с органами власти. Переход государственных услуг в цифровую форму способствует повышению их доступности, прозрачности и административной эффективности, а также служит индикатором зрелости региональных систем цифрового управления [2, 7]. Согласно данным Росстата, доля населения, использующего сеть Интернет для получения государственных и муниципальных услуг, в 2024 г. превысила 77 %, демонстрируя устойчивую положительную динамику (за последние 10 лет увеличение более чем в 7,3 раза) [8]. Вместе с тем данные показатели существенно варьируются между регионами, что указывает на наличие выраженного регионального цифрового разрыва (значения показателя «Доля организаций, использующих сеть Интернет для получения государственных и муниципальных услуг», представленного Росстат, не добавлены в данный раздел статьи по двум причинам: 1) открытые данные Росстат доступны только за период 2020–2022 гг.; 2) значения показателя не подтверждают утверждение об устойчивой положительной динамике: 2020 – 66,9 %, 2021 – 67,7 %, 2022 – 66,8 %). Мы можем добавить данные сборника «Цифровая экономика» Высшей школы экономики (ВШЭ), используя формулировку: «По данным ВШЭ, доля организаций, использующих сеть Интернет для получения государственных и муниципальных услуг полностью в электронной форме, увеличилась с 39,7 % в 2015 г. до 56,9 % в 2023 г., что соответствует приросту на 17,2 процентных пункта (рост на 43,3 %). За 2020–2023 гг. показатель вырос на 9,0 п.п., что подтверждает наличие устойчивой положительной динамики цифровизации взаимодействия организаций с государством» [9].

Межрегиональная дифференциация в использовании онлайн-государственных услуг обусловлена совокупностью факторов, вклю-

чая уровень социально-экономического развития, качество инфраструктуры, цифровую грамотность населения и степень цифровизации бизнеса [1, 3, 10]. Однако наличие формально высоких показателей цифрового развития не всегда сопровождается активным использованием цифровых сервисов. Это позволяет предположить, что региональный цифровой разрыв формируется не столько вследствие абсолютного отставания отдельных территорий, сколько в результате несогласованного развития ключевых компонентов цифровой трансформации. Несинхронное развитие инфраструктуры, человеческого капитала и цифровых сервисов способно снижать отдачу от цифровых инвестиций и формировать устойчивые диспропорции в использовании цифровых возможностей.

В этой связи возрастает актуальность сопоставительного межрегионального анализа, ориентированного не только на выявление цифровых лидеров и аутсайдеров, но и на анализ структурных дисбалансов цифрового развития. Такой подход позволяет выявить причины различий в эффективности использования онлайн-государственных услуг и определить направления совершенствования региональной политики цифрового развития с учетом необходимости синхронизации доступа, навыков, цифровых услуг и цифровизации бизнеса.

Цель исследования – выявление региональной специфики цифровизации федеральных округов Российской Федерации на основе оценки структурной согласованности компонентов цифрового потенциала и анализа их влияния на интенсивность использования онлайн-государственных услуг.

Задачи исследования состоят в изучении структурной согласованности факторов цифровизации федеральных округов России и разработке методики проведения межрегионального сравнительного анализа; обосновании критериев типологизации регионов; определении направлений усилий на уровне региональных стратегий для повышения результативности онлайн-государственных услуг и преодоления существующих межрегиональных диспропорций.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Цифровое развитие территорий рассматривается в современной региональной экономике как один из ключевых факторов устойчивого роста и конкурентоспособности территориальных образований [11, 12]. Согласно исследованиям, цифровая трансформация влияет на экономическую структуру регионов, уровень инновационной активности, качество инфраструктуры и социальные условия, а также становится драйвером модернизации экономики и повышения эффективности управления [13, 14]. Анализ регионального цифрового развития показывает, что, несмотря на общее расширение доступа к цифровым технологиям, межрегиональные различия остаются значительными, отдельные субъекты Федерации устойчиво опережают другие по ключевым цифровым индикаторам, таким как доступность интернета, уровень цифровой грамотности и проникновение цифровых сервисов. Эти различия отражают не только экономические и технологические диспропорции, но и особенности социальной структуры, профиля экономической деятельности и исторически сложившихся условий развития регионов [15, 16].

Существующая теоретическая база подчеркивает, что цифровой разрыв является многомерным явлением, включающим инфраструктурные, человеческие и институциональные компоненты [17–21]. Однако значительная часть исследований либо измеряет разрыв в узком техническом смысле (доступ к интернету), либо изучает отдельные аспекты (например, навыки или восприятие электронного правительства), без комплексной проверки согласованности развития цифровых компонентов и их влияния на использование электронных государственных услуг.

Межрегиональная дифференциация цифрового развития объясняется совокупностью факторов. На инфраструктурном уровне различия формируются скоростью внедрения современных телекоммуникационных сетей и доступом к широкополосному интернету, что является базисом цифровой активности населения и организаций. На уровне развития

человеческого потенциала важны развитие цифровой грамотности и цифровых навыков, а также готовность населения использовать цифровые инструменты. В институциональном плане значимыми факторами являются организационная готовность государственных структур, качество цифровых платформ и сервисов, а также способность бизнеса интегрировать цифровые технологии в процессы взаимодействия с государством и рынком. Это согласуется с концепцией цифрового неравенства, когда различия проявляются не только в наличии технологий, но и в возможностях для их использования и получения от них социальных и экономических выгод [22].

Государственная политика в области цифрового развития направлена на преодоление цифровых разрывов и обеспечение равного доступа к цифровым ресурсам и сервисам, однако их устранение требует не только инфраструктурных инвестиций, но и синхронизации усилий на всех уровнях – от федерального до местного, а также адресного подхода с учетом специфики региональных контекстов [23, 24]. Таким образом, государственная политика в сфере цифровизации видится не только набором технологических решений, но и стратегией устранения дисбалансов, которые препятствуют равномерному включению всех регионов в цифровую экономику и цифровое общество.

Данное исследование расширяет теорию цифрового разрыва, рассматривая его влияние не только через призму отдельных показателей, но и через координацию развития ключевых компонентов цифровой трансформации, что позволяет объяснить, почему регионы с формально высокими показателями развития могут демонстрировать низкую эффективность использования цифровых государственных услуг.

Гипотеза исследования. Региональный цифровой разрыв в сфере онлайн-государственных услуг формируется не столько из-за абсолютного отставания регионов по отдельным показателям цифровизации, сколько вследствие несогласованного (несинхронного) развития ключевых компонентов цифровой

трансформации: доступа к цифровой инфраструктуре, цифровых навыков населения, доступности цифровых государственных услуг и уровня цифровизации бизнеса, что снижает эффективность использования цифровых сервисов даже в регионах с формально высокими показателями цифрового развития.

В силу ограниченности региональной статистики для реализации настоящего исследования применяется метод анализа расхождений между цифровым потенциалом регионов и результатами его реализации в сфере онлайн-государственных услуг.

Теоретической основой метода является предположение о системном характере цифровой трансформации, согласно которому эффективность использования цифровых сервисов определяется не столько абсолютным уровнем развития отдельных компонентов, сколько степенью их согласованности.

Цифровой потенциал региона отражает совокупность показателей, в том числе:

- 1) доступ населения к цифровой инфраструктуре;
- 2) уровень цифровой грамотности населения;
- 3) цифровизацию бизнеса.

Фактический результат цифровой трансформации измеряется показателем интенсивности использования онлайн-государственных услуг населением.

Для обеспечения сопоставимости исходных показателей используется процедура нормирования без их агрегирования в интегральный индекс. Это позволяет анализировать вклад каждого компонента цифрового потенциала и выявлять внутрисистемные дисбалансы.

На следующем этапе проводится типологизация регионов по сочетанию уровней развития отдельных компонентов цифрового потенциала, в том числе выделяются регионы с выраженной асимметрией между инфраструктурными, человеческими и институциональными факторами цифровизации.

Эмпирическая проверка гипотезы осуществляется путем сопоставления показателей фактического использования онлайн-государственных услуг между группами регионов

с различной степенью согласованности развития цифрового потенциала.

Устойчиво более низкие значения использования цифровых государственных услуг в регионах с несинхронным развитием компонентов интерпретируются как эмпирическое подтверждение гипотезы о структурной природе регионального цифрового разрыва.

Научная новизна исследования состоит в смещении акцента с оценки отдельных факторов цифровизации на анализ их структурной согласованности, что позволяет рассматривать региональный цифровой разрыв как результат несбалансированного развития доступа, цифровой грамотности и цифровизации бизнеса, а не только как следствие инфраструктурного отставания.

Информационной базой исследования являются статистические данные Росстата, результаты Цифрового диктанта по федеральным округам, а также отдельные результаты опросных исследований.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Под потенциалом цифровизации понимается совокупность инфраструктурных, человеческих и институциональных условий, созданных в регионе в результате реализации политики цифрового развития.

Результат цифровизации – это фактическая интенсивность использования цифровых государственных услуг.

В настоящем исследовании для оценки потенциала цифровизации региона, то есть условий для использования онлайн-государственных услуг, используются следующие показатели:

– X_1 – доля домохозяйств, имеющих доступ к сети Интернет, показатель, который отражает физическую возможность использования онлайн-услуг и не зависит от мотивации и навыков;

– X_2 – цифровая грамотность населения – оценивается по данным ежегодно проводимого всероссийского Цифрового диктанта, результаты которого включают средний балл цифровой грамотности населения (оценка цифровых навыков) по федеральным округам, что фактически является показателем цифровых навыков работающего населения;

нормализация производится методом линейного масштабирования [25];

– X_3 – доля организаций, использовавших электронный обмен данными между своими и внешними информационными системами по форматам обмена, в общем числе обследованных организаций; доступный статистический показатель, отражающий уровень цифровизации бизнеса.

Результат цифровизации, то есть фактическое использование созданных условий, отражает показатель Y – доля населения, использовавшего интернет для получения государственных услуг.

Исходные данные для проведения анализа представлены в табл. 1.

Расчет показателя несинхронности цифровых компонентов как размаха (D) производится по формуле 1:

$$D = \max(X_1, X_2, X_3) - \min(X_1, X_2, X_3). \quad (1)$$

Для определения стандартного отклонения σ используется формула 2:

$$\sigma = \sqrt{\frac{1}{N} \sum_{i=1}^N (X_i - X)^2}. \quad (2)$$

Полученные результаты расчетов представлены в табл. 2.

Таблица 1

Исходные данные для оценки потенциала цифровизации регионов (федеральных округов Российской Федерации) и ее результатов

Показатель	Федеральный округ							
	Центральный	Северо-Западный	Приволжский	Уральский	Южный	Северо-Кавказский	Сибирский	Дальневосточный
Доля домашних хозяйств, имеющих доступ к сети Интернет, в общем числе домашних хозяйств, %, 2024 (X_1)	91,6	88,7	89,7	89,6	91,7	91,2	88,8	91,9
Средний балл цифровой грамотности, 2024 (X_2)	6,83	6,8	6,67	6,69	6,48	5,97	6,45	6,22
Доля организаций, использовавших электронный обмен данными между своими и внешними информационными системами по форматам обмена, в общем числе обследованных организаций, %, 2024 (X_3)	44,9	46,2	45,4	46,6	42,1	37,3	48,6	44,5
Доля населения, использовавшего интернет для получения государственных услуг, %, 2024 (Y)	87,0	53,8	84,3	78,9	82,3	63,8	69,5	64,4

Примечание: составлено авторами по данным Росстата [8].

Таблица 2

Расчет показателя несинхронности цифровых компонентов и стандартного отклонения

Федеральный округ	X ₁	X ₂	X ₃	D	σ	Y
Центральный	91,6	68,3	44,9	46,7	19,07	87,0
Северо-Западный	88,7	68,0	46,2	42,5	17,35	53,8
Приволжский	89,7	66,7	45,4	44,3	18,09	84,3
Уральский	89,6	66,9	46,6	43,0	17,56	78,9
Южный	91,7	64,8	42,1	49,6	20,27	82,3
Северо-Кавказский	91,2	59,7	37,3	53,9	22,11	63,8
Сибирский	88,8	64,5	48,6	40,2	16,53	69,5
Дальневосточный	91,9	62,2	44,5	47,4	19,56	64,4

Примечание: составлено авторами.

Показатели размаха (D) и стандартного отклонения (σ) используются для оценки степени несогласованности развития компонентов цифровой трансформации в федеральных округах.

Высокие значения D и σ свидетельствуют о наличии структурных дисбалансов между доступом к цифровой инфраструктуре, уровнем цифровых навыков населения и цифровизацией бизнеса, что сопровождается более низкой долей населения, фактически использующего онлайн-государственные услуги.

Данные табл. 2 показывают, что D в диапазоне 40–43, отражающий относительно согласованное развитие различных компонентов, характерен для Северо-Западного федерального округа (СЗФО), Уральского федерального округа (УФО) и Сибирского федерального округа (СФО). Высокое значение размаха D (48–54) наблюдается в Центральном федеральном округе (ЦФО), Приволжском федеральном округе (ПФО), Южном федеральном округе (ЮФО), Северо-Западном федеральном округе (СКФО), Дальневосточном федеральном округе (ДФО), что подчеркивает отставание отдельных компонентов и формирование структурного цифрового разрыва.

Например, в СФО (D = 40,2) заметен наименьший размах переменных, то есть компоненты цифровизации относительно сбалансированы. Y = 69,5 при умеренных значениях X (использовании интернета, цифровой грамотности и цифровизации бизнеса).

В СКФО (D = 53,9) наблюдается крайне высокий разрыв: высокая доступность интернета при низкой цифровизации бизнеса и низком уровне развития цифровой грамотности населения. Результат Y = 63,8 свидетельствует о низком использовании преимуществ цифровизации.

Выводы, полученные на основе анализа показателя несинхронности цифровых компонентов (D), подтверждаются результатами расчета стандартного отклонения σ, оно минимально в СФО (16,53), СЗФО (17,35) и УФО (17,56).

Анализ показателей цифровизации федеральных округов Российской Федерации показывает, что высокий уровень развития цифровой инфраструктуры и цифровизация бизнеса не гарантируют высокой доли населения, использующего онлайн-государственные услуги, если наблюдается несинхронность компонентов цифровой трансформации. Чем выше структурный разрыв между компонентами X₁–X₂–X₃, тем ниже фактическое использование цифровых сервисов (Y).

Типологизация регионов проводится на основе учета уровней отдельных компонентов: инфраструктурного фактора (доступ к сети Интернет), человеческого капитала (цифровая грамотность), институционально-экономического фактора (цифровизация бизнеса); показателей несогласованности (структурного разрыва, общей степени асимметрии), а также результативного показателя, характеризующего фактическое использование онлайн-государственных услуг населением.

Другими словами, критерием типологизации выступает не абсолютный уровень цифрового развития, а характер сочетания и согласованности компонентов (табл. 3).

Универсальные меры политики цифрового развития оказываются недостаточно эффективными в условиях высокой региональной неоднородности. Повышение результативности цифровых государственных услуг требует дифференцированного подхода, ориентированного на характер сочетания инфраструктурных, человеческих и институциональных факторов цифровизации в регионах.

Для регионов типа I (ЦФО, ПФО, УФО) государственная политика должна быть направлена на обеспечение перехода от количественных показателей цифровизации к повышению эффективности и ценности цифровых услуг путем:

- смещения фокуса политики от расширения доступа к повышению качества и проактивности цифровых государственных услуг

к развитию жизненных ситуаций и сквозных сервисов, интеграции ведомственных информационных систем;

- развития пользовательского опыта и персонализации электронных государственных услуг;

- поддержки цифровых экосистем, вовлекающих бизнес и граждан (в том числе использование данных бизнеса в предоставлении услуг, развитие государственно-частных цифровых платформ) [26];

- запуска пилотных инновационных решений на основе технологий искусственного интеллекта, предиктивной аналитики с последующим масштабированием в другие регионы.

Для регионов типа II (ЮФО, СКФО, ДФО) целью реализуемой политики будет являться устранение структурных разрывов и формирование системного цифрового спроса путем:

- приоритетного развития цифровых навыков населения через реализацию региональных программ цифровой грамотности, целевой работы с социально уязвимыми группами;

Таблица 3

Типологизация федеральных округов Российской Федерации по сочетанию компонентов цифрового потенциала

Тип	Федеральные округа	Характер сочетания компонентов цифрового потенциала	Уровень асимметрии (D, σ)	Результативность (Y)	Ключевая проблема
I. Сравнительно сбалансированные округа с высокой результативностью	ЦФО, ПФО, УФО	Высокая доступность интернет-инфраструктуры сочетается с относительно развитым уровнем цифровой грамотности населения и цифровизации бизнеса	Умеренная асимметрия: D $\in$ [43; 47] $\sigma \in$ [17; 19]	Высокая Y > 78	Риск истощения экстенсивного роста и замедления эффектов цифровизации
II. Округа с выраженной асимметрией цифрового потенциала	ЮФО, СКФО, ДФО	Инфраструктурная обеспеченность существенно опережает развитие цифровых навыков населения и институционально-экономических факторов цифровизации	Высокая асимметрия: D $\in$ [47; 54] $\sigma \in$ [20; 22]	Средняя или низкая Y $\in$ [64; 82]	Снижение фактического использования цифровых сервисов
III. Округа с умеренно развитым и относительно согласованным цифровым потенциалом	СФО, частично СЗФО	Отсутствие выраженных провалов между компонентами при общем среднем уровне цифрового развития	Низкая асимметрия: D $\in$ [40; 43] $\sigma \in$ [16; 17]	Средняя Y $\in$ [54; 70]	Низкий уровень цифрового развития

Примечание: составлено авторами на основании собственных расчетов.

– стимулирования цифровизации бизнеса, особенно малого и среднего, включая субсидирование внедрения цифровых платформ, упрощение регуляторных требований к цифровым процессам;

– адаптации интерфейсов государственных услуг под уровень цифровых компетенций (упрощенные сценарии, офлайн-онлайн гибридные модели предоставления услуг);

– синхронизации региональных программ цифровизации в части увязки инфраструктурных проектов с кадровыми и институциональными мерами, координации ведомств в рамках единой региональной цифровой стратегии.

Для регионов типа III (СФО, частично СЗФО) государственная политика должна быть ориентирована на достижение критической массы цифрового потенциала без формирования новых асимметрий путем:

– реализации мер по комплексному наращиванию цифрового потенциала, включая параллельное развитие инфраструктуры, навыков и цифровизации бизнеса, отказ от точечных, несвязанных мер;

– тиражирования лучших практик из регионов типа I (типовые цифровые решения, федеральные методические пакеты);

– поддержки межрегионального сотрудничества, включая участие в федеральных цифровых проектах, использование центров компетенций других регионов;

– обеспечения базовой доступности и вовлечения населения (повышение информированности о цифровых услугах, развитие многофункциональных каналов доступа).

Ограничения исследования. Несмотря на полученные результаты, настоящее исследование имеет ряд ограничений, которые следует учитывать при интерпретации выводов.

Во-первых, информационная база исследования ограничена набором доступных показателей региональной статистики. В официальной статистике отсутствуют прямые индикаторы, характеризующие цифровую зрелость и полноту предоставления государственных и муниципальных услуг в элек-

тронной форме (например, доля услуг, полностью доступных онлайн, уровень межведомственной интеграции, степень проактивности сервисов), что может снижать точность измерения соответствующих аспектов цифровой трансформации.

Во-вторых, оценка цифровых навыков населения и цифровизации бизнеса основана на агрегированных показателях, которые не отражают внутрирегиональную неоднородность. Используемые данные характеризуют средние значения по федеральным округам и не позволяют учитывать различия между отдельными субъектами Российской Федерации, а также различия между социально-демографическими группами населения и секторами экономики.

В-третьих, исследование носит преимущественно статический характер и основано на данных за один временной период. Это ограничивает возможности анализа причинно-следственных связей и не позволяет в полной мере оценить динамику согласованности компонентов цифровой трансформации во времени. Расширение временного горизонта анализа могло бы позволить выявить устойчивые тренды и лаговые эффекты влияния цифрового потенциала на использование онлайн-государственных услуг.

Расширение системы статистического наблюдения за цифровыми процессами на региональном уровне, включая показатели качества и зрелости цифровых государственных услуг, могло бы существенно повысить аналитическую ценность подобных исследований.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование подтвердило выдвинутую гипотезу о том, что региональный цифровой разрыв в сфере онлайн-государственных услуг определяется не столько абсолютными уровнями отдельных показателей цифрового развития, сколько степенью согласованности (синхронности) развития инфраструктурного, человеческого и институционально-экономического компонентов цифровой трансформации.

На основе данных по федеральным округам Российской Федерации показано, что даже при высоком уровне доступа к сети Интернет и формально развитой цифровой инфраструктуре низкая цифровая грамотность населения и отставание цифровизации бизнеса существенно ограничивают фактическое использование онлайн-государственных услуг. Использование показателей размаха (D) и стандартного отклонения (σ) позволило количественно зафиксировать наличие структурных дисбалансов цифрового потенциала, которые напрямую связаны со снижением результативности цифровых сервисов (Y).

Результаты анализа свидетельствуют о том, что минимальные значения D и σ , характеризующие относительно согласованное развитие компонентов цифровизации, наблюдаются в округах со средними, но сбалансированными значениями цифрового потенциала (СФО, частично СЗФО), тогда как высокая асимметрия цифрового развития (ЮФО, СКФО, ДФО) сопровождается более низкой долей населения, использующего онлайн-государственные услуги, несмотря на высокую инфраструктурную обеспеченность. Это подтверждает тезис о том, что цифровая трансформация носит системный характер и требует согласованного развития всех ее элементов.

Список источников

1. Хашир Б. О., Алехина О. Ф., Смылова О. Ю. и др. Региональные хозяйственные системы и риски современности : моногр. М. : Русайнс, 2023. 255 с.
2. Karpunina E. K., Zabelina O. V., Lupacheva S. V. et al. Assessment of interregional divides in digital development as a basis for the policy of overcoming Russia's digital lag // *International Journal of Technology Policy & Management*. 2023. Vol. 23, no. 2. P. 148–169. <https://doi.org/10.1504/IJTPM.2023.131373>.
3. Fraymovich D. Y., Konovalova M. E., Roshchektaeva U. Y. et al. Designing mechanisms for ensuring the economic security of regions: Countering the challenges of instability // *Towards an Increased Security: Green Innovations, Intellectual Property Protection and Information Security* / E. G. Popkova, A. A. Polukhin, J. V. Ragulina, eds. Cham : Springer, 2022. Vol. 372. P. 569–581.
4. Пилипчук Н. В., Гагина Э. А., Окунькова Е. А. и др. Цифровая трансформация экономики и общества: новые вызовы, ценности, модели : моногр. М. : Русайнс, 2025. 219 с.

Полученные результаты показывают, что повышение эффективности онлайн-государственных услуг возможно лишь при переходе от инфраструктурно-ориентированной логики к дифференцированной политике, учитывающей специфику региональных цифровых профилей и характер структурных разрывов.

Практическая значимость исследования заключается в обосновании необходимости адресного и типологически ориентированного подхода к реализации государственной политики цифровой трансформации, предполагающего синхронизацию инфраструктурных, кадровых и институциональных мер. Теоретический вклад работы состоит в развитии представлений о цифровом разрыве как многомерном и динамическом явлении, где ключевым фактором становится не уровень цифрового развития как таковой, а согласованность его структурных компонентов.

Полученные выводы могут быть использованы при разработке и корректировке федеральных и региональных программ цифрового развития, а также служить основой для дальнейших эмпирических исследований, направленных на углубленный анализ механизмов формирования и преодоления региональных цифровых разрывов.

References

1. Khashir B. O., Alekhina O. F., Smyslova O. Yu. et al. Regionalnye khozyaystvennyye sistemy i riski sovremennosti. Monograph. Moscow: Rusayns; 2023. 255 p. (In Russ.).
2. Karpunina E. K., Zabelina O. V., Lupacheva S. V. et al. Assessment of interregional divides in digital development as a basis for the policy of overcoming Russia's digital lag. *International Journal of Technology Policy & Management*. 2023;23(2):148–169. <https://doi.org/10.1504/IJTPM.2023.131373>.
3. Fraymovich D. Y., Konovalova M. E., Roshchektaeva U. Y. et al. Designing mechanisms for ensuring the economic security of regions: Countering the challenges of instability. In: E. G. Popkova, A. A. Polukhin, J. V. Ragulina, eds. *Towards an Increased Security: Green Innovations, Intellectual Property Protection and Information Security*. Cham: Springer; 2022. Vol. 372. p. 569–581.
4. Pilipchuk N. V., Gatina E. A., Okunkova E. A. et al. Tsifrovaya transformatsiya ekonomiki i obshchestva: novye vyzovy, tsennosti, modeli. Monograph. Moscow: Rusayns; 2025. 219 p. (In Russ.).

5. Хашир Б. О., Московцева Л. В., Корякина Т. В. и др. Управление рисками экономической безопасности хозяйственных систем // Вестник Сургутского государственного университета. 2024. Т. 12, № 1. С. 74–84. <https://doi.org/10.35266/2949-3455-2024-1-7>.
6. Московцева Л. В., Окунькова Е. А., Королук Е. В. и др. Цифровые инновации в системе государственного управления // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2024. Т. 14, № 1. С. 34–47. <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2024-14-1-34-47>.
7. Карпунина Е. К., Карпунин Д. В., Алехина О. Ф. и др. Современные подходы к обеспечению экономической безопасности государства и регионов в эру неопределенности : моногр. М. : Русайнс, 2022. 306 с.
8. Информационное общество России 2024 // Федеральная служба государственной статистики : офиц. сайт. URL: <https://www.rosstat.gov.ru/statistics/infocommunity> (дата обращения: 09.01.2026).
9. Абашкин В. Л., Абдрахманова Г. И., Вишнеvский К. О. и др. Индикаторы цифровой экономики: 2025 : стат. сб. М. : ИСИЭЗ ВШЭ, 2025. 296 с.
10. Карпунина Е. К., Плюснина О. В. Трансформация экономических отношений в процессе цифрового развития хозяйственных систем: предпосылки, перспективы, ограничения // Друкеровский вестник. 2023. № 2. С. 20–32. <https://doi.org/10.17213/2312-6469-2023-2-20-32>.
11. Галиева Г. Ф., Шлеенко А. В., Губернаторова Н. Н. и др. Диагностика проблем экономической безопасности регионов в период кризиса // Вестник Сургутского государственного университета. 2024. Т. 12, № 1. С. 12–26. <https://doi.org/10.35266/2949-3455-2024-1-2>.
12. Пилипчук Н. В., Королук Е. В., Фаррахова Ф. Ф. и др. Особенности развития российских регионов в период пандемии и постковидного восстановления // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Экономика и менеджмент. 2023. Т. 17, № 2. С. 65–78. <https://doi.org/10.14529/em230205>.
13. Samara E., Andronikidis A., Komninos N. The role of digital technologies for regional development: A system dynamics analysis // Journal of the Knowledge Economy. 2023. Vol. 14. P. 2215–2237.
14. Пирогова Л. В. Оценка уровня цифровизации регионов: методические и практические аспекты // Современная экономика: проблемы и решения. 2025. № 4. С. 35–52. <https://doi.org/10.17308/meps/2078-9017/2025/4/35-52>.
15. Bychkova N. P., Tavbulatova Z. K., Ruzhanskaya N. V. et al. Digital readiness of Russian regions // Proceedings of the 36th IBIMA Conference, November 4–5, 2020, Granada, Spain. Spain, 2020. P. 2442–2460.
16. Mejokh Z., Korolyuk E., Sozaeva D. et al. Economic security of Russian regions: Risk factors and consequences of the COVID-19 pandemic. In: Proceedings of the 36th IBIMA Conference, November 4–5, 2020, Granada, Spain. Spain; 2020. p. 8197–8205.
5. Khashir B. O., Moskovtseva L. V., Koryakina T. V. et al. Economic security risks management of business systems. *Surgut State University Journal*. 2024;12(1):74–84. <https://doi.org/10.35266/2949-3455-2024-1-7>. (In Russ.).
6. Moskovtseva L. V., Okunkova E. A., Korolyuk E. V. et al. Digital Innovations in the System of Public Administration. *Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics. Sociology. Management*. 2024;14(1):34–47. <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2024-14-1-34-47>. (In Russ.).
7. Karpunina E. K., Karpunin D. V., Alekhina O. F. et al. Sovremennye podkhody k obespecheniyu ekonomicheskoy bezopasnosti gosudarstva i regionov v eru neopredelennosti. Monograph. Moscow: Rusayns; 2022. 306 p. (In Russ.).
8. Informatsionnoe obshchestvo Rossii 2024. Federalnaya sluzhba gosudarstvennoy statistiki. URL: <https://www.rosstat.gov.ru/statistics/infocommunity> (accessed: 09.01.2026). (In Russ.).
9. Abashkin V. L., Abdrakhmanova G. I., Vishnevskiy K. O. et al. Indikatory tsifrovoy ekonomiki: 2025. Statistics. Moscow: HSE ISSEK; 2025. 296 p. (In Russ.).
10. Karpunina E. K., Plyusnina O. V. Transformation of economic relations in the process of digital development of economic systems: Prerequisites, prospects, limitations. *Drukerovskij vestnik*. 2023;(2): 20–32. <https://doi.org/10.17213/2312-6469-2023-2-20-32>. (In Russ.).
11. Galieva G. F., Shleenko A. V., Gubernatorova N. N. et al. Evaluating issues of the regions' economic security in a crisis. *Surgut State University Journal*. 2024;12(1):12–26. <https://doi.org/10.35266/2949-3455-2024-1-2>. (In Russ.).
12. Pilipchuk N. V., Korolyuk E. V., Farrakhova F. F. et al. Specifics of development of Russian regions during the pandemic and post-pandemic recovery. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Economics and Management*. 2023;17(2):65–78. <https://doi.org/10.14529/em230205>. (In Russ.).
13. Samara E., Andronikidis A., Komninos N. The role of digital technologies for regional development: A system dynamics analysis. *Journal of the Knowledge Economy*. 2023;14:2215–2237.
14. Pirogova L. V. Assessment of the level of digitalization of regions: Methodological and practical aspects. *Modern Economics: Problems and Solutions*. 2025;(4):35–52. <https://doi.org/10.17308/meps/2078-9017/2025/4/35-52>. (In Russ.).
15. Bychkova N. P., Tavbulatova Z. K., Ruzhanskaya N. V. et al. Digital readiness of Russian regions. In: *Proceedings of the 36th IBIMA Conference*, November 4–5, 2020, Granada, Spain. Spain; 2020. p. 2442–2460.
16. Mejokh Z., Korolyuk E., Sozaeva D. et al. Economic security of Russian regions: Risk factors and consequences of the COVID-19 pandemic. In: *Proceedings of the 36th IBIMA Conference*, November 4–5, 2020, Granada, Spain. Spain; 2020. p. 8197–8205.

- quences of the COVID-19 pandemic // Proceedings of the 36th IBIMA Conference, November 4–5, 2020, Granada, Spain. Spain, 2020. P. 8197–8205.
17. Vassilakopoulou P., Hustad E. Bridging digital divides: A literature review and research agenda for information systems research // *Information System Frontiers*. 2023. Vol. 25, no. 3. P. 955–969. <https://doi.org/10.1007/s10796-020-10096-3>.
  18. Moskovtceva L. V., Pilipchuk N. V., Khashir B. O. et al. Development of digital regional ecosystems: Russian specifics and risk leveling // *AgroTech*. 2022. P. 79–88. https://doi.org/10.1007/978-981-19-3555-8_8.
  19. Lythreathis S., Singh S., El-Kassar A.-N. The digital divide: A review and future research agenda // *Technological Forecasting and Social Change*. 2022. Vol. 175. <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2021.121359>.
  20. Korolyuk E. V., Rustamova I. T., Kuzmenko N. I. et al. Diagnostics of regional economic security problems during the 2020 crisis // Proceedings of the 37th IBIMA Conference, May 30–31, 2021, Cordoba, Spain. Spain, 2021. P. 5248–5256.
  21. Гусева Т. А., Жигирева Е. Г., Сухов В. В. Цифровая трансформация в регионах России: актуальные тенденции, различия и вызовы // *Экономика и бизнес: теория и практика*. 2025. № 7. С. 52–61. <https://doi.org/10.24412/2411-0450-2025-7-52-61>.
  22. Karpunina E. K., Magomaeva L. R., Kochyan G. A. et al. Digital inequality and forms of its appearance: A comparative analysis in the OECD and BRICS countries // Proceedings of the 37th IBIMA Conference, May 30–31, 2021, Cordoba, Spain. Spain, 2021. P. 1028–1039.
  23. Wang C., Si L. The intersection of public policy and public access: Digital inclusion, digital literacy education, and libraries // *Sustainability*. 2024. Vol. 16, no. 5. <https://doi.org/10.3390/su16051878>.
  24. Karpunina E. K., Agabekyan R. L., Petrov I. V. et al. BRICS countries as new growth poles of the global digital economy // *International Journal of Economic Policy in Emerging Economies*. 2025. Vol. 21, no. 1. P. 21–38.
  25. Итоги 2024. URL: <https://цифровойдиктант.рф/2024-result.pdf> (дата обращения: 09.01.2026).
  26. Kuzmenko N. I., Lapushinskaya G. K., Lisova E. V. et al. Russian regions: Assessment of factors of growth in the living standard and well-being of the population // *Geo-Economy of the Future. Sustainable Agriculture and Alternative Energy*. Cham : Springer, 2022. P. 619–639. https://doi.org/10.1007/978-3-030-92303-7_66.
  17. Vassilakopoulou P., Hustad E. Bridging digital divides: A literature review and research agenda for information systems research. *Information System Frontiers*. 2023;25(3):955–969. <https://doi.org/10.1007/s10796-020-10096-3>.
  18. Moskovtceva L. V., Pilipchuk N. V., Khashir B. O. et al. Development of digital regional ecosystems: Russian specifics and risk leveling. *AgroTech*. 2022;79–88. https://doi.org/10.1007/978-981-19-3555-8_8.
  19. Lythreathis S., Singh S., El-Kassar A.-N. The digital divide: A review and future research agenda. *Technological Forecasting and Social Change*. 2022;175. <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2021.121359>.
  20. Korolyuk E. V., Rustamova I. T., Kuzmenko N. I. et al. Diagnostics of regional economic security problems during the 2020 crisis. In: *Proceedings of the 37th IBIMA Conference*, May 30–31, 2021, Cordoba, Spain. Spain; 2021. p. 5248–5256.
  21. Guseva T. A., Zhigireva E. G., Sukhov V. V. Digital transformation in Russian regions: Current trends, differences and challenges. *Economy and Business: Theory and Practice*. 2025;(7):52–61. <https://doi.org/10.24412/2411-0450-2025-7-52-61>. (In Russ.).
  22. Karpunina E. K., Magomaeva L. R., Kochyan G. A. et al. Digital inequality and forms of its appearance: A comparative analysis in the OECD and BRICS countries. In: *Proceedings of the 37th IBIMA Conference*, May 30–31, 2021, Cordoba, Spain. Spain; 2021. p. 1028–1039.
  23. Wang C., Si L. The intersection of public policy and public access: Digital inclusion, digital literacy education, and libraries. *Sustainability*. 2024;16(5). <https://doi.org/10.3390/su16051878>.
  24. Karpunina E. K., Agabekyan R. L., Petrov I. V. et al. BRICS countries as new growth poles of the global digital economy. *International Journal of Economic Policy in Emerging Economies*. 2025;21(1):21–38.
  25. Итоги 2024. URL: <https://цифровойдиктант.рф/2024-result.pdf> (accessed: 09.01.2026). (In Russ.).
  26. Kuzmenko N. I., Lapushinskaya G. K., Lisova E. V. et al. Russian regions: Assessment of factors of growth in the living standard and well-being of the population. *Geo-Economy of the Future. Sustainable Agriculture and Alternative Energy*. Cham: Springer; 2022. p. 619–639. https://doi.org/10.1007/978-3-030-92303-7_66.

Информация об авторах

Л. В. Московцева – доктор экономических наук, профессор;

<https://orcid.org/0000-0002-3161-6700>,
mlvl80@mail.ru[✉]

Е. Е. Кукина – кандидат экономических наук, доцент;

<https://orcid.org/0000-0002-9047-3359>,
eekukina@fa.ru

About the authors

L. V. Moskovtceva – Doctor of Sciences (Economics), Professor;

<https://orcid.org/0000-0002-3161-6700>,
mlvl80@mail.ru[✉]

E. E. Kukina – Candidate of Sciences (Economics), Docent;

<https://orcid.org/0000-0002-9047-3359>,
eekukina@fa.ru

И. Е. Покаместов – кандидат экономических наук,
доцент;
<https://orcid.org/0000-0002-8457-4866>,
pokamestov@mail.ru

С. А. Труфанова – кандидат экономических наук,
доцент;
<https://orcid.org/0000-0002-0246-5616>,
st200929@yandex.ru

I. E. Pokamestov – Candidate of Sciences (Economics), Docent;
<https://orcid.org/0000-0002-8457-4866>,
pokamestov@mail.ru

S. A. Trufanova – Candidate of Sciences (Economics),
Docent;
<https://orcid.org/0000-0002-0246-5616>,
st200929@yandex.ru

Научная статья

УДК 338.49:004(571.51-21)

<https://doi.org/10.35266/2949-3455-2026-2-7>

Оценка инновационного потенциала и системных барьеров цифровизации инфраструктурного комплекса арктического города (на примере г. Норильска)

Ольга Юрьевна Орлова¹, Игорь Сергеевич Беляев², Влада Руслановна Самплина^{2✉}

¹Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Россия

²Заполярный государственный университет им. Н. М. Федоровского, Норильск, Россия

Аннотация. В статье исследуются системные барьеры и инновационный потенциал цифровизации критической инфраструктуры в условиях арктических монопрофильных городов. Объектом исследования выступает инфраструктурный комплекс г. Норильска. Целью работы является апробация методологического подхода к оценке инновационного потенциала и барьеров цифровизации инфраструктуры в экстремальных природно-климатических и экономических условиях, а также выработка стратегических направлений для преодоления выявленных барьеров. Исследование базируется на принципах системного подхода и теории региональных инновационных систем. Использован комплексный метод, сочетающий PEST- и SWOT-анализ, а также метод экспертных оценок. Идентифицированы четыре группы системных барьеров: технологические (9,2 балла), экономические (8,8 балла), институциональные (7,1 балла) и социально-кадровые (6,9 балла). Доказано, что технологические и экономические барьеры создают эффект lock-in, препятствующий внедрению инноваций. Кейс-стади показал сверхдлительные сроки окупаемости проектов цифровизации (12–15 лет), для которых необходимы специальные методы оценки. Преодоление барьеров требует комплексного организационно-экономического механизма, интегрирующего усилия государства и бизнеса. Результаты вносят вклад в теорию региональной экономики и применимы для корректировки государственных программ развития Арктики.

Ключевые слова: региональная экономика, экономика инноваций, Арктика, Норильск, цифровая трансформация, инфраструктура, инновационный потенциал, системные барьеры, lock-in effect, PEST-анализ, SWOT-анализ

Для цитирования: Орлова О. Ю., Беляев И. С., Самплина В. Р. Оценка инновационного потенциала и системных барьеров цифровизации инфраструктурного комплекса арктического города (на примере г. Норильска) // Вестник Сургутского государственного университета. 2026. Т. 14, № 2. С. 84–91. <https://doi.org/10.35266/2949-3455-2026-2-7>.

Original article

Assessment of innovative potential and systemic barriers to digitalization of infrastructure complex for Arctic city (the case of Norilsk)

Olga Yu. Orlova¹, Igor S. Belyaev², Vlada R. Samplina^{2✉}

¹Saint Petersburg State Economic University, Saint Petersburg, Russia

²Fedorovsky Polar State University, Norilsk, Russia

Abstract. The article examines systemic barriers and the innovative potential of the digitalization of critical infrastructure in the conditions of Arctic single-industry cities. This investigation centers on the infrastructure complex of Norilsk. The purpose of the study is to test a methodological approach to assessing innovative potential and barriers to infrastructure digitalization under extreme natural, climatic, and economic conditions, as well as to develop strategic directions for overcoming the identified barriers. The research

is based on the principles of a systems approach and the theory of regional innovation systems. A comprehensive methodology combining PEST and SWOT analyses, as well as the expert assessment method, is applied. Four groups of systemic barriers are identified: technological (9.2 points), economic (8.8 points), institutional (7.1 points), and social and human capital barriers (6.9 points). It is established that technological and economic constraints induce a lock-in effect, which consequently inhibits the deployment of innovations. The case study reveals extremely long payback periods for digitalization projects (12–15 years), which require the use of specialized evaluation methods. Overcoming these barriers requires an integrated organizational and economic mechanism that combines the efforts of the state and business. The results contribute to the theory of regional economics and can be applied to the adjustment of government programs for Arctic development.

Keywords: regional economics, innovation economics, the Arctic, Norilsk, digital transformation, infrastructure, innovative potential, systemic barriers, lock-in effect, PEST analysis, SWOT analysis

For citation: Orlova O. Yu., Belyaev I. S., Samplina V. R. Assessment of innovative potential and systemic barriers to digitalization of infrastructure complex for Arctic city (the case of Norilsk). *Surgut State University Journal*. 2026;14(2):84–91. <https://doi.org/10.35266/2949-3455-2026-2-7>.

ВВЕДЕНИЕ

Арктическая зона Российской Федерации (АЗРФ) является объектом стратегического государственного интереса, что отражено в ряде доктринальных документов, включая Стратегию развития АЗРФ до 2035 г. [1]. Однако устойчивое развитие региона невозможно без модернизации его инфраструктурного каркаса. Города, являющиеся опорными точками освоения Арктики, сталкиваются с комплексом проблем, унаследованных от советской эпохи, и новыми вызовами, связанными с глобальными климатическими и экономическими изменениями [2]. В этом контексте цифровизация инфраструктуры рассматривается как ключевой фактор повышения ее надежности и эффективности.

В теоретическом плане, опираясь на эволюционный подход к экономике инноваций [3, 4] и концепцию региональных инновационных систем (РИС) [5], мы утверждаем, что успешность цифровизации определяется не только технологическими решениями, но и способностью региональной системы к адаптации и преодолению эффектов «технологической блокировки» (path dependency). Данная статья посвящена эмпирической проверке этого тезиса на примере г. Норильска. Научная задача заключается в идентификации системных барьеров и оценке инновационного потенциала для их преодоления.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Исследование построено на принципах качественного кейс-стади (case study) [6], позво-

ляющего глубоко изучить конкретный феномен в его реальном контексте. Выбор Норильска в качестве объекта обусловлен его типичностью как арктического монопрофильного города и одновременно уникальностью как крупнейшего мирового центра по производству цветных металлов. Методология исследования носит комплексный характер и включает три этапа.

На первом этапе с помощью PEST-анализа были систематизированы факторы макросреды, влияющие на цифровизацию инфраструктуры. На втором этапе посредством SWOT-анализа были структурированы внутренние и внешние факторы, определяющие потенциал и барьеры цифровизации. На третьем этапе для верификации и углубления анализа была проведена серия из пяти полуструктурированных экспертных интервью. Респондентами выступили эксперты, обладающие не менее чем 10-летним опытом работы в системе муниципального управления г. Норильска или в структурах ПАО «ГМК «Норильский никель», ответственных за развитие инфраструктуры [7]. Данные интервью были проанализированы с использованием метода тематического анализа для выявления ключевых тем и паттернов.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Полученные результаты подтверждают наличие в экономике Норильска классического эффекта «институциональной ловушки» (lock-in effect), описанного в работах

П. Дэвида и Б. Артура [8]. Высокая степень износа фондов и доминирование градообразующего предприятия создают ситуацию, при которой система не способна перейти на новую технологическую траекторию, несмотря на очевидные выгоды. Технологические и экономические барьеры выступают основными элементами этой «ловушки».

Сверхдлительные сроки окупаемости инновационных проектов (12–15 лет) делают их нерентабельными с точки зрения стандартных методов оценки инвестиций (NPV, IRR), что согласуется с выводами других исследователей арктической экономики [9]. Это доказывает необходимость применения альтернативных подходов к оценке, учитывающих долгосрочные социальные и экологические эффекты. Таким образом, эмпирические данные, полученные на примере Норильска, служат верификацией теоретических положений исследования.

Перспективные направления дальнейших исследований лежат в области разработки конкретных организационно-экономических механизмов и моделей государственно-част-

ного партнерства, адаптированных к условиям Крайнего Севера. Такие механизмы должны быть направлены на снижение рисков для частных инвесторов и создание стимулов для внедрения прорывных технологий, способных преодолеть выявленные системные барьеры и обеспечить устойчивое развитие инфраструктуры в Арктической зоне Российской Федерации. В табл. 1 указаны PEST-факторы цифровизации инфраструктуры.

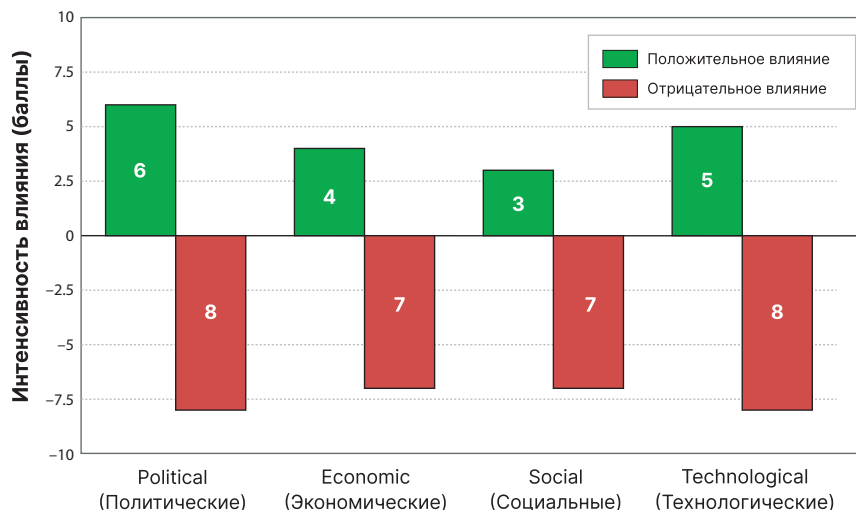
На рис. 1 наглядно представлен баланс положительных и отрицательных факторов макросреды. Анализ показывает, что отрицательные факторы (совокупный балл –30) значительно перевешивают положительные (совокупный балл +18), что создает крайне сложный фон для реализации инновационных проектов. Наибольшее негативное влияние оказывают технологические факторы (–8 баллов), связанные с физическим износом инфраструктуры и климатическими ограничениями, и экономические факторы (–7 баллов), связанные с санкциями и высокой стоимостью проектов. Положительные факторы в основном сосредоточены в политической и экономической сферах,

Таблица 1

PEST-анализ факторов макросреды, влияющих на цифровизацию инфраструктуры г. Норильска

Факторы	Влияние на цифровизацию инфраструктуры
Political (Политические)	(+) Государственная стратегия развития АЗРФ до 2035 г.; национальные проекты в области цифровой экономики; поддержка инновационных инициатив на уровне Красноярского края. (–) Санкционное давление, ограничивающее доступ к зарубежным технологиям и оборудованию; неопределенность в отношении долгосрочного финансирования региональных проектов
Economic (Экономические)	(+) Стабильная ресурсная база и значительные финансовые возможности ПАО «ГМК «Норильский никель» (инвестиции в цифровизацию в 2023 г. составили 7,6 млрд руб.); наличие собственного капитала для финансирования инновационных проектов. (–) Высокая стоимость реализации проектов в условиях Крайнего Севера; удорожание логистики и строительных материалов; волатильность мировых цен на никель и палладий
Social (Социальные)	(+) Высокий уровень средней заработной платы (выше среднероссийского на 40–50 %), привлекающий специалистов; наличие образовательных учреждений для подготовки кадров. (–) Устойчивый миграционный отток постоянного населения (убыль 0,5–1 % в год); острый дефицит IT-специалистов; цифровое неравенство между центром и периферией города
Technological (Технологические)	(+) Наличие у «Норникеля» собственных программ цифровой трансформации производства; опыт внедрения искусственного интеллекта и автоматизации; собственное IT-подразделение. (–) Высокий уровень износа коммунальной инфраструктуры (более 60 % основных фондов); ускоренная деградация вечной мерзлоты; отсутствие широкополосного интернета за пределами корпоративных сетей; суровые климатические условия (до –60 °С)

Примечание: составлено авторами на основании данных, полученных в исследовании.

Рис. 1. Баланс положительных и отрицательных PEST-факторов цифровизации инфраструктуры г. Норильска

Примечание: составлено авторами на основании данных, полученных в исследовании.

однако их влияния недостаточно для компенсации негативных тенденций. Это подчеркивает необходимость активного государственного вмешательства и разработки специальных механизмов поддержки, способных нивелировать действие негативных факторов и создать благоприятные условия для реализации инновационных инициатив.

Результаты SWOT-анализа (рис. 2) позволяют перейти от простого перечисления фак-

торов к разработке стратегических альтернатив развития. Матрица демонстрирует, что город обладает значительными сильными сторонами (концентрация капитала в «Норникеле», уникальный опыт строительства на мерзлоте, программа реновации до 2035 г.), однако они сопряжены с серьезными слабостями (критический износ инфраструктуры, монопрофильная экономика, дефицит ИТ-кадров).

Рис. 2. Матрица SWOT-анализа цифровизации инфраструктуры г. Норильска

Примечание: составлено авторами на основании данных, полученных в исследовании.

Наиболее перспективным направлением является стратегия «Сила и Возможности» (SO), предполагающая использование финансовых и технологических ресурсов «Норникеля» для внедрения технологий «умного города» и привлечения федерального финансирования. Однако для реализации этой стратегии необходимо нейтрализовать угрозы и компенсировать слабые стороны. Стратегия «Сила и Угрозы» (ST) должна быть направлена на использование опыта компании в строительстве на мерзлоте для противодействия ее ускоренной деградации с помощью новых технологий мониторинга. Стратегия «Слабость и Возможности» (WO) предполагает использование возможностей федерального финансирования для преодоления дефицита кадров. Стратегия «Слабость и Угрозы» (WT) требует разработки защитных механизмов для минимизации рисков.

Приоритизация барьеров на основе экспертных оценок (рис. 3) показывает, что технологические барьеры (9,2 балла из 10) и экономические барьеры (8,8 балла) являются критическими и требуют первоочередного внимания. Это означает, что любые инициативы по цифровизации столкнутся в первую очередь с необходимостью колоссальных инвестиций в модернизацию физически изношенной инфраструктуры и с проблемой поиска долгосрочного финансирования в условиях санкций и высоких рисков. Технологические барьеры включают не только физический износ (более 60 % основных фондов требуют замены),

но и климатические ограничения и дефицит коммуникационной инфраструктуры.

Институциональные (7,1 балла) и социально-кадровые барьеры (6,9 балла) также значимы, но носят вторичный характер. Однако их влияние нельзя игнорировать, так как они могут препятствовать реализации даже хорошо финансируемых проектов. Выявленная конфигурация барьеров соответствует классическому описанию эффекта lock-in (технологической блокировки) в работах П. Дэвида и Б. Артура [6], когда система оказывается «заперта» на неэффективной траектории развития.

Для иллюстрации выявленных барьеров и их влияния на инвестиционные решения рассмотрим гипотетический проект внедрения системы комплексного мониторинга состояния жилых зданий на основе IoT-датчиков. Этот проект выбран в качестве примера, так как он является приоритетным для администрации города и имеет высокий потенциал социального воздействия. Ключевые финансово-экономические показатели проекта мониторинга жилых зданий на базе IoT указаны в табл. 2.

На рис. 4 представлены ключевые экономические параметры проекта. Диаграмма слева (4а) показывает, что основная доля затрат (45 %) приходится на закупку оборудования и датчиков, что типично для проектов в условиях Арктики из-за удорожания логистики. Монтаж и интеграция составляют 30 % затрат, программное обеспечение – 20 %, обучение персонала – 5 %.

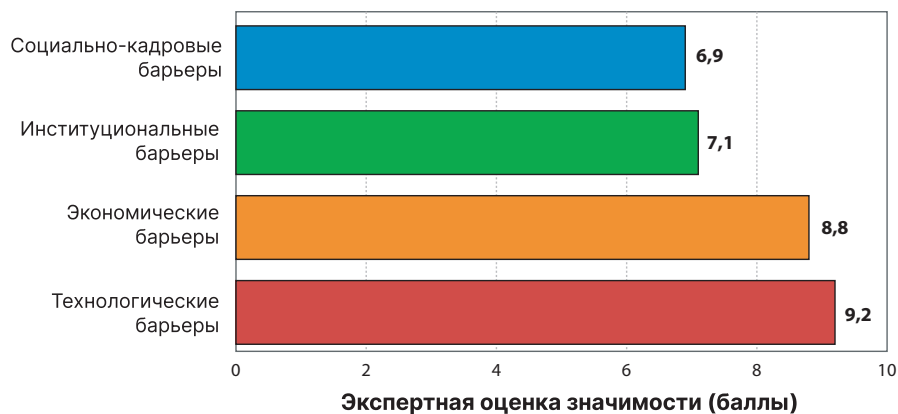

Рис. 3. Экспертная оценка значимости системных барьеров для цифровизации инфраструктуры

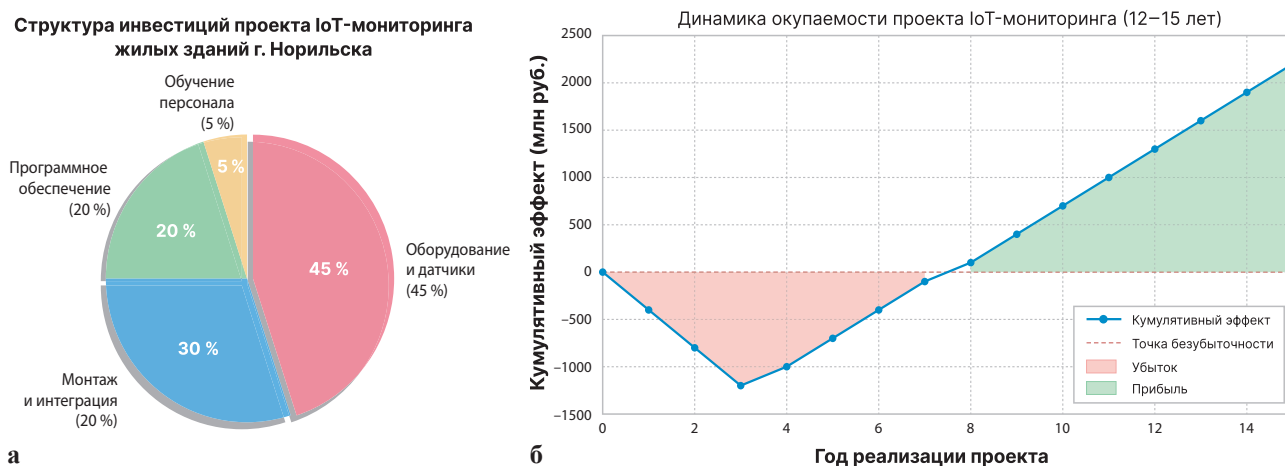
Примечание: составлено авторами на основании данных, полученных в исследовании.

Таблица 2

Основные экономические параметры проекта IoT-мониторинга жилых зданий

Параметр	Значение
Ориентировочная стоимость оснащения одного здания	2–3 млн руб.
Общее количество зданий, требующих мониторинга	~800 зданий
Совокупные инвестиции	1,6–2,4 млрд руб.
Ожидаемый срок окупаемости	12–15 лет

Примечание: составлено авторами на основании данных, полученных в исследовании.

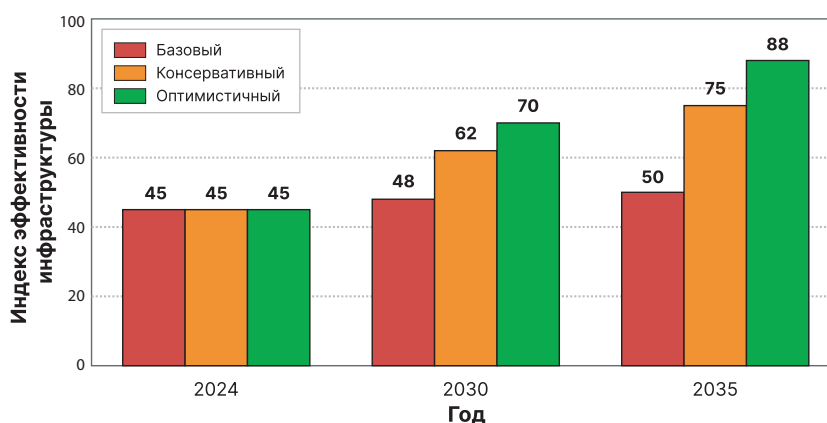
Рис. 4. Экономические параметры проекта IoT-мониторинга жилых зданий:
а – структура инвестиций; б – динамика окупаемости проекта

Примечание: составлено авторами на основании данных, полученных в исследовании.

График справа (4б) демонстрирует ключевую проблему арктических инноваций – сверхдлинный срок окупаемости, достигающий 12–15 лет. В течение первых 3 лет проект генерирует отрицательный кумулятивный эффект (–1,2 млрд руб.). Только после 9–10 лет реализации проект выходит на точку безубыточности. Это делает проект непривлекательным для

частных инвесторов и требует применения специальных методов оценки, учитывающих предотвращенный ущерб и социальные выгоды.

Сценарный анализ (рис. 5) показывает три возможные траектории развития инфраструктуры города до 2035 г. Базовый сценарий предполагает сохранение текущих тенденций и минимальные инвестиции в цифровизацию

Рис. 5. Сравнение сценариев развития инфраструктуры г. Норильска (2024–2035 гг.)

Примечание: составлено авторами на основании данных, полученных в исследовании.

(бюджет не превышает 100–150 млн руб. в год). Индекс эффективности инфраструктуры вырастет всего на 5 пунктов (с 45 до 50 баллов), что недостаточно для обеспечения надежности критических систем.

Консервативный сценарий основан на частичной цифровизации инфраструктуры (бюджет 300–500 млн руб. в год) и позволяет достичь значительного улучшения (рост на 30 пунктов, индекс достигает 75 баллов). Оптимистичный сценарий предполагает полную реализацию предложенных мер (бюджет 800 млн – 1,2 млрд руб. в год) и способен вывести инфраструктуру на качественно новый уровень (рост на 43 пункта, индекс достигает 88 баллов). Разрыв между сценариями доказывает высокий потенциальный эффект от цифровизации и экономическую целесообразность перехода к оптимистичному сценарию.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Результаты исследования имеют высокую практическую значимость. Во-первых, предложенный подход к диагностике барьеров может быть использован органами государственной

власти и местного самоуправления для проведения мониторинга и разработки целевых программ развития не только для Норильска, но и для других арктических территорий со схожими характеристиками. Во-вторых, экономический анализ кейс-стади доказывает неэффективность стандартных подходов к оценке инвестиционных проектов в арктических условиях и обосновывает необходимость применения специализированных методик, учитывающих долгосрочные социальные и экологические экстерналии.

Проведенное исследование позволило всесторонне оценить инновационный потенциал и системные барьеры, препятствующие цифровизации инфраструктурного комплекса г. Норильска. Научная новизна работы заключается в том, что на конкретном эмпирическом материале была продемонстрирована взаимосвязь между технологическими, экономическими и институциональными барьерами, формирующими системный эффект технологической блокировки (lock-in effect), который препятствует переходу региона на новую, более эффективную траекторию развития.

Список источников

1. О Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года : указ Президента РФ от 26.10.2020 № 645. Доступ из СПС «Гарант».
2. Лексин В. Н., Швецов А. Н. Государство и регионы: теория и практика государственного регулирования территориального развития. М. : ЛКИ, 2007. 368 с.
3. Нельсон Р. Р., Уинтер С. Дж. Эволюционная теория экономических изменений / пер. с англ. М. : Дело, 2002. 536 с.
4. Казакова П. А., Тимушев С. Б. Цифровая трансформация региональных экономических систем: развитие инновационного потенциала // Естественно-гуманитарные исследования. 2025. № 2. С. 219–224.
5. Regional Innovation Systems: The Role of Governance in a Globalized World / H.-J. Braczyk, P. Cooke, M. Heidenreich, eds. 2nd ed. London : Routledge, 2004. 416 p.
6. Yin R. K. Case Study Research: Design and Methods. 5th ed. Thousand Oaks, CA : Sage, 2014. 282 p.
7. Отчет об устойчивом развитии 2023. URL: <https://sr2023.nornickel.ru> (дата обращения: 15.12.2025).

References

1. On the Strategy for the Development of the Arctic Zone of the Russian Federation and Ensuring National Security for the Period up to 2035: Decree of the President of the Russian Federation No. 645 of October 26, 2020. Accessed through Law assistance system “Garant”. (In Russ.).
2. Leksin V. N., Shvetsov A. N. Gosudarstvo i regiony: teoriya i praktika gosudarstvennogo regulirovaniya territorialnogo razvitiya. Moscow: LKI; 2007. 368 p. (In Russ.).
3. Nelson R. R., Winter S. G. An Evolutionary Theory of Economic Change. Trans. Moscow: Delo; 2002. 536 p. (In Russ.).
4. Kazakova P. A., Timushev S. B. Digital transformation of regional economic systems: Development of innovation potential. *Estestvenno-gumanitarnye issledovaniya*. 2025;(2):219–224. (In Russ.).
5. Braczyk H.-J., Cooke P., Heidenreich M., eds. Regional Innovation Systems: The Role of Governance in a Globalized World. 2nd ed. London: Routledge; 2004. 416 p.
6. Yin R. K. Case Study Research: Design and Methods. 5th ed. Thousand Oaks, CA: Sage; 2014. 282 p.
7. Otchet ob ustoychivom razvitii 2023. URL: <https://sr2023.nornickel.ru> (accessed: 15.12.2025). (In Russ.).

8. Arthur W. B. Competing technologies, increasing returns, and lock-in by historical events // *The Economic Journal*. 1989. Vol. 99, no. 394. P. 116–131.
9. Бе́ляев И. С. Развитие механизмов государственно-частного партнерства как инструментов поддержки строительных организаций, действующих в российской Арктике // Актуальные проблемы современного строительства : материалы LXXIV Всерос. науч.-практ. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых, 05–09 апреля 2021 г., г. Санкт-Петербург. В 2 ч. СПб. : Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет, 2021. Ч. 2. С. 124–135.
8. Arthur W. B. Competing technologies, increasing returns, and lock-in by historical events. *The Economic Journal*. 1989;99(394):116–131.
9. Belyaev I. S. Razvitie mekhanizmov gosudarstvenno-chastnogo partnerstva kak instrumentov podderzhki stroitelnykh organizatsiy, deystvuyushchikh v rossiyskoy Arktike. In: *Proceedings of the 77th All-Russian Research-to-Practice Conference for Students, Postgraduates and Young Scientists “Aktualnye problemy sovremennogo stroitelstva”*, April 5–9, 2021, Saint Petersburg. In 2 pts. St. Petersburg: Saint Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering; 2021. Pt. 2. p. 124–135. (In Russ.).

Информация об авторах

О. Ю. Орлова – доктор экономических наук, профессор;

<https://orcid.org/0000-0001-5342-0066>,
orlova.o@unecon.ru

И. С. Бе́ляев – кандидат экономических наук, доцент;

<https://orcid.org/0000-0001-9149-4357>,
belayevis@norvuz.ru

В. Р. Самплина – ассистент;
samplinavr1@norvuz.ru✉

About the authors

O. Yu. Orlova – Doctor of Sciences (Economics), Professor;

<https://orcid.org/0000-0001-5342-0066>,
orlova.o@unecon.ru

I. S. Belyaev – Candidate of Sciences (Economics), Docent;

<https://orcid.org/0000-0001-9149-4357>,
belayevis@norvuz.ru

V. R. Samplina – Assistant Professor;
samplinavr1@norvuz.ru✉

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ / LAW

Научная статья

УДК 342.922(470+571)

<https://doi.org/10.35266/2949-3455-2026-2-8>

Механизм взаимодействия в системе публичной власти: концептуальные основы и их отражение в российском законодательстве

Марат Сосланбекович Басиев

*Северо-Осетинский государственный университет имени Коста Левановича Хетагурова,
Владикавказ, Россия*

Аннотация. Целью настоящей статьи является формулирование теоретических основ механизма взаимодействия элементов системы публичной власти. В данном контексте автор анализирует имеющиеся в научной литературе исследования, посвященные изучению категорий «взаимодействие» и «правовое взаимодействие»; рассматривает представленные варианты классификации взаимосвязей органов власти как между собой, так и с общественностью. Достижение указанной цели опосредуется применением таких методов исследования, как формально-юридический, анализ и синтез, а также классификация. Подход к изучению взаимодействия в системе публичной власти основывается на его производности от лексического понимания категории «взаимодействия» и ее специфике применительно к социально-правовой сфере; выделении в рамках властной системы общественной власти; использовании при классификации проявлений взаимодействия элементов публичной власти положений законодательства, позиций Конституционного суда России, а также имеющихся в научной литературе вариантов классификации взаимодействия вообще и в рамках властеотношений в частности. Результатом исследования является формулирование авторского определения взаимодействия в системе публичной власти, а также классификации его проявлений на сферы, виды и формы с подкреплением выводов примерами из действующего законодательства.

Ключевые слова: публичная власть, взаимодействие, виды взаимодействия, взаимовлияние, формы взаимодействия, органы публичной власти, координация, контроль

Для цитирования: Басиев М. С. Механизм взаимодействия в системе публичной власти: концептуальные основы и их отражение в российском законодательстве // Вестник Сургутского государственного университета. 2026. Т. 14, № 2. С. 92–103. <https://doi.org/10.35266/2949-3455-2026-2-8>.

Original article

Mechanism of interaction in public authority system: Conceptual foundations and their reflection in Russian legislation

Marat S. Basiev

North Ossetian State University named after Kosta Levanovich Khetagurov, Vladikavkaz, Russia

Abstract. The purpose of this article is to formulate the theoretical foundations for the mechanism of interaction between elements of the public authority system. In this context, the author analyzes existing studies in the scientific literature devoted to the study of the concepts of “interaction” and “legal interaction”; considers the presented options for classifying the interrelations of government bodies both among themselves and with the public. This can be achieved by utilizing research methods such as formal-legal analysis, synthesis, and classification. The approach to the study of interaction in the public authority system is based on: its derivation from the lexical understanding of “interaction” and its specificity in relation to the social and legal

sphere; the identification of public authority within the framework of the power system; the use of legislative provisions, the positions of the Constitutional Court of the Russian Federation, as well as options for classifying interaction in general and within the framework of power relations in particular available in the scientific literature when classifying manifestations of interaction between elements of public authority. The result of the study is the formulation of the author's definition of interaction in the public authority system, as well as a classification of its manifestations into spheres, types and forms, with the conclusions supported by examples from current legislation.

Keywords: public authority, interaction, types of interaction, mutual interaction, forms of interaction, public authorities, coordination, control

For citation: Basiev M. S. Mechanism of interaction in public authority system: Conceptual foundations and their reflection in Russian legislation. *Surgut State University Journal*. 2026;14(2):92–103. <https://doi.org/10.35266/2949-3455-2026-2-8>.

ВВЕДЕНИЕ

Конституционализация категории «единая система публичной власти» была обусловлена необходимостью осуществления взаимодействия государственной и муниципальной властей в целях наиболее эффективного решения задач в интересах населения, проживающего на соответствующей территории. Как отмечают Т. Я. Хабриева и А. А. Клишас, закрепление единства системы публичной власти подчеркивает многообразие форм взаимодействия государственных и муниципальных органов: «наделение законом органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями, перераспределение полномочий между органами местного самоуправления и органами государственной власти субъекта Российской Федерации (РФ), участие муниципальных органов в осуществлении государственных полномочий» [1, с. 209].

Данный посыл абсолютно соответствует единой правовой природе публичной власти, основанной на принципе народовластия как первичной основы формирования властного аппарата и конечной цели функционирования последнего. Вместе с тем, как вполне обоснованно отмечается в научной литературе, категория «взаимодействие» не нашла своего должного отражения ни в Конституции РФ, ни в федеральном законодательстве, что негативно влияет на формирующуюся правоприменительную практику, в том числе существенно нарушает положения Основного закона РФ и ущемляет права и законные интересы властных структур [2, с. 99–100].

В связи с этим целью настоящего исследования является формулирование концептуальных основ механизма взаимодействия элементов системы публичной власти как одного из базовых ее признаков. В данном контексте необходимо: проанализировать лексические и философские аспекты понимания категории «взаимодействие»; изучить специфику социальных взаимосвязей и имеющиеся классификации видов взаимодействия вообще и в сфере властеотношений в частности; предложить авторское определение понятия «взаимодействие в системе публичной власти», а также классифицировать его проявления.

В настоящее время в научной литературе отсутствует общепринятое концептуальное понимание указанной проблематики. В имеющихся исследованиях затрагиваются отдельные стороны взаимодействия властных институтов в связи с анализом механизма публичной власти. В частности, исследователи со ссылкой на нормативные положения и правовые позиции Конституционного Суда России отмечают имманентность взаимосвязей органов власти как одного из существенных признаков системы публичной власти, а также кратко обозначают видовую классификацию соответствующих отношений.

Так, в соответствии с позициями Конституционного Суда РФ взаимодействие органов публичной власти разных уровней обусловлено принципом политической солидарности [3] и выражается в наличии единого механизма управления делами государства [4]. Соответственно, решение социально-экономических

вопросов в пределах муниципального образования предполагает разнообразные формы взаимодействия органов местного самоуправления и органов государственной власти данного субъекта Федерации [5].

В научной литературе имеется следующее определение взаимодействия органов власти: «активная, согласованная деятельность двух и более субъектов правоотношения, выражающаяся в принятии решений и совершении действий, направленных на достижение единой цели, решение общей задачи в нормативно закрепленных формах» [6, с. 135].

В то же время комплексное осмысление законодательства, касающегося системы публичной власти, и практики его применения, а также последовательное их совершенствование требуют более детального изучения механизма взаимодействия в системе публичной власти, в том числе более властных структур, четкого его определения и исчерпывающей классификации разновидностей взаимосвязей.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Достижение указанной цели и решение соответствующих задач требуют исследования нормативных актов (Конституция РФ и федеральные законы), а также позиций, содержащихся в решениях Конституционного Суда России. Кроме того, адекватное раскрытие вопросов взаимодействия в системе публичной власти обуславливает необходимость обращения к лексическим словарям и философской литературе в части изучения категорий «система» и «взаимодействие». Основное внимание уделено анализу научных источников, посвященных исследованию системы публичной власти.

Методологической базой при изучении настоящей тематики являются различные методы познания, в том числе: формально-юридический, позволивший всесторонне раскрыть содержание нормативных правовых актов и решений высшего органа конституционного правосудия; анализ, способствовавший изучению содержания категории «взаимодействие», а также выделению критериев классификации ее проявлений; синтез, обеспечив-

ший формулирование обобщающего определения понятия «взаимодействие в системе публичной власти» и комплексное рассмотрение всех возможных его разновидностей; классификация, опосредовавшая правильную группировку проявлений взаимодействия элементов власти с учетом общих признаков.

Указанный инструментарий позволил на основе изучения теоретических аспектов и представленных позиций исследователей сформулировать определение понятия «взаимодействие в системе публичной власти», а затем, опираясь на доктринальные разработки и анализ законодательства, осуществить исчерпывающую классификацию всех возможных разновидностей взаимосвязей властных институтов.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Исходным тезисом в контексте изучаемой проблематики выступает имманентно присутствующая любой системе связанность между собой и взаимодействие друг с другом ее элементов в целях наиболее эффективной реализации сути объединения [7, с. 5]. Система как целое всегда обладает новыми интегративными качествами, отсутствующими у отдельных ее частей [8, с. 336–337].

Лексическое значение понятия «взаимодействие» подразумевает взаимную связь явлений; воздействие различных предметов друг на друга, обуславливающее их изменение [9]. Связь выступает системообразующим фактором, заключающимся во взаимном ограничении поведения элементов, а также в зависимости и в обмене информацией между ними [10, с. 61, 72, 105]. Вышесказанное проявляется в таком свойстве системы, как эмерджентность [11, с. 59–61].

В свою очередь, под правовым взаимодействием понимается вид социальной коммуникации, представляющий собой взаимный обмен субъектов права юридически значимой деятельностью и (или) ее результатами, онтологически проявляющийся в двух основных типах: юридическом содействии и юридическом противодействии [12, с. 12]. Соответственно, любые формы взаимодействия

властных институтов должны иметь правовую основу, вытекающую из требований Конституции и других источников права. Как отмечает О. А. Кожевников, взаимодействие в системе власти должно осуществляться не в произвольной форме, а в конституционно установленных пределах и принципах [13, с. 52].

Таким образом, взаимодействие в системе публичной власти можно выразить как взаимную правовую связь и воздействие друг на друга ее элементов (уровней, ветвей, форм) или органов власти внутри одного элемента, непосредственно влияющих как на общую эффективность всей системы, так и на развитие каждого из них и осуществляемых в целях удовлетворения интересов населения в пределах соответствующего публично-правового образования. Схожим образом и другие исследователи определяют данный феномен [14, с. 218–219].

Интерес представляет вопрос о соотношении категорий «взаимодействие» и «координация». В Конституции РФ рассматриваемые понятия не используются совместно. Однако употребляется устойчивое словосочетание «обеспечение согласованного функционирования и взаимодействия» (ч. 2 ст. 80, п. «е.5» ст. 83), что по смыслу означает реализацию полномочий координации [15]. Сказанное подтверждается ч. 2 ст. 2 Федерального закона от 08.12.2020 № 394-ФЗ, в соответствии с которой координация деятельности органов публичной власти представляет собой систему действий и решений, направленных на обеспечение их согласованного функционирования и взаимодействия [16].

Таким образом, координация выражается в отношениях согласования воли участников взаимодействия со стороны третьего лица – координатора. Соответственно, она является разновидностью взаимодействия. Вследствие этого нет оснований для признания обоснованным утверждения, что координация в отличие от взаимодействия реализуется между не подчиненными друг другу участниками отношений [17, с. 41]. Можно утверждать, что первое понятие выступает в качестве родовой категории относительно второго термина.

Взаимодействие является базовой сущностью всей общественной организации, оно лежит в основе возникновения государства и права как социальных явлений. В связи с этим можно утверждать, что данная категория выступает принципом (условием [18, с. 9]) построения и организации системы публичной власти, что обуславливает необходимость наличия основных ее постулатов в тексте Конституции РФ [19, с. 114]. Взаимодействие, являясь повторяющимся моментом, поддерживает устойчивость всей конструкции публичной власти [20, с. 1313].

Основной смысл вхождения органов государственной и муниципальной властей в единое организационно-функциональное объединение состоит в консолидации их усилий и ресурсов в целях обеспечения интересов населения. Стоящие перед всеми властными институтами задачи имеют взаимосвязанный характер, обусловленный единой природой публичной власти, в основе которой находится принцип народовластия. При этом объективно детерминированная сложноорганизованность системы публичной власти предполагает компетенционную дифференциацию как по горизонтали, так и по вертикали, что способствует более эффективному функционированию властного аппарата в целом. Данное обстоятельство свидетельствует о неизбежности сотрудничества всех элементов системы публичной власти как необходимом условии и предпосылке ее эффективности. Следует согласиться с утверждением о том, что в федеративном государстве субъекты Федерации могут реализовать свои полномочия исключительно во взаимодействии с федеральным центром, а местное самоуправление – во взаимодействии с государственной властью [21, с. 95].

Важность строго выверенного законодательного закрепления механизма взаимодействия элементов системы публичной власти обусловлена тем, что целью и результатом ее реализации является оказание влияния и изменение как непосредственно сторон соответствующего отношения, так и в целом фоновых социальных процессов и общественных

институтов [22, с. 30]. Как отмечает Г. В. Ф. Гегель, взаимодействие представляет собой взаимную причинность обуславливающих друг друга субстанций [23]. Соответственно, происходит качественное изменение состояния воздействуемого объекта, которым является конкретный орган публичной власти.

Понятие «взаимодействие в системе публичной власти» обладает множественными характеристиками, соотносящимися с разнообразием существа решаемых общественных задач. На характер и проявления исследуемого феномена влияют такие факторы, как особенности элементов публичной власти (уровни, ветви и формы); цели взаимодействия; субъекты инициации взаимодействия и т. п. Так, конкретным ветвям публичной власти соответствует приоритетность того или иного вида взаимодействия: судебной ветви – контрольное взаимодействие, исполнительной – субординационное и приказное, законодательной – сотрудничество. При этом логика последовательного развертывания концепции конституционного государства предполагает планомерное расширение использования в системе публичной власти взаимосвязей партнерства, подразумевающего кооперацию и компромисс. Так, Конституционный Суд в своем постановлении от 01.12.2015 № 30-П определяет взаимосвязь органов местного самоуправления с государственными структурами как согласованную деятельность на основе сотрудничества, координации, взаимного учета интересов [24].

В литературе по теории систем имеются различные классификации взаимодействия (связей) между элементами системы. Интерес представляют такие его разновидности, как: ненаправленные, направленные (только на одну сторону взаимодействия), прерывистые (непостоянные), односторонние, двусторонние, равноправные и неравноправные, внутренние и внешние (формальный подход); прямые и обратные (функциональный подход); нейтральные или статические (действие и противодействие являются равновеликими, что исключает какое-либо изменение) и функциональные (действие

и противодействие не равны, что приводит к реализации определенной функции одним из элементов) [10, с. 106–107].

Кроме того, в рамках социального взаимодействия выделяют такие его виды, как сотрудничество, конкуренция и конфликт [20, с. 1310]. Другие исследователи классифицируют социальное взаимодействие на основе критерия количества прямых и обратных связей между двумя его сторонами. Применительно к системе публичной власти можно выделить следующие уровни развития взаимосвязей: однонаправленное воздействие, не вызывающее ответной реакции (приказно-исполнительские отношения иерархического характера); однонаправленное воздействие, вызывающее изменения в поведении объекта воздействия и ответную реакцию, не направленную на изменения инициатора воздействия; взаимное изменение поведения друг друга на основе обратной связи (сотрудничество); взаимно направленное доверительное воздействие (принцип подобия) [22, с. 31–40].

В юридической литературе правовое взаимодействие подразделяют с точки зрения правового регулирования: на правотворческие (правообразовательные) и правореализационные взаимоотношения; по основаниям возникновения и особенностям развития: на принудительные и непринудительные; по отношению деятельности одного участника к деятельности другого: на юридические противодействие, содействие и нейтралитет [12, с. 14, 28–30].

В свою очередь, к формам взаимоотношений государственной и муниципальной властей относят: кооперацию; наделение отдельными полномочиями; создание совместных структур (координационных, консультационных, совещательных); государственный контроль и надзор; реализацию права законодательной инициативы и т. д. [25, с. 35–40].

Кроме того, отмечается, что система взаимосвязей властных структур может иметь различный характер. Так, в рамках публичного управления соответствующие отношения могут быть как иерархическими, так и гетерархическими [26, с. 83–84].

Л. Т. Чихладзе и А. А. Ларичев отмечают, что отношения органов государственной и муниципальной властей должны развиваться в смешанном (дуалистическом) режиме: как посредством координации (система согласованных действий и решений), так и субординации [27, с. 109]. О. А. Абрамов в контексте взаимодействия субъектов государственного управления различает такие его виды, как субординация (иерархия, соподчиненность), координация (взаимосвязь участников, находящихся на одном иерархическом уровне, при наличии координационного центра), кооперация (взаимодействие самостоятельных и равных субъектов для решения общей задачи на основе обмена навыками, информацией и технологиями) и реординация (вертикальное взаимодействие снизу вверх) [28, с. 16–18].

Применительно к взаимодействию органов государственной власти с органами местного самоуправления выделяют три механизма: влияние первых на вторые (нормативное регулирование, контроль за законностью деятельности, контроль за осуществлением переданных государственных полномочий, а также досрочное прекращение полномочий (отстранение от должности)); влияние органов местного самоуправления на государственные институты (законодательная инициатива, обращение с жалобами на действия органов государственной власти, обжалование в судебном порядке их актов); взаимодействие на паритетных началах (заключение договоров, участие в работе совместных органов) [29, с. 44–45].

В свою очередь, внешние выражения (формы) взаимодействия общества и государства классифицируют по следующим критериям: по количеству участников на: индивидуальные и групповые взаимодействия, а также со всем обществом в целом; по характеру принимаемых решений на: императивные, консультативные и информационные; по содержанию и характеру взаимодействия на: обмен информацией, совместное выявление и решение проблем, формирование права, экспертно-консультативная деятельность и общественный контроль [30, с. 131–132].

Что касается легальной классификации взаимодействия элементов системы публичной власти, то Конституционный Суд РФ в своем заключении от 16.03.2020 № 1-3 отметил, что единство системы публичной власти предполагает функциональное единство, а также организационное взаимодействие органов государственной и муниципальной власти при решении задач на соответствующей территории [31]. Следовательно, можно выделить два основных направления сотрудничества государственной власти и местного самоуправления: функциональное и организационное. В свою очередь, Федеральный закон от 08.12.2020 № 394-ФЗ дополняет правовую позицию Конституционного Суда, указывая на организационно-правовое, функциональное и финансово-бюджетное взаимодействия органов публичной власти.

Также в Федеральном законе от 21.12.2021 № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» имеется глава 9 «Взаимодействие органов публичной власти в субъекте Российской Федерации» [32], в понимании которой указанный феномен включает в себя такие аспекты, как: особенности двойного статуса сенатора (депутата регионального законодательного органа) в городах федерального значения и особенности выдвижения кандидата на должность высшего должностного лица; взаимодействие законодательного органа и исполнительных органов субъекта Федерации на основе принципа разделения властей; разрешение споров и урегулирование разногласий между органами публичной власти.

С учетом рассмотренного многообразия проявлений взаимодействия в системе публичной власти можно вести речь о различных ее классификационных дифференциациях путем выделения сфер реализации (формы публичной власти, участвующие во взаимоотношении), видов (родовые проявления) и форм (внутривидовая структуризация) взаимодействия.

В соответствии с данным методологическим подходом первоначально следует разграничивать сферы взаимодействия органов публичной власти между собой и взаимодействие

последних с представителями общественной власти. Во втором случае соответствующие взаимосвязи будут иметь односторонний характер, обусловленный реализацией принципа народовластия. В каждой из указанных сфер взаимодействия выделяются виды и формы. Так, с точки зрения направленности взаимосвязей и правового положения соответствующих субъектов можно вычленил такие виды, как субординационные (иерархические), контрольные (надзорные), организационные (учредительные), реординационные, функциональные (сотрудничества, кооперации), координационные, конкурентные и обеспечительные.

В свою очередь, каждый из указанных видов декомпозируется на определенные формы. В частности, в рамках субординационных взаимоотношений реализуются следующие формы: отношения в рамках вертикали исполнительной власти; осуществление Президентом общего руководства Правительством России; прямое руководство Президентом отдельными федеральными органами исполнительной власти; руководство Правительством России федеральными исполнительными структурами; руководство высшим должностным лицом исполнительной властью в субъекте РФ и т. д.

Реализация контрольных (надзорных) взаимодействий связана с существующей системой публичного контроля (надзора) в России, в рамках которого разграничиваются общественный контроль и контроль (надзор) органов публичной власти. Так, первый реализуется в следующих формах: общественный мониторинг, общественная проверка, общественная экспертиза, общественные обсуждения, общественные (публичные) слушания и др. При этом крайне важно, что завершение каждой из данных процедур должно выражаться в принятии итогового документа, обязательного к рассмотрению уполномоченным органом власти, по результатам которого принимается решение с обоснованием согласия (несогласия) с выдвинутыми предложениями (замечаниями). Именно в этом заключается решающий характер общественной публичной власти.

В свою очередь, государственный (муниципальный) контроль и надзор может осуществляться федеральными и региональными органами исполнительной власти, органами местного самоуправления, государственными корпорациями, публично-правовыми компаниями, а также другими властными институтами (Президент, Государственная Дума, органы прокуратуры, законодательные собрания субъектов РФ и т. д.): отмена главой государства акта Правительства России в случае их противоречия Конституции РФ, федеральным законам, указам и распоряжениям Президента; выражение недоверия правительству со стороны Государственной Думы и др.

Организационное (учредительное) взаимодействие в системе публичной власти направлено на формирование (участие в формировании) властных институтов, а также на прекращение их полномочий. Оно имеет следующие формы своего воплощения: выборы; формирование Правительства России и его отставка Президентом России; формирование Центральной избирательной комиссии главой государства, Советом Федерации и Государственной Думой; формирование высшего исполнительного органа субъекта Федерации губернатором; назначение на должность председателя, заместителя председателя и аудиторов контрольно-счетного органа муниципального образования представительным органом и т. д.

В свою очередь, реординационное взаимодействие характеризуется вверх направленным воздействием между иерархически подчиненными субъектами либо заключается в инициировании реализации властной компетенции со стороны внешнего субъекта. В качестве примеров подобного вида взаимосвязей можно указать на: отношения, возникающие при обращении уполномоченных представителей региональных подгрупп более чем половины субъектов РФ в Центральную избирательную комиссию с ходатайством о регистрации инициативной группы по проведению референдума и вопроса (вопросов) референдума; обращение органа власти к Президенту РФ для проведения

согласительной процедуры; обращение территориального органа федеральной исполнительной власти в вышестоящий орган и др.

Самой многочисленной группой являются функциональные взаимодействия властных субъектов. Формами реализации указанных взаимоотношений выступают случаи повседневного межведомственного сотрудничества (запрос информации, документационный оборот; участие в правовой процедуре решения конкретного общественного значимого вопроса (правотворческий процесс, осуществление совместных рейдов правоохранительными органами и т. д.); взаимодействие органов федерального, регионального и местного уровней власти на конкретной территории в целях решения общих отраслевых задач как отражение механизма децентрализации власти (например, права органов местного самоуправления на решение вопросов, не отнесенных к вопросам местного значения, и др.)).

Координационные взаимодействия в системе публичной власти характеризуются наличием определенного властного органа, выполняющего соответствующую функцию в отношении не зависимых друг от друга субъектов. К формам проявления данного вида взаимосвязей можно отнести осуществление функции арбитража Президентом России; координация губернаторами деятельности региональных исполнительных органов с иными органами государственной власти субъекта РФ и организация взаимодействия региональных исполнительных органов с федеральными органами исполнительной власти и их территориальными органами, органами местного самоуправления, иными органами; координация прокуратурой деятельности по борьбе с преступностью и др.

В свою очередь, конкурентные взаимодействия характеризуются элементом состязательности между властными институтами, а также возможностью взаимного блокирования или ограничения деятельности на правовой основе: отклонение принятого парламентом федерального закона Президентом РФ, отклонение принятого Государственной Думой федерального закона Советом Федера-

ции, неутверждение кандидатуры председателя или члена Правительства России Государственной Думой и др.

Обеспечительным взаимодействиям свойственна направленность на создание условий другому властному субъекту для полноценного осуществления возложенных на него полномочий. В данном случае речь идет о содействии в реализации компетенции другого органа власти. Соответствующая помощь может носить различный характер: финансовый, правовой, организационный, методический, информационный и др. Примерами обеспечительного взаимодействия являются межбюджетные отношения, сопровождаемые выделением трансфертов другим бюджетам бюджетной системы; дача Верховным Судом РФ разъяснений по вопросам судебной практики; обеспечение главой муниципального образования, возглавляющим местную администрацию, осуществления органами местного самоуправления полномочий по решению вопросов непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения и переданных государственных полномочий и др.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование в полной мере обеспечило достижение поставленной цели и выполнение обозначенных задач. Подводя итог, можно указать на следующие сформулированные выводы:

- взаимодействие в системе публичной власти представляет собой взаимную правовую связь и воздействие друг на друга ее элементов (уровней, ветвей, форм) или органов власти внутри одного элемента, непосредственно влияющих как на общую эффективность всей системы, так и на развитие каждого из них, и осуществляемых в целях удовлетворения интересов населения в пределах публично-правового образования;
- выделяются сферы реализации, виды и формы взаимодействия в системе публичной власти;
- сферами взаимодействия органов публичной власти являются их взаимосвязи между собой и с представителями общественной власти;

– с точки зрения направленности взаимосвязей в системе публичной власти и правового положения соответствующих субъектов выделяются следующие виды взаимодействия: субординационные, контрольные (надзорные), организационные (учредительные), реординационные, функциональные (сотрудничества, кооперации), координационные, конкурентные и обеспечительные;

– логика развертывания концепции конституционного государства предполагает расширение использования в системе публичной власти взаимосвязей партнерства, подразумевающего кооперацию и нахождение компромисса.

Список источников

1. Хабриева Т. Я., Клишас А. А. Тематический комментарий к Закону Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти». М. : Норма : ИНФРА-М, 2020. 240 с.
2. Кожевников О. А., Карасев А. Т. Нормативно-правовая регламентация взаимодействия между уровнями публичной власти как один из резервов повышения эффективности ее функционирования // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2024. Т. 24, № 2. С. 97–104. <https://doi.org/10.14529/law240214>.
3. Информация Конституционного Суда РФ «Актуальные конституционно-правовые аспекты обеспечения экономической, политической и социальной солидарности: к 30-летию Конституции Российской Федерации (на основе решений Конституционного Суда Российской Федерации 2020–2023 годов)» (одобрено решением Конституционного Суда РФ от 14.11.2023). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
4. По делу о проверке конституционности положений статьи 3.3 Федерального закона «О введении в действие Земельного кодекса Российской Федерации», пункта 18 части 1, частей 3 и 4 статьи 14 и пункта 14 части 1 статьи 15 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», статей 10 и 51 Федерального закона «Об охране окружающей среды», пункта 1 статьи 22 Федерального закона «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения», пункта 2 статьи 9 и пунктов 1 и 2 статьи 13 Федерального закона «Об отходах производства и потребления», а также пунктов 16–18 Правил обращения с твердыми коммунальными отходами в связи с жалобами муниципального образования «Городское поселение город Козьмодемьянск

Проведенное исследование и сделанные по его итогам выводы, безусловно, дополняют существующий научный контекст в части развития терминологического понимания соответствующей проблематики, систематизации представлений о различных проявлениях взаимодействия в рамках публичной власти, а также ориентирования законодателя и правоприменителя на расширение практики использования партнерских отношений властных субъектов на основе взаимовыгодного сотрудничества, гарантирующего достижение общей цели обеспечения прав и свобод человека и гражданина.

References

1. Khabrieva T. Ya., Klishas A. A. Tematicheskiy kommentariy k Zakonu Rossiyskoy Federatsii o popravke k Konstitutsii Rossiyskoy Federatsii ot 14.03.2020 No. 1-FKZ “O sovershenstvovanii regulirovaniya otdelnykh voprosov organizatsii i funktsionirovaniya publichnoy vlasti”. Moscow: Norma: INFRA-M; 2020. 240 p. (In Russ.).
2. Kozhevnikov O. A., Karasev A. T. Legal regulation of interaction between levels of public authority as one of the reserves for improving the efficiency of its functioning. *Bulletin of the South Ural State University. Series “Law”*. 2023;24(2):97–104. <https://doi.org/10.14529/law240214>. (In Russ.).
3. Information from the Constitutional Court of the Russian Federation “Current constitutional and legal aspects of ensuring economic, political and social solidarity: On the 30th anniversary of the Constitution of the Russian Federation (based on decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation 2020–2023)” (approved by the decision of the Constitutional Court of the Russian Federation dated November 14, 2023). Accessed through Law assistance system “Consultant Plus”. (In Russ.).
4. In the case concerning the verification of the constitutionality of the provisions of Art. 3.3 of the Federal Law “On the Implementation of the Land Code of the Russian Federation”, para. 18 of Part 1, parts 3 and 4 of Art. 14 and para. 14 of Part 1 of Art. 15 of the Federal Law “On General Principles of Local Self-Government in the Russian Federation”, Arts. 10 and 51 of the Federal Law “On Environmental Protection”, para. 1 of Art. 22 of the Federal Law “On the Sanitary and Epidemiological Welfare of the Population”, para. 2 of Art. 9 and paras. 1 and 2 of Art. 13 of the Federal Law “On Production and Consumption Waste”, as well as paras. 16–18 of the Rules for Handling Municipal Solid Waste in connection with the complaints of the municipality “Urban Settlement of the Town of Kozmodemskiy, Krasnoyarsk Krai” and the Administration of the Novosibirsk District,

- Кежемского муниципального района Красноярского края» и администрации Новосибирского района Новосибирской области : постановление Конституционного Суда РФ от 30.05.2023 № 27-П. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
- По делу о проверке конституционности отдельных положений федеральных законов «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы : постановление Конституционного Суда РФ от 24.12.2012 № 32-П. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
  - Комарова В. В. Взаимодействие в системе публичной власти в Российской Федерации // Народовластие как конституционная ценность: правовое регулирование и гарантии реализации / отв. ред. В. А. Виноградов, А. А. Ларичев. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. С. 135–143.
  - Федулов Ю. Г., Юсов А. Б. Теория систем. М. ; Берлин : Директ-Медиа, 2015. 367 с.
  - Философия. 6-е изд., перераб. и доп. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2017. 671 с.
  - Взаимодействие. URL: <https://gramota.ru/poisk?query=%D0%B2%D0%B7%D0%B0%D0%B8%D0%BC%D0%BE%D0%B4%D0%B5%D0%B9%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%B8%D0%B5&mode=all> (дата обращения: 10.01.2026).
  - Теория систем и системного анализа. Рыбинск, 2015. 360 с.
  - Розанов Ф. И. Основы теории систем. Ульяновск : УлГТУ, 2024. 239 с.
  - Панченко В. Ю. Правовое взаимодействие как вид социальной коммуникации: теоретико-правовое исследование : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2016. 54 с.
  - Кожевников О. А. Категория «взаимодействие» в рамках формируемой единой системы публичной власти в РФ // Алтайский юридический вестник. 2023. № 3. С. 49–55.
  - Хижняк В. С. Конституционный принцип согласованного функционирования и взаимодействия органов публичной власти в Российской Федерации: внешнеполитический аспект // Внешнеполитические интересы России: история и современность : сб. материалов XIII Всерос. науч. конф., 24 апреля 2025 г., г. Самара. Самара : Самарама, 2025. С. 216–223.
  - Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
  - О Государственном Совете Российской Федерации : федеральный закон от 08.12.2020 № 394-ФЗ. Доступ из СПС «Гарант».
  - Novosibirsk Oblast: Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 27-P dated May 30, 2023. Accessed through Law assistance system “Consultant Plus”. (In Russ.).
  - In the case of checking the constitutionality of certain provisions of federal laws “On general principles of organization of legislative (representative) and executive bodies of state power of the constituent entities of the Russian Federation” and “On basic guarantees of electoral rights and the right to participate in a referendum of citizens of the Russian Federation” in connection with a request from a group of deputies of the State Duma: Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 32-P of December 24, 2012. Accessed through Law assistance system “Consultant Plus”. (In Russ.).
  - Komarova V. V. Vzaimodeystvie v sisteme publichnoy vlasti v Rossiyskoy Federatsii. In: V. A. Vinogradov, A. A. Larichev, eds. Narodovlastie kak konstitutsionnaya tsennost: pravovoe regulirovanie i garantii realizatsii. Moscow: Izd. dom Vyshey shkoly ekonomiki; 2021. p. 135–143. (In Russ.).
  - Fedulov Yu. G., Yusov A. B. Teoriya sistem. Moscow/Berlin: Direkt-Media; 2015. 367 p. (In Russ.).
  - Filosofiya. 6th ed., rev. Moscow: YUNITI-DANA; 2017. 671 p. (In Russ.).
  - Vzaimodeystvie. URL: <https://gramota.ru/poisk?query=%D0%B2%D0%B7%D0%B0%D0%B8%D0%BC%D0%BE%D0%B4%D0%B5%D0%B9%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%B8%D0%B5&mode=all> (accessed: 10.01.2026). (In Russ.).
  - Teoriya sistem i sistemnogo analiza. Rybinsk; 2015. 360 p. (In Russ.).
  - Rozanov F. I. Osnovy teorii sistem. Ulyanovsk: USTU; 2024. 239 p. (In Russ.).
  - Panchenko V. Yu. Pravovoe vzaimodeystvie kak vid sotsialnoy kommunikatsii: teoretiko-pravovoe issledovanie. Extended abstract of Doctoral Thesis (Law). Moscow; 2016. 54 p. (In Russ.).
  - Kozhevnikov O. A. Category “interaction” within the framework of the unified system of public power being formed in the Russian Federation. *Altajskij juridicheskij vestnik*. 2023;(3):49–55. (In Russ.).
  - Khizhnyak V. S. Konstitutsionnyy printsip soglasovannogo funktsionirovaniya i vzaimodeystviya organov publichnoy vlasti v Rossiyskoy Federatsii: vneshnepoliticheskiy aspekt. In: *Proceedings of the 13th All-Russian Scientific Conference “Vneshnepoliticheskie interesy Rossii: istoriya i sovremennost”*, April 24, 2025, Samara. Samara: Samarama; 2025. p. 216–223. (In Russ.).
  - The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993, with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020). Accessed through Law assistance system “Consultant Plus”. (In Russ.).
  - On the State Council of the Russian Federation: Federal Law No. 394-FZ of December 8, 2020. Accessed through Law assistance system “Garant”. (In Russ.).

17. Максуров А. А. Координация и взаимодействие в праве: взаимосвязи и различия // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2015. № 4–2. С. 41–43.
18. Суходольский Г. М. Конституционно-правовые основы взаимодействия в системе государственной власти Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2019. 29 с.
19. Балытников В. В., Гришконец А. А., Сергеев А. А. и др. Взаимодействие органов публичной власти в современных условиях // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2020. № 2. С. 112–117. <https://doi.org/10.18384/2310-6794-2020-2-112-117>.
20. Морозов В. А. Взаимодействие: понятие, виды и свойства // Креативная экономика. 2015. Т. 9, № 10. С. 1309–1318. <https://doi.org/10.18334/ce.9.10.1961>.
21. Рыбкина М. В., Ларюгина Ю. Ю. Механизмы обеспечения согласованного функционирования и взаимодействия органов публичной власти в Российской Федерации // Ленинградский юридический журнал. 2024. № 3. С. 92–109. https://doi.org/10.35231/18136230_2024_3_92.
22. Ковалев В. Г. Типы социального взаимодействия и социальное творчество // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Философские науки. 2015. № 2. С. 30–41.
23. Гегель Г. В. Ф. Сочинения. М. ; Берлин : Директ-Медиа, 2018. Т. 1. 816 с.
24. По делу о проверке конституционности частей 4, 5 и 5.1 статьи 35, частей 2 и 3.1 статьи 36 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» и части 1.1 статьи 3 Закона Иркутской области «Об отдельных вопросах формирования органов местного самоуправления муниципальных образований Иркутской области» в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы : постановление Конституционного Суда РФ от 01.12.2015 № 30-П. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
25. Трусов Н. А., Цветков В. В. Отсутствие конституционно-правового регулирования форм взаимодействия органов государственной власти и органов местного самоуправления как негативный фактор в обеспечении социальных прав и свобод граждан // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2020. № 2. С. 35–40.
26. Спиридонов П. Е. Публичное управление в период правового постмодернизма // Lex Russica. 2022. Т. 75, № 11. С. 79–89. <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2022.192.11.079-089>.
27. Чихладзе Л. Т., Ларичев А. А. К вопросу о взаимодействии органов государственной власти и местного самоуправления в единой публичной власти // Муниципальная власть в современном мире : сб. материалов науч.-практ. форума, 19–27 апреля 2023 г.,
17. Maksurov A. A. Koordinatsiya i vzaimodeystvie v prave: vzaimosvyazi i razlichiya. *Aktualnye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk*. 2015;(4–2):41–43. (In Russ.).
18. Sukhodolskiy G. M. Konstitutsionno-pravovye osnovy vzaimodeystviya v sisteme gosudarstvennoy vlasti Rossiyskoy Federatsii. Extended abstract of Cand. Sci. Thesis (Law). Kazan; 2019. 29 p. (In Russ.).
19. Balytnikov V. V., Grishkovets A. A., Sergeev A. A. et al. Public authorities interaction under modern conditions. *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Jurisprudence*. 2020;(2):112–117. <https://doi.org/10.18384/2310-6794-2020-2-112-117>. (In Russ.).
20. Morozov V. A. The interaction: Concept, types and features. *Creative Economy*. 2015;9(10):1309–1318. <https://doi.org/10.18334/ce.9.10.1961>. (In Russ.).
21. Rybkina M. V., Laryugina Yu. Y. Mekhanizmy obespecheniya soglasovannogo funktsionirovaniya i vzaimodeystviya organov publichnoy vlasti v Rossiyskoy Federatsii. *Leningrad Legal Journal*. 2024;(3):92–109. https://doi.org/10.35231/18136230_2024_3_92. (In Russ.).
22. Kovalev V. G. Types of social interaction and social creativity. *Bulletin of the Moscow City Pedagogical University. Series "Pedagogy and Psychology"*. 2015;(2):30–41. (In Russ.).
23. Gegel G. V. F. Sochineniya. Moscow/Berlin: Direkt-Media; 2018. Vol. 1. 816 p. (In Russ.).
24. On the case of verifying the constitutionality of parts 4, 5 and 5.1 of Art. 35, parts 2 and 3.1 of Art. 36 of the Federal Law “On General Principles of Local Self-Government Organization in the Russian Federation” and part 1.1 of Art. 3 of the Law of the Irkutsk Region “On Certain Issues of Forming Local Self-Government Bodies of Municipal Formations of the Irkutsk Oblast” in connection with the request of a group of State Duma deputies: Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 30-P dated December 1, 2015. Accessed through Law assistance system “Consultant Plus”. (In Russ.).
25. Trusov N., Tsvetkov V. The lack of constitutional and legal regulation of the forms of interaction between state authorities and local authorities as a negative factor in ensuring the social rights and freedoms of citizens. *Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2020;(2):35–40. (In Russ.).
26. Spiridonov P. E. Public administration in the time of legal postmodernism. *Lex Russica*. 2022;75(11):79–89. <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2022.192.11.079-089>. (In Russ.).
27. Chikhladze L. T., Larichev A. A. K voprosu o vzaimodeystvii organov gosudarstvennoy vlasti i mestnogo samoupravleniya v edinoy publichnoy vlasti. In: *Proceedings of the Research-to-Practice Forum “Munitsipalnaya vlast v sovremennom mire”*, April 19–27, 2023, Moscow. Moscow: RUDN University; 2023. p. 106–112. (In Russ.).

- г. Москва. М. : Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, 2023. С. 106–112.
28. Абрамов О. А. О классификации видов взаимодействия субъектов государственного управления // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2015. № 2. С. 15–19.
  29. Ханов Н. В. Механизмы взаимодействия органов государственной власти и органов местного самоуправления // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2016. № 1–3. С. 40–46.
  30. Пеструилов А. С. Понятие и классификация форм взаимодействия власти и общества // Общество и право. 2019. № 4. С. 129–132.
  31. О соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти», а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу статьи 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации : заключение Конституционного Суда РФ от 16.03.2020 № 1-3. Доступ из СПС «Гарант».
  32. Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации : федеральный закон от 21.12.2021 № 414-ФЗ. Доступ из СПС «Гарант».
  28. Abramov O. A. Classification of types of interaction between entities of public administration. *Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2015;(2):15–19. (In Russ.).
  29. Khanov N. V. Mekhanizmy vzaimodeystviya organov gosudarstvennoy vlasti i organov mestnogo samoupravleniya. *International Journal of Humanities and Natural Sciences*. 2016;(1–3):40–46. (In Russ.).
  30. Pestruirov A. S. Ponyatie i klassifikatsiya form vzaimodeystviya vlasti i obshchestva. *Obshchestvo i pravo*. 2019;(4):129–132. (In Russ.).
  31. On the compliance of the provisions of Chapters 1, 2 and 9 of the Constitution of the Russian Federation with the provisions of the Law of the Russian Federation on Amendment to the Constitution of the Russian Federation “On Improving the Regulation of Certain Issues of the Organization and Functioning of Public Authority” that have not entered into force, as well as on the compliance of the procedure for entry into force of Article 1 of this Law with the Constitution of the Russian Federation in connection with the request of the President of the Russian Federation: Opinion of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 1-Z dated March 16, 2020. Accessed through Law assistance system “Garant”. (In Russ.).
  32. On the general principles of organizing public authority in the constituent entities of the Russian Federation: Federal Law No. 414-FZ of December 21, 2021. Accessed through Law assistance system “Garant”. (In Russ.).

Информация об авторе

М. С. Басиев – кандидат юридических наук, доцент;
m.basi@mail.ru

About the author

M. S. Basiev – Candidate of Sciences (Law), Docent;
m.basi@mail.ru

Научная статья

УДК 343.13(470+571)

<https://doi.org/10.35266/2949-3455-2026-2-9>

Некоторые проблемы обжалования судебных решений, выносимых на досудебных стадиях уголовного процесса

Алина Ахатовна Зимасова

Институт права Уфимского университета науки и технологий, Уфа, Россия

Коллегия адвокатов Республики Башкортостан «АртЛекс», Уфа, Россия

Аннотация. Предметом исследования являются проблемы, связанные с обжалованием судебных решений, выносимых на досудебных стадиях уголовного процесса.

Цель – изучить процедуру пересмотра промежуточных решений, подлежащих и не подлежащих самостоятельному обжалованию.

Задача заключалась в проведении анализа теоретических положений, различных мнений ученых-процессуалистов и практиков для определения проблем, связанных с судебной-контрольной деятельностью на стадиях возбуждения уголовного дела и предварительного расследования.

Методологическая база представлена общенаучными и частно-научными методами, особое внимание уделяется формально-логическому и сравнительно-правовому методам.

Делается вывод, что недопустимо рассмотрение одних и тех же обстоятельств одновременно (параллельно) в ходе рассмотрения дела по существу и при пересмотре промежуточного судебного решения, принятого в досудебном производстве.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, независимость судей, инстанционность, законность

Для цитирования: Зимасова А. А. Некоторые проблемы обжалования судебных решений, выносимых на досудебных стадиях уголовного процесса // Вестник Сургутского государственного университета. 2026. Т. 14, № 2. С. 104–111. <https://doi.org/10.35266/2949-3455-2026-2-9>.

Original article

Some issues with appeal against court decisions made at pre-trial stages of criminal proceedings

Alina A. Zimasova

Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia

Bar Association “ArtLex” of the Republic of Bashkortostan, Ufa, Russia

Abstract. The subject of the study is the problems associated with the appeal against court decisions made at the pre-trial stages of criminal proceedings.

The goal is to study the procedure for revising interim decisions that are subject and not subject to independent appeal.

The objective is to examine theoretical frameworks, diverse viewpoints from procedural scholars, and practical experiences to identify challenges within judicial oversight during the commencement and preliminary investigative phases of criminal proceedings.

The methodological base is represented by general scientific and private scientific methods; special attention is paid to formal-logical and comparative-legal methods.

It has been determined that considering the same circumstances simultaneously, during both the hearing on the merits and the review of an interim pre-trial court decision, is not adequate.

Keywords: criminal proceedings, judicial independence, division of courts into instances, legality

For citation: Zimasova A. A. Some issues with appeal against court decisions made at pre-trial stages of criminal proceedings. *Surgut State University Journal*. 2026;14(2):104–111. <https://doi.org/10.35266/2949-3455-2026-2-9>.

ВВЕДЕНИЕ

Деятельность суда в досудебном производстве по уголовным делам сводится к судебному контролю за законностью действий и решений органов предварительного расследования. Судебный контроль за досудебным производством в том виде, в котором он сейчас осуществляется, является особенностью российского уголовного процесса. Участие суда в досудебном производстве инициируется в определенных случаях должностным лицом для получения разрешения на ограничение конституционных прав или лицом, которое считает, что его права и свободы незаконно нарушены, ограничены.

Пределы судебного контроля расширяются, в связи с чем повышается актуальность исследований в данной области. Отличие данной судебной деятельности от рассмотрения дела по существу имеет немаловажное значение, поскольку позволяет суду принимать промежуточные решения, не предрешая судьбу уголовного дела. Однако отсутствие регламентации порядка их обжалования приводит к необходимости применять общие положения по аналогии с учетом специфики обжалуемых судебных решений.

Судебные решения, вынесенные в досудебном производстве, можно разделить на три категории в зависимости от порядка их обжалования:

1) не подлежащие самостоятельному обжалованию (п. 5 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации (ПП ВС РФ) № 26) [1];

2) подлежащие самостоятельному обжалованию (но только до передачи дела в суд первой инстанции для рассмотрения по существу);

3) подлежащие самостоятельному обжалованию и после поступления дела в суд первой инстанции для рассмотрения по существу.

Первая категория предполагает, что некоторые промежуточные решения нецелесообраз-

но обжаловать самостоятельно, для защиты прав и интересов достаточно предоставления права на их обжалование вместе с итоговым судебным решением. Поскольку при рассмотрении дела по существу суд также оценивает действия и решения органов предварительного расследования и прокуратуры с точки зрения законности и обоснованности, а ранее принятые промежуточные судебные решения не имеют преюдициального значения.

Вторая категория предусматривает, что переход уголовного дела в судебную стадию препятствует, по общему правилу, дальнейшему рассмотрению жалоб, поданных в порядке ст. 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ), так как они должны войти в уже предмет рассмотрения судом первой инстанции, когда суд рассматривает дело по существу.

Исключительной является третья группа, когда процессуальные действия и решения должностных лиц органов уголовного преследования порождают последствия, выходящие за пределы процессуальных отношений, и существенно ограничивают конституционные права и свободы, а выявление впоследствии судом нарушений при рассмотрении дела по существу уже не может способствовать возмещению допущенного ущерба [2, 3].

К исключениям, обжаловать законность которых можно вне зависимости от стадии и наличия итогового решения по делу, относятся решения: об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, применения запрета определенных действий или о продлении срока действия этих мер, о помещении лица в медицинский или психиатрический стационар для производства судебной экспертизы.

Своим постановлением Конституционный Суд Российской Федерации признал положения ст. 389.2 УПК РФ не соответствующими Конституции Российской Федерации, поскольку на тот момент не была

предусмотрена возможность самостоятельного обжалования судебного отказа в удовлетворении ходатайства об отмене меры пресечения в виде залога или изменения ее на более мягкую [4]. Изменения внесены в УПК РФ и в вышеуказанное ПП ВС РФ. Список промежуточных судебных решений, подлежащих самостоятельному обжалованию, расширился.

Постановлением Пленума была сформирована позиция, что недопустимо какое бы то ни было вмешательство в деятельность судов при отправлении правосудия, в том числе и со стороны вышестоящих судов. Согласно общему правилу, промежуточное судебное решение, принятое в досудебном производстве и вступившее в силу, подлежит кассационному пересмотру только до передачи уголовного дела в суд для его рассмотрения по существу [5]. Иное считается неприемлемым вмешательством, поскольку вышестоящий суд своим решением может ограничить независимость судей, рассматривающих дело. Данная позиция применима и к апелляционному пересмотру.

Конституционный Суд РФ указал, что пересмотр ранее принятых промежуточных судебных решений не ограничивает независимость судей, поскольку решения, принимаемые судом до вынесения приговора, напрямую не взаимосвязаны с вопросом о виновности лица [2].

По общему правилу, для пересмотра указанного промежуточного решения важно, чтобы уголовное дело не было передано в суд для его рассмотрения по существу. Логично, что в противном случае при параллельном рассмотрении одних и тех же обстоятельств разными инстанциями неизбежно бы возникали противоречия в судебных решениях. В настоящее время на законодательном уровне полностью не решен вопрос, связанный с потенциальной возможностью вынесения двух противоречащих друг другу решений.

Проблема заключается в том, что судебный контроль не должен предрешать вопросы виновности лица, однако судебные решения вышестоящих инстанций, принятые

в ходе пересмотра промежуточных решений, не могут не повлиять на судебское усмотрение в части признания законного ограничения конституционных прав. Не вторгаясь в вопросы виновности, суды подтверждают обоснованность тех или иных процессуальных действий, тем самым косвенно подтверждая обоснованность всего уголовного преследования.

Н. Г. Муратова и М. А. Подольский указывают на процедурный момент возможности принятия судом решения в период действия другого неотмененного судебного решения по данному же вопросу. По их мнению, нужно ввести запрет на принятие новых судебных решений в период, пока не истечет срок на обжалование ранее принятых судебных решений по тем же обстоятельствам. Иначе нарушается «принцип свободы обжалования процессуальных действий» [6, с. 130].

Из этого следует, что дело не может быть передано в суд или не может быть вынесено по нему итоговое решение, пока, к примеру, вышестоящая инстанция не проверит обоснованность жалобы, поданной в порядке ст. 125 УПК РФ. Слабость предложенного Н. Г. Муратовой и М. А. Подольским подхода видится в том, что участники процесса получают возможность искусственно затягивать движение дела, оспаривая ранее принятые определения и постановления суда. Если согласиться с тем, что суд первой инстанции лишен права начать разбирательство по существу до завершения проверки всех обжалованных промежуточных решений, то неизбежно встает вопрос о признании за актами вышестоящих судов свойства преюдициальности. Однако закон не наделяет промежуточные судебные решения такой силой. Цели и предмет судебного контроля на досудебных стадиях и при итоговом разбирательстве кардинально различаются, поэтому решения, принятые при рассмотрении жалоб, не могут предопределять содержание приговора.

Однако это не мешает суду первой инстанции при рассмотрении дела оценить доводы сторон, которые не согласны с ранее принятыми промежуточными решениями.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Методологическую основу исследования составляют диалектический, логический, системный, сравнительно-правовой, формально-юридический методы.

В работе исследуется совокупность уголовно-процессуальных отношений, возникающих при принятии и пересмотре судебных решений в досудебном производстве. Изучены законодательные и иные правовые акты, правовые позиции Конституционного Суда РФ, судебная практика и мнения ученых по теме исследования.

Целью и задачей было на основе изученных материалов провести анализ правового значения судебных решений, выносимых на досудебных стадиях уголовного процесса, проблемы, возникающие при их пересмотре.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Конституционный Суд РФ анализировал перечень судебных решений, принятых в досудебном производстве, которые подлежат самостоятельному пересмотру [3, 7, 8]. Так, самостоятельная проверка законности и обоснованности решений и действий (бездействия) должностных лиц, имевших место на досудебных стадиях, после вступления приговора в силу также не предусмотрена, так как фактически подменяла бы установленный порядок принятия решений по уголовным делам на различных стадиях уголовного судопроизводства (за некоторыми исключениями). Если у сторон нет намерения обжаловать приговор, то нет необходимости оспаривать законность отдельных процессуальных действий. Если же незаконные действия легли в основу приговора, то доводы об этом должны быть изложены в апелляционной жалобе на приговор, а не обжаловаться отдельно.

По нашему мнению, процессуальная сложность в процедуре обжалования промежуточных судебных решений заключается, во-первых, в необходимости соблюдения требований инстанционности, когда решения судов различных уровней не могут противоречить друг другу и требуется отмена несоответствующих решений вышестоящей инстанцией с целью

устранения противоречий; во-вторых, до вынесения судом приговора в судебных решениях не должен предрешаться вывод по существу уголовного дела (аналогично при отмене решения и возвращении уголовного дела в нижестоящий суд – суд должен самостоятельно вынести решение по существу уголовного дела (если суд не принимает итоговое решение, то он не вправе формировать правовую позицию по делу)); в-третьих, оперативный характер промежуточных судебных решений по результатам судебного контроля и существенность ограничений прав, которые предписывают такие решения, требуют предоставления права на незамедлительное обжалование или как минимум в разумный срок.

Сроки рассмотрения дела по существу не установлены в законе, поэтому диапазон времени, за который суд первой инстанции рассмотрит дело, достаточно широкий. Согласно официальной статистике, учету подлежит количество дел, рассматриваемых первой инстанцией в диапазоне свыше 1,5 мес. до 3 мес.; свыше 3 мес. до 1 года; свыше 1 года до 2 лет; свыше 2 лет до 3 лет; свыше 3 лет, далее срок не детализируется [9]. На практике нередко встречаются случаи, когда судебное разбирательство затягивается на многие годы. На этот срок и откладывается обжалование промежуточных судебных решений, принятых по итогам рассмотрения незаконных действий и решений органов предварительного расследования. Без уголовного дела промежуточные судебные решения не могут самостоятельно быть пересмотрены, поскольку дело уже находится в производстве суда. В итоговом решении или в промежуточном, но не подлежащем самостоятельному обжалованию, будут отражены рассмотренные жалобы на действия и решения должностных лиц, оценены доказательства (п. 9 ПП ВС РФ № 1).

Независимо от итогового решения по делу самостоятельному обжалованию подлежат: жалобы заявителей без процессуального статуса лиц, которые не участвуют в деле; если жалобы о признании действий незаконными не входят в пределы проверки судом первой

инстанции; если вопросы касаются преступных действий должностных лиц, осуществлявших предварительное расследование; если оспаривается законность избрания меры пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, применения запрета определенных действий, решения о продлении срока действия этих мер либо о помещении лица в медицинский или психиатрический стационар для производства судебной экспертизы.

Разъяснения ВС РФ о возможности самостоятельного рассмотрения жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ и порядка их обжалования являются положительными при наличии большого количества вопросов в связи с потенциальной конкуренцией правовых оценок по делу (так как одни и те же обстоятельства будут подлежать непоследовательному изучению судами различных инстанций). В целях эффективности судебного контроля и своевременности реагирования на нарушения мы считаем это допустимым.

Данные разъяснения Пленума ВС РФ не решают практической проблемы, с которой сталкивается заявитель, а именно с затягиванием сроков разрешения жалобы. До рассмотрения жалобы в порядке ст. 125 УПК РФ предварительное расследование может быть завершено, а принятие судом дела к рассмотрению по существу препятствует самостоятельному рассмотрению жалобы.

Таким образом, может быть затягивание процедуры выявления нарушений, злоупотреблений со стороны лиц, осуществляющих уголовное преследование, а восстановление прав заявителя переносится на более поздний период, когда лицо может утратить интерес к защите своих законных прав. В таком случае заявителю необходимо ждать рассмотрения всего дела с целью последующего обжалования промежуточного решения совместно с приговором. Не исключено, что суд при рассмотрении дела по существу, исследовав материалы уголовного дела в полном объеме, выявит нарушения, которые были на досудебных стадиях, и примет решение с учетом этих данных. На это и рассчитывал законодатель, что суд, рассматривая

дело целиком, обладает большим объемом полномочий и непосредственно сам может рассмотреть ходатайства стороны защиты и иных участников, указывающих о нарушении их прав.

В любом случае считаем, что суд, понимая ограниченность сроков, должен оперативно осуществить свои контрольные полномочия, особенно это касается передачи материалов до окончания предварительного расследования в вышестоящий суд для дальнейшего пересмотра промежуточного судебного решения. Особенно актуально это для пересмотра решений по жалобам, поданным в порядке ст. 125, 125.1 УПК РФ; и для предотвращения затягивания предварительного расследования, например при обжаловании отказа в судебном санкционировании следственного действия (ч. 1–4 ст. 165 УПК РФ).

В. Н. Курченко отметил, что в суде лица с административными, организационными полномочиями несут ответственность за принятие мер по организации и управлению процессом рассмотрения дел таким образом, чтобы это служило назначению уголовного судопроизводства (без вторжения в судебную деятельность, без вмешательства в независимость судей) [10]. Организационные моменты лежат за пределами уголовно-процессуального законодательства, тем более что не все процессуальные сроки регламентированы в УПК РФ.

Н. Г. Муратова и М. А. Подольский выделяют, наравне с законностью, обоснованностью и мотивированностью, требование своевременности применительно к промежуточному судебному решению [6, с. 56].

При обжаловании судебных решений, принятых в ходе судебного контроля, ч. 1 ст. 389.8 УПК РФ не применяется. Обжалование не приостанавливает их исполнение, поскольку проведение процессуальных действий по своей правовой природе подразумевает их безотлагательность [11].

Некоторые процессуалисты отмечают, что обжалование промежуточных судебных решений (подлежащих самостоятельному обжалованию) также не приостанавливает основное судебное разбирательство по делу

(ч. 4 ст. 389.2 УПК РФ), а вместе с тем пересмотр может занимать длительное время, и есть вероятность, что приговор по делу будет вынесен раньше, чем принято решение по итогам обжалования промежуточного решения [12, с. 148]. Для недопущения такой ситуации Пленум ВС РФ разъяснил, что в судах апелляционной и кассационной инстанций, когда выясняется, что расследование окончено и дело передано в суд, судья не рассматривает жалобу по правилам ст. 125 УПК РФ – производство по жалобе подлежит прекращению (п. 9 ПП ВС РФ № 1). Это не умаляет значения судебного контроля, который гарантирует право на доступ к правосудию на досудебной стадии [13, с. 50].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. Промежуточные решения, которые принимаются в результате контрольной деятельности суда за возбуждением уголовного дела и предварительным расследованием, имеют самостоятельное значение. Влияние промежуточных судебных решений на права и обязанности участников уголовно-процессуальных отношений оказывается до принятия судом дела к своему производству. Ограничение конституционных прав напрямую связано с уголовным делом, промежуточные судебные решения позволяют достичь назначения уголовного судопроизводства, но при этом предмет их рассмотрения может не рассматриваться в последующем в суде первой инстанции.

Ограниченный характер допустимого вмешательства независимой судебной власти в досудебное производство не должен препятствовать доступу к правосудию (к судебной защите) тех лиц, чьи права существенно ограничиваются и (или) потенциально могут быть нарушены, особенно это касается лиц, которые не имеют процессуального статуса, поименованного в законе.

Список источников

1. О применении норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде апелляционной инстанции : постановление Пленума Верховного Суда РФ

2. Проблемой является конкуренция судебных решений при параллельном рассмотрении судами разных уровней правомерности действий должностных лиц правоохранительных органов (в рамках уголовного дела и при самостоятельном обжаловании). Для обеспечения оперативного восстановления нарушенных прав и соблюдения принципа независимости судей, правил инстанцииности необходимо детализировать перечень вопросов, которые могут быть разрешены промежуточным судебным решением автономно от итогового и исполняться, а следовательно, и обжаловаться самостоятельно.

3. Судебный контроль в любом случае должен оставаться оперативной мерой реагирования на (потенциальную) угрозу неправомерного ограничения конституционных прав и свобод лиц, задействованных в уголовном процессе. Эффективность правосудия напрямую зависит от сроков рассмотрения не только самого дела, но и от сроков пересмотра промежуточных судебных решений в апелляционном и кассационном порядках; целесообразно, чтобы решения были приняты до завершения предварительного расследования.

4. Промежуточные судебные решения имеют силу судебного акта и являются обязательными к исполнению. Наличие двух решений суда, вступивших в законную силу и противоречащих друг другу, недопустимо. Стоит учитывать, что суд, рассматривая дело по существу, оценивает доказательства, признанные законно полученными на момент расследования (ч. 5 ст. 165 УПК РФ), в общей совокупности с остальными материалами дела, не отдавая им предпочтения (ст. 17 УПК РФ).

Следовательно, в промежуточных судебных решениях не может быть указано на доказанность вины, так как это вопрос исключительно итогового судебного разбирательства.

References

1. On the application of the provisions of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation governing proceedings in the appellate court: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian

- от 27.11.2012 № 26 (ред. от 27.06.2023). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
2. По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 331 и 464 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами ряда граждан : постановление Конституционного Суда РФ от 02.07.1998 № 20-П. Доступ из СПС «Гарант».
  3. По делу о проверке конституционности положений статьи 133, части первой статьи 218 и статьи 220 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами граждан В. К. Борисова, Б. А. Кехмана, В. И. Монастырецкого, Д. И. Фуфлыгина и общества с ограниченной ответственностью «Моноком» : постановление Конституционного Суда РФ от 23.03.1999 № 5-П. Доступ из СПС «Гарант».
  4. По делу о проверке конституционности положений статей 106, 110 и 389.2 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С. А. Филиппова : постановление Конституционного Суда РФ от 17.06.2021 № 29-П. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
  5. О применении норм главы 47.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде кассационной инстанции : производство Пленума Верховного Суда РФ от 25.06.2019 № 19 (ред. от 29.06.2021). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
  6. Муратова Н. Г., Подольский М. А. Судебные решения в досудебном производстве по уголовному делу (понятие, виды, содержание, механизм принятия) : моногр. Казань : ООО АКП им. Е. Сурьянинова, 2007. 144 с.
  7. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Славского Валерия Владимировича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 389.2 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 25.05.2017 № 967-О. Доступ из СПС «Гарант».
  8. Об отказе в принятии к рассмотрению жалоб гражданина Технюка Владислава Васильевича на нарушение его конституционных прав положениями статьи 412.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 26.04.2016 № 768-О. Доступ из СПС «Гарант».
  9. Данные судебной статистики // Судебный департамент при Верховном Суде РФ : офиц. сайт. URL: <https://cdep.ru/index.php?id=79/> (дата обращения: 29.04.2025).
  10. Курченко В. Н. Критерии разумного срока уголовного судопроизводства: интерпретация судебной практики // Уголовное право. 2024. № 8.
  11. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Бохонова Александра Валериевича на нарушение его конституционных прав статьей Federation No. 26 of November 27, 2012 (as amended on June 27, 2023). Accessed through Law assistance system “Consultant Plus”. (In Russ.).
  2. On the case of verifying the constitutionality of certain provisions of Arts. 331 and 464 of the Criminal Procedure Code of the RSFSR in connection with complaints from a number of citizens: Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 20-P of July 2, 1998. Accessed through Law assistance system “Garant”. (In Russ.).
  3. On the case of verifying the constitutionality of the provisions of Art. 133, Part 1 of Art. 218 and Art. 220 of the Criminal Procedure Code of the RSFSR in connection with the complaints of citizens V. K. Borisov, B. A. Kekhman, V. I. Monastyretsky, D. I. Fuflygin and the limited liability company Monokom: Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 5-P of March 23, 1999. Accessed through Law assistance system “Garant”. (In Russ.).
  4. In the case of verifying the constitutionality of the provisions of Arts. 106, 110 and 389.2 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen S. A. Filippov: Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 29-P of June 17, 2021. Accessed through Law assistance system “Consultant Plus”. (In Russ.).
  5. On the application of the provisions of Chapter 47.1 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation governing proceedings in the court of cassation: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 19 of June 25, 2019 (as amended on June 29, 2021). Accessed through Law assistance system “Consultant Plus”. (In Russ.).
  6. Muratova N. G., Podolskiy M. A. Sudebnye resheniya v dosudebnom proizvodstve po ugovolnomu delu (ponyatie, vidy, soderzhanie, mekhanizm prinyatiya). Monograph. Kazan: ООО АКП им. Е. Сурьянинова, 2007. 144 p. (In Russ.).
  7. On the refusal to accept for consideration the complaint of citizen Valery Vladimirovich Slavsky regarding the violation of his constitutional rights by part two of Art. 389.2 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation: Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 967-O dated May 25, 2017. Accessed through Law assistance system “Garant”. (In Russ.).
  8. On the refusal to accept for consideration the complaints of citizen Vladislav Vasilyevich Tekhnyuk regarding the violation of his constitutional rights by the provisions of Art. 412.1 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation: Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 768-O dated April 26, 2016. Accessed through Law assistance system “Garant”. (In Russ.).
  9. Dannye sudebnoy statistiki. Sudebnyy departament pri Verkhovnom Sude RF. URL: <https://cdep.ru/index.php?id=79/> (accessed: 29.04.2025). (In Russ.).

- 75, частью одиннадцатой статьи 108, частью восьмой статьи 109, частью первой статьи 391 и частью второй статьи 392 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, статьями 49 и 50 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» : определение Конституционного Суда РФ от 28.02.2019 № 508-О. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
12. Гизатуллин И. А. Процессуальные сроки в судебном производстве по уголовным делам в механизме оценки оперативности правосудия // Журнал российского права. 2025. Т. 29, № 2. С. 137–152. <https://doi.org/10.61205/S160565900032096-9>.
  13. Червоткин А. С. Промежуточные судебные решения в уголовном судопроизводстве : моногр. М. : Проспект, 2021. 375 с.
  10. Kurchenko V. N. Kriterii razumnogo stroka ugolovno-go sudoproizvodstva: interpretatsiya sudebnoy praktiki. *Ugolovnoe pravo*. 2024;(8). (In Russ.).
  11. On the refusal to accept for consideration the complaint of citizen Aleksandr Valerievich Bokhonov regarding the violation of his constitutional rights by Art. 75, pt. 11 of Art. 108, pt. 8 of Art. 109, pt. 1 of Art. 391 and pt. 2 of Art. 392 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, Arts. 49 and 50 of the Federal Law “On the Detention of Suspects and Accused of Committing Crimes”: Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 508-O dated February 28, 2019. Accessed through Law assistance system “Consultant Plus”. (In Russ.).
  12. Gizatullin I. A. Procedural deadlines in criminal proceedings in the mechanism for assessing the efficiency of justice. *Journal of Russian Law*. 2025;29(2):137–152. <https://doi.org/10.61205/S160565900032096-9>. (In Russ.).
  13. Chervotkin A. S. Promezhutochnye sudebnye resheniya v ugolovnom sudoproizvodstve. Monograph. Moscow: Prospekt; 2021. 375 p. (In Russ.).

Информация об авторе

А. А. Зимасова – ассистент, адвокат;
<https://orcid.org/0000-0001-6042-8971>,
zimasova.alina@bk.ru

About the author

A. A. Zimasova – Assistant Professor, Lawyer;
<https://orcid.org/0000-0001-6042-8971>,
zimasova.alina@bk.ru

Научная статья

УДК 343.9(470+571)

<https://doi.org/10.35266/2949-3455-2026-2-10>

Преступность правоприменителей как криминологическая категория

Азер Балай оглы Марданов^{1, 2✉}, Чингиз Мамедшахович Багиров^{1, 3}

¹Сургутский государственный университет, Сургут, Россия

²ООО «Марданов и Партнеры», Нефтеюганск, Россия

³Адвокатская палата Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, Ханты-Мансийск, Россия

Аннотация. В современной криминологической науке традиционно доминируют исследования преступности в различных социальных группах и сферах деятельности. Однако особый, системобразующий и в высшей степени латентный сегмент составляет преступность правоприменителей. Данный криминологический феномен является недостаточно изученным и долгое время оставался на периферии научного анализа. Авторами под правоприменителями в контексте данной статьи понимаются лица, наделенные государственно-властными полномочиями по применению права, поддержанию правопорядка и отправлению правосудия: сотрудники правоохранительных органов, судьи, работники суда, прокуроры, следователи, дознаватели, судебные приставы, адвокаты и нотариусы, а в более широком смысле – иные должностные лица контролирующих и надзорных органов. Актуальность исследования обусловлена парадоксальным положением данной группы: будучи основным субъектом противодействия преступности, она одновременно может выступать и как ее специфический источник. Игнорирование этого феномена ведет к значительному снижению доверия граждан к государству, дискредитации права как такового. Таким образом, категориальный анализ преступности правоприменителей является не только теоретической, но и острой практической задачей.

На основе полученных выводов формулируются теоретические положения, расширяющие и актуализирующие имеющиеся научные знания о преступности правоприменителей в Российской Федерации. Авторами сформулирована собственная криминологическая дефиниция «преступность правоприменителей» в Российской Федерации.

Ключевые слова: преступность, правоприменение, субъекты правоприменения, адвокаты, нотариусы, сотрудники правоохранительных органов, судьи, работники суда, личность преступника, криминальная активность

Для цитирования: Марданов А. Б., Багиров Ч. М. Преступность правоприменителей как криминологическая категория // Вестник Сургутского государственного университета. 2026. Т. 14, № 2. С. 112–117. <https://doi.org/10.35266/2949-3455-2026-2-10>.

Original article

Criminality of law enforcers as criminological category

Azer B. Mardanov^{1, 2✉}, Chingiz M. Bagirov^{1, 3}

¹Surgut State University, Surgut, Russia

²ООО “Mardanov i Partnery”, Nefteyugansk, Russia

³Bar Association of the Khanty-Mansi Autonomous Okrug – Yugra, Khanty-Mansiysk, Russia

Abstract. Contemporary criminological research has traditionally focused on studying crime in various social groups and spheres of activity. However, a special, systemically important, and highly latent segment is the criminality of law enforcers. This phenomenon within criminology has not been adequately researched and has historically been overlooked in scientific examinations. In the context of this article, the authors define

law enforcers as individuals vested with state authority to enforce the law, maintain law and order, and administer justice: law enforcement officers, judges, court employees, prosecutors, crime investigators, investigators, bailiffs, lawyers, and notaries, and, more broadly, other officials of regulatory and supervisory bodies. This study's importance lies in the group's dual role; they are the primary combatants of crime, yet may also be a distinct origin of it. Disregarding this phenomenon causes a considerable decline in public trust towards the government and discredits the legal system. Thus, a category analysis of law enforcers' crimes is not only a theoretical but also a pressing practical challenge.

The findings enable the formulation of theoretical propositions that enhance and revise the current scientific understanding of law enforcers' offenses within the Russian Federation. A distinct criminological definition for "criminality of law enforcers" in the Russian Federation is proposed by the authors.

Keywords: crime, law enforcement, law enforcement entities, lawyers, notaries, law enforcement officers, judges, court employees, criminal identity, criminal activity

For citation: Mardanov A. B., Bagirov Ch. M. Criminality of law enforcers as criminological category. *Surgut State University Journal*. 2026;14(2):112–117. <https://doi.org/10.35266/2949-3455-2026-2-10>.

ВВЕДЕНИЕ

В контексте личности преступника правоприменителя, мы можем отметить, исторически так сложилось, что юридическое образование стало краеугольным камнем для профессий, связанных с правоприменением, и на то есть свои причины. Правоприменение – это деятельность, которая напрямую связана с применением норм права; для того чтобы эффективно и справедливо применять закон, необходимо знать закон. Юридическое образование дает систематизированные и глубокие знания о законодательстве, принципах и способах толкования и применения норм права.

В криминологической науке широко известны общетеоретические работы по изучению отдельных аспектов преступности правоприменителей, наиболее известными являются исследования, проведенные А. Н. Варыгиным, Д. А. Рясовым, Ю. А. Аксеновым, С. А. Новоселовым, Е. А. Брайцевой, Н. М. Тагаевым и другими авторами. Комплексные исследования преступности правоприменителей не проводились, имеются лишь отдельные работы, отражающие отдельные аспекты этого вида преступности. Как справедливо отмечает доктор юридических наук, профессор А. Н. Варыгин, в занятие преступной деятельностью вовлекаются все новые и новые слои населения, представители различных сфер деятельности. В полной мере это коснулось и лиц, занимающихся предупреждением преступности [1]. Нельзя не согласиться также с мнением А. Н. Варыгина о том, что в стране сложился

и динамично развивается новый вид преступности: преступность сотрудников органов внутренних дел [2].

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

В исследовании применяются общенаучные и частнонаучные методы, такие как: анализ, синтез, сравнение, классификация, историко-правовой, формально-логический, сравнительно-правовой, статистический. Эмпирическую базу исследования составили данные официальной статистики Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации [3].

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Преступность правоприменителей – это особая категория преступлений, совершаемых людьми, которые по роду своей деятельности призваны обеспечивать соблюдение и исполнение законов. К этой категории относятся сотрудники правоохранительных органов, судьи, прокуроры, адвокаты, нотариусы и другие представители правозащитных институтов. Подобные преступления могут принимать различные формы и иметь серьезные последствия для общества.

Преступность правоприменителей представляет собой сложное и многогранное явление, которое заслуживает самостоятельного изучения в контексте криминологических исследований. Данная тематика охватывает противоправные действия, совершаемые правоприменителями, то есть лицами,

осуществляющими правоприменительную функцию. Такими лицами могут быть сотрудники правоохранительных органов (следователи, дознаватели, прокуроры, сотрудники Следственного комитета), представители судебной системы (судьи, работники суда), адвокаты и нотариусы, представители уголовно-исполнительной системы, федеральной службы судебных приставов и другие представители правозащитных институтов.

Актуальность изучения преступности правоприменителей обусловлена несколькими факторами. Одним из таких факторов является подрыв доверия общества к правоприменительной деятельности и субъектам правоприменения.

Преступность среди правоприменителей усложняет борьбу с преступностью в целом, так как такие лица имеют доступ к ресурсам и информации, могут скрывать свои действия и уклоняться от ответственности.

Как справедливо замечает Ю. А. Аксенов, в условиях развития Российского государства среди мер, направленных на борьбу с преступностью и укрепление законности, важное место занимает изучение и предупреждение общественно опасных деяний, связанных с совершением преступлений сотрудниками органов внутренних дел [4].

Среди факторов, способствующих преступному поведению правоприменителей, можно выделить культуру безнаказанности внутри структур (субъектов правоприменения), недостаток контроля и отчетности, отсутствие мотивации соблюдать закон, недостаточную профессиональную подготовку, отсутствие этических стандартов, стремление к обогащению любой ценой, стремление к достижению высоких статусных позиций в обществе, даже путем совершения преступления. А. В. Асадченко в одной из своих статей акцентирует внимание научной общественности на том, что, подвергая анализу личность сотрудника органов внутренних дел, совершающего коррупционные преступления, можно констатировать, что в настоящее время по сравнению с личностями других преступников-коррупционеров данный вопрос изучен поверхностно [5].

Преступность правоприменителей – социальное явление, новый, самостоятельный, имеющий ярко выраженную специфику, обусловленную личностью преступника, вид преступности, представляющий собой совокупность преступлений, совершенных адвокатами, нотариусами, судьями (работниками суда), прокурорами, следователями, а также иными сотрудниками правоохранительных органов в стране за определенный промежуток времени. Новизна данного вида преступности определяется его спецификой, обусловленной личностью преступника (субъект правоприменения).

Преступность правоприменителей, будучи значимой криминологической категорией, требует детального анализа и разработки комплексных подходов к решению проблемы. Противодействие данному феномену возможно через активное сотрудничество государственных органов и общества, направленных на защиту законности, прав и свобод граждан.

Феномен преступности правоприменителей представляет собой сложное явление, которое требует глубокого анализа. Одной из ключевых особенностей данного феномена является его природа: с одной стороны, некоторые субъекты правоприменения, такие как, например, сотрудники правоохранительных органов, судьи, наделены властными полномочиями для защиты закона и общественного порядка, а с другой – именно эти властные полномочия могут быть использованы в корыстных или преступных целях. Таким образом, парадоксально, но порой возникают ситуации, при которых те, кто призван бороться с преступностью и защищать законность, сами становятся ее частью, совершая преступления, что, в свою очередь, подрывает доверие граждан к государственным институтам.

Преступность среди правоприменителей не является новым явлением, но в нынешних условиях она приобретает новые формы и масштабы, что связано с усложнением общественных отношений, развитием технологий и глобализацией. Коррупция, злоупотребление служебным положением, сокрытие преступлений и даже участие в организованной

преступности – все это становится частью современной реальности. Особую опасность (риск) представляет возможность сращивания криминальных структур с представителями правоохранительных органов. Е. А. Брайцева отмечает, что преступления, совершаемые следователями и дознавателями, вызывают обостренную реакцию населения и, даже независимо от степени их общественной опасности, относятся к категории крайне нетерпимых, особенно когда речь идет о преступлениях, связанных с использованием своего служебного положения [6].

Причины преступности среди правоприменителей носят как системный, так и индивидуальный характер (недостатки в организации работы правоохранительных органов, личностные факторы, такие как моральная деградация, стремление к обогащению или чувство безнаказанности). Также важным аспектом изучения преступности правоприменителей является насилие, проявляемое некоторыми из субъектов правоприменения в процессе исполнения своих служебных обязанностей. Как отмечает Р. Р. Гиззатуллин, одной из основных причин преступности среди сотрудников полиции считается явление профессиональной деформации, которое может подтолкнуть личность к совершению противоправных деяний [7].

В рамках криминологической науки преступность правоприменителей можно рассматривать через призму нескольких ключевых аспектов. Во-первых, это злоупотребление властью и служебным положением, когда представители правоохранительных органов превышают свои полномочия ради личной выгоды или иных корыстных целей. Во-вторых, это коррупционные практики, которые подтачивают основы правового государства и подрывают доверие общества к правосудию. Фактор коррупции среди правоприменителей вызывает особый интерес криминологов, так как он является системной проблемой. Коррупция имеет множество форм – от мелкого взяточничества до сложных мошеннических схем, что делает ее изучение особенно актуальным. Коррумпированные правопримени-

тели, вовлеченные в незаконные действия, создают благоприятные условия для роста преступности в обществе, ослабляя действенность правового регулирования и препятствуя защите прав человека. Правоприменители зачастую совершают должностные преступления. Так, А. Л. Баландин под должностным преступлением понимает противоправное деяние, содержащее основные признаки криминального профессионализма, совершенное должностным лицом, наделенным определенным спектром полномочий, направленное против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления [8].

Современные исследования в области криминологии уделяют значительное внимание разработке методов превенции и борьбы с преступностью правоприменителей. В первую очередь это касается внедрения антикоррупционных мер, развития культуры нулевой толерантности к коррупции, повышения уровня прозрачности и подотчетности органов власти. Кроме того, немаловажным фактором является образовательная и психологическая поддержка сотрудников правоохранительных органов, направленная на формирование устойчивости к криминальным проявлениям.

Борьба с преступностью среди правоприменителей требует комплексного подхода, включающего как ужесточение контроля и повышение ответственности, так и формирование новой этики служебного поведения. Кроме того, необходимо уделять внимание профилактике, включая образовательные программы, направленные на повышение правовой грамотности и укрепление моральных принципов среди субъектов правоприменительной деятельности. Только при условии системной работы на всех уровнях можно добиться снижения уровня преступности среди правоприменителей.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На основе проведенного анализа авторами сформулирована криминологическая дефиниция «преступность правоприменителей». Теоретическая значимость выводов

заключается в развитии категориального аппарата криминологии, углублении учения о преступности правоприменителей. Выделение преступности правоприменителей в самостоятельный объект исследования позволяет более точно диагностировать угрозы правовой системе государства. Практическая ценность состоит в том, что полученные выводы могут быть использованы для разработки специализированных мер предупреждения, направленных на реформирование институциональных основ правоохранительной и судебной деятельности, внедрение эффективных механизмов внешнего гражданского контроля.

Таким образом, статья обосновывает, что преступность правоприменителей – это не просто совокупность преступлений должностных

лиц, а качественно особый вид преступности, поражающий сами основы государства. Ее исследование требует формирования отдельного научного направления в рамках криминологии, ориентированного на анализ криминальных рисков, имманентных самой системе власти и правоприменения. Авторы определяют преступность правоприменителей как социальное явление, новый, самостоятельный, имеющий ярко выраженную специфику, обусловленную личностью преступника, вид преступности, представляющий собой совокупность преступлений, совершенных адвокатами, нотариусами, судьями (работниками суда), прокурорами, следователями, иными сотрудниками правоохранительных органов, а также представителями правозащитных институтов в стране за определенный промежуток времени.

Список источников

1. Варыгин А. Н. Преступность сотрудников органов внутренних дел как криминологический феномен // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2015. № 3. С. 105–111. <https://doi.org/10.18384/2310-6794-2015-3-105-111>.
2. Варыгин А. Н. О преступности сотрудников органов внутренних дел и ее тенденциях // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2013. № 1. С. 13–18.
3. Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <https://cdep.ru/index.php?id/> (дата обращения: 23.01.2026).
4. Аксенов Ю. А. Криминологический анализ и предупреждение преступлений, совершаемых сотрудниками органов внутренних дел : дис ... канд. юрид. наук. СПб., 2004. 161 с.
5. Асадченко А. В. Особенности личности сотрудника органов внутренних дел, совершающего коррупционные преступления // Символ науки: международный научный журнал. 2024. № 12–2. С. 97–100.
6. Брайцева Е. А. Преступления, совершаемые следователями и дознавателями в системе органов внутренних дел: криминологический аспект : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. 178 с.
7. Гиззатуллин Р. Р. Характеристика причин и профилактики совершения преступлений сотрудниками полиции // Вестник Самарского юридического института. 2017. № 1. С. 127–131.
8. Баландин А. Л. Понятие профессиональных преступлений, совершаемых сотрудниками органов внутренних дел // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2020. Т. 17, № 2. С. 91–99. [https://doi.org/10.24147/1990-5173.2020.17\(2\).91-99](https://doi.org/10.24147/1990-5173.2020.17(2).91-99).

References

1. Varygin A. Criminality of the police as a criminological phenomenon. *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Jurisprudence*. 2015;(3):105–111. <https://doi.org/10.18384/2310-6794-2015-3-105-111>. (In Russ.).
2. Varygin A. N. O prestupnosti sotrudnikov organov vnutrennikh del i ee tendentsiyakh. *Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii*. 2013;(1):13–18. (In Russ.).
3. Sudebnyy departament pri Verkhovnom Sude Rossiyskoy Federatsii. URL: <https://cdep.ru/index.php?id/> (accessed: 23.01.2026). (In Russ.).
4. Aksekov Yu. A. Kriminologicheskii analiz i preduprezhdenie prestupleniy, sovershaemykh sotrudnikami organov vnutrennikh del. Cand. Sci. Thesis (Law). St. Petersburg; 2004. 161 p. (In Russ.).
5. Asadchenko A. V. Personality characteristics of an employee of the internal affairs bodies who commits corruption crimes. *Symbol of Science*. 2024;(12–2): 97–100. (In Russ.).
6. Braytseva E. A. Prestupleniya, sovershaemye sledovatelyami i doznatelyami v sisteme organov vnutrennikh del: kriminologicheskii aspekt. Cand. Sci. Thesis (Law). Moscow; 2002. 178 p. (In Russ.).
7. Gizzatullin R. R. Characteristics of reasons and crime prevention among the policemen. *Bulletin of the Samara Law Institute*. 2017;(1):127–131. (In Russ.).
8. Balandin A. L. The concept of professional crimes committed by police officers. *Herald of Omsk University. Series Law*. 2020;17(2):91–99. [https://doi.org/10.24147/1990-5173.2020.17\(2\).91-99](https://doi.org/10.24147/1990-5173.2020.17(2).91-99). (In Russ.).

Информация об авторах

А. Б. Марданов – кандидат юридических наук,
доцент, адвокат;
advokatmardanov@gmail.com[✉]

Ч. М. Багиров – кандидат юридических наук,
доцент, адвокат;
bchm@mail.ru

About the authors

A. B. Mardanov – Candidate of Sciences (Law),
Docent, Lawyer;
advokatmardanov@gmail.com[✉]

Ch. M. Bagirov – Candidate of Sciences (Law),
Docent, Lawyer;
bchm@mail.ru

Научная статья

УДК 343.2.01(470+571)

<https://doi.org/10.35266/2949-3455-2026-2-11>

Юридическая фикция: применение и роль в уголовном праве

Инга Владимировна Пантюхина[✉], Вячеслав Ефимович Южанин

Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина, Рязань, Россия

Аннотация. В статье рассматривается применение юридической фикции в уголовном праве. Определено отграничение этой правовой категории от уголовно-правовой нормы-фикции. Продемонстрировано закрепление завуалированной формы юридической фикции в нормах Общей и Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации, рекомендации по ее применению высшей судебной инстанцией, а также ее использование в квалификации преступлений. На основе анализа юридических фикций в уголовном законодательстве и в квалификации преступлений авторы заключают, что ее применение способно существенно улучшать или ухудшать положение тех лиц, в отношении которых она применяется, при этом они обосновывают, что как в тех, так и в других случаях она может как иметь обоснование и быть вынужденной мерой законодателя, а также правоприменителя, так и наоборот, не иметь достаточных оснований для ее применения. В результате авторы приходят к выводу о необходимости экспертизы уголовно-правовых норм Уголовного кодекса Российской Федерации, в которых использована юридическая фикция, а также рекомендаций Пленума Верховного Суда по их применению на предмет их обоснованности и необходимости с целью исключения тех норм и рекомендаций по их применению, которые противоречат устоявшимся доктринальным положениям уголовного права и правилам квалификации преступлений.

Ключевые слова: юридическая фикция, уголовно-правовые нормы, правила квалификации преступлений, содействие преступной деятельности, пособничество, подстрекательство, продолжаемое преступление, лицо, впервые совершившее преступление

Для цитирования: Пантюхина И. В., Южанин В. Е. Юридическая фикция: применение и роль в уголовном праве // Вестник Сургутского государственного университета. 2026. Т. 14, № 2. С. 118–130. <https://doi.org/10.35266/2949-3455-2026-2-11>.

Original article

Legal fiction: Application and role in criminal law

Inga V. Pantyukhina[✉], Vyacheslav E. Yuzhanin

Ryazan State University named for S. Yesenin, Ryazan, Russia

Abstract. The article examines the application of legal fiction in criminal law. It defines the distinction between this legal category and the criminal law fiction norm. The article demonstrates the integration of a disguised form of legal fiction in the General and Special Parts of the Criminal Code of the Russian Federation, recommendations for its application by the highest judicial authority, and its use in the classification of crimes. The authors' examination of legal fictions within criminal statutes and crime classification leads them to posit that their application can substantially impact the circumstances of affected individuals, either positively or negatively. Furthermore, they contend that in either scenario, the justification or necessity for such application may be either valid or absent. As a result, the authors come to the conclusion that it is necessary to examine the criminal law norms of the Criminal Code of the Russian Federation, which use legal fiction, as well as the recommendations of the Plenum of the Supreme Court on their application, to determine their validity and necessity in order to exclude those norms and recommendations on their application that contradict the established doctrinal principles of criminal law and the rules for classifying crimes.

Keywords: legal fiction, criminal law norms, rules for classifying crimes, assistance in criminal activity, complicity, instigation, ongoing crime, first offender

For citation: Pantyukhina I. V., Yuzhanin V. E. Legal fiction: Application and role in criminal law. *Surgut State University Journal*. 2026;14(2):118–130. <https://doi.org/10.35266/2949-3455-2026-2-11>.

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования обусловлена возрастанием роли юридических фикций в уголовном праве, расширением их использования в правоприменительной практике, в силу чего ученые сходятся во мнении о том, что их исследование в уголовном праве является перспективным направлением. Однако, по справедливому замечанию А. И. Ситниковой, «ученые-юристы уделяют недостаточное внимание теоретической разработке фикций, их классификации, использованию при конструировании уголовно-правовых предписаний и влиянию на квалификацию действий виновных лиц» [1, с. 187]. По мнению А. П. Кузнецова, данная категория вызывает многочисленные дискуссии и проблемы, связанные с ее пониманием и применением в юридической деятельности, однако «вне всяких сомнений, юридическая фикция представляет собой актуальный для научного исследования объект политико-правовой действительности, который в дальнейшем будет получать свое развитие в правотворческой и правоприменительной деятельности» [2, с. 48].

Несмотря на достаточно широкое использование юридических фикций как в самом уголовном законодательстве, так и в практике его применения, их понимание, толкование, проявление и применение являются достаточно спорными, что обуславливает постановку проблемы их обсуждения. Кроме того, по утверждению одних авторов «инструментальные юридические фикции являются необходимым и оправданным элементом механизма правового регулирования» [3, с. 6], тогда как по утверждению других анализ нормативного текста некоторых из уголовно-правовых институтов позволяет выделить их оправданное и неоправданное использование в нормах как Общей, так и Особенной части уголовного законодательства [4, с. 436], что также предопределяет разрешение вопроса их необходимости либо отсутствия таковой.

Объектом исследования стали правоотношения, возникающие в процессе применения уголовно-правовых норм, содержащих юридические фикции, а также рекомендации высшей судебной инстанции по их применению.

Цель работы – выявление в уголовно-правовых нормах и практике их применения юридических фикций, определение их влияния на уголовную ответственность. Для ее достижения поставлены следующие задачи:

- проанализировать подходы к толкованию юридической фикции в уголовном праве;
- продемонстрировать проявление юридической фикции в уголовно-правовых нормах Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ), а также в рекомендациях Верховного Суда РФ по квалификации преступлений;
- определить влияние юридической фикции на уголовную ответственность как в сторону ухудшения, так и улучшения положения лица, в отношении которого она применяется;
- обосновать собственную позицию по вопросу необходимости применения юридической фикции в уголовном праве;
- разработать предложения по разрешению проблемы исследования.

В последние годы исследованию юридической фикции в уголовном праве ряд работ посвятили И. А. Абдулханьянов, А. П. Кузнецов, А. И. Ситникова. Вместе с тем по ряду вопросов их позиции различны, что подтверждает дискуссионность темы и актуализирует необходимость ее исследования.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

В ходе исследования использовались научный анализ, сравнительно-правовой и формально-логический методы, методы систематизации и дифференциации, что позволило выявить и продемонстрировать проблемы применения юридической фикции в уголовном праве и сформулировать предложения по их разрешению.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Юридическая фикция используется в различных отраслях права, в том числе в отраслевых законах. Особое значение она приобретает в уголовном праве, поскольку ее использование может быть положено как в основу возникновения уголовной ответственности, так и, наоборот, в основу отказа от ее применения.

В доктрине уголовного права представлены различные подходы к толкованию юридической фикции, от широко абстрактного до конкретизированного. Примером первого подхода является ее толкование как специфической формы проявления и дополнения уголовного права [5, с. 56]. Примерами второго служат следующие определения: «средство правотворческой техники, закрепляющее в правовой норме или постановлении Пленума Верховного Суда РФ ложное положение, носящее неопровержимый характер, с целью придания стабильности и упорядоченности общественным отношениям» [6, с. 9, 18] или «закрепленный в УК РФ регулятор общественных отношений, находящихся в состоянии невосполнимой неизвестности, носящей сугубо императивный характер, направленный на гармонизацию уголовного законодательства и дифференциацию уголовной ответственности» [7, с. 323].

Более детализированные подходы к толкованию рассматриваемой категории усматриваются в работах авторов, которые осуществляют его через призму выделения ее признаков, на основе которых выводят такие определения, как «средство юридической техники, сознательно используемое при формулировании предписаний УК РФ и постановлений Пленума Верховного Суда РФ, не соответствующих действительности, в целях реализации уголовной политики Российской Федерации» [8, с. 170] или как «средство юридической техники, с помощью которого в актах толкования специальным субъектом, наделенным на это правом, устанавливаются общеобязательные к правоприменению правила, выходящие за рамки законодательно установленных правил в нормах права» [9, с. 101].

Из изложенного следует, что одни авторы определяют юридическую фикцию как тео-

ретическую категорию, другие как законодательную конструкцию, третьи как средство юридической техники.

Обобщая изложенное, юридическую фикцию можно представить как положение, не соответствующее действительности, но которому придается юридическое значение, в связи с чем оно признается юридическим фактом. Предпосылкой ее появления в праве является состояние неопределенности в правовом поле [10, с. 40], а главным признаком – заведомое несоответствие действительности. При включении такого положения в законодательную конструкцию нормы его несоответствие осознается законодателем и изначально закладывается в соответствующую норму. Все это присуще юридической фикции и в УК РФ.

Важным будет подчеркнуть, что в доктрине уголовного права и практике его применения наличествует явление, смежное рассматриваемому. Речь идет о понятии «норм-фикция» или «фиктивная норма». Последняя также закрепляет внешне реальное и возможное явление, которое, однако, в силу каких-либо причин не реализуется, что может быть обусловлено недостатками законодательной техники, непродуманностью механизма реализации нормы, лоббированием узкокорпоративных интересов [10, с. 51].

По утверждению некоторых исследователей юридическую фикцию и норму-фикцию следует относить к разнопорядковым правовым категориям [6, с. 20]. По нашему мнению, эти явления хоть и схожи, но наполнены разным содержанием, влекущим также различные правовые последствия, поэтому их следует четко разграничивать.

Схожесть юридической фикции и фиктивной нормы проявляется в их законодательном предписании, которое имеет общеобязательный характер. Их различия усматриваются в том, что в юридической фикции изначально устанавливается положение не соответствующее действительности, оно закладывается законодателем в норму ее конструирования, тогда как фиктивная норма устанавливается как истинное положение, которое в силу допущенных ошибок в ее конструкции

приобретает черты фиктивности (дефективности), что не позволяет ее реализовать практически. Так, ряд норм Особенной части УК РФ либо не используется на практике или используется крайне редко. Причиной служат обязательные признаки соответствующих составов преступлений, которые являются препятствием к их применению. Так, фактическое неприменение норм, установленных в ст. 144.1 и 145 УК РФ, по утверждению ученых, обусловлено включением в них мотива совершения деяния [11, с. 35–36; 12, с. 323–324]. В частности, с 2019 по 2024 г. по ним не осуждено ни одного лица [13], причем это весь период наличия в УК РФ ст. 144.1. Такая же ситуация складывается со ст. 199.3 и 199.4 УК РФ, причиной неприменения которых является установление чрезмерно высокой суммы неуплаченных страховых взносов.

Несмотря на широкое распространение юридических фикций в уголовном праве, ни этого понятия (словосочетания), ни понятия «правовая фикция» ни в законодательстве, ни в правоприменительной практике не фигурирует. Однако анализ норм закона и судебной практики дают основание утверждать, что юридические фикции в них представлены в завуалированном виде и объясняются целесообразностью или попыткой посредством «правового инструментария выйти за пределы самого себя, ибо в отдельных случаях для всесторонности и полноты уголовно-правового регулирования не хватает именно этого – придания правового значения несуществующему или лишение правового значения существующих фактов» [5, с. 56] или необходимостью упорядочить уголовные правоотношения, восполнять пробелы уголовного законодательства [14, с. 249].

Многообразию юридических фикций в уголовном праве предопределяет их классификацию. Наиболее целесообразным видится их разделение по сфере использования на доктринальные, законодательные и правоприменительные [1, с. 187].

Проявление юридической фикции в нормах УК РФ многообразно. При этом некото-

рые авторы его сводят лишь к трем группам фикций: определяющим «преступление» и «малозначительное деяние»; используемым в нормах института освобождения от уголовной ответственности; включенным в правила освобождения от наказания [7, с. 320–321]. Такой подход представляется существенно суженным. Он не охватывает огромное количество норм, в которых также усматриваются юридические фикции. Например, она присутствует в положении о равенстве граждан перед законом (ст. 4 УК РФ) – поскольку порядок назначения наказания предполагает целый ряд отступлений от равенства для несовершеннолетних и для женщин (гл. 14, ст. 82 УК РФ и др.) или исключение ответственности для отдельных категорий граждан, совершивших некоторые виды преступлений (примечание 2 к ст. 134 УК РФ, примечание к ст. 316 УК РФ и др.). Проявляются юридические фикции в нормах института соучастия. В частности, в признании исполнителем лица, которое совершило преступление посредством использования лиц, не подлежащих уголовной ответственности (ч. 2 ст. 33 УК РФ). Речь о лице, которое само не выполняет действий, входящих в объективную сторону конкретного состава преступления (деяние в полном объеме выполняет лицо, не подлежащее уголовной ответственности), несмотря на это именно оно признается единоличным исполнителем определенного деяния, что не соответствует действительности. Другим примером служит законодательное положение о том, что создатель организованной группы или преступного сообщества (преступной организации) несет ответственность за все совершенные соответствующей группой или сообществом (организацией) преступления, которые охватывались его умыслом (ч. 5 ст. 35 УК РФ). В данном случае нормативно закреплено наступление уголовной ответственности за преступный умысел, а не его реализацию, которой требует ст. 8 УК РФ. Иными словами, лицо, создавшее организованную группу или сообщество (организацию), может само непосредственно не участвовать

в совершенном ими преступлении, но ответственности за совершенные ими преступления подлежит. Более детализированный анализ проявления юридической фикции в институте соучастия представлен А. И. Ситниковой [4, с. 437–439]. В институте иных мер принудительного характера юридическая фикция усматривается в части уравнивания медицинской организации, оказывающей психиатрическую помощь в стационарных условиях с учреждением, исполняющим наказание в виде лишения свободы, что вытекает из норм ст. 103 УК РФ, тогда как они имеют совершенно различное предназначение, функции, подведомственность.

Приведенными примерами проявления использования юридических фикций в положениях Общей части УК РФ не исчерпывается. Они присутствуют в большинстве ее институтов, поэтому, если ограничиваться указанием их наличия лишь в трех из них, описанных выше, это ведет к созданию ошибочного представления об использовании юридической фикции в уголовном законе.

Реже исследователи уделяют внимание наличию юридических фикций в институтах Особенной части УК РФ, тогда как там они также проявляются достаточно широко. Ярким примером может служить использование такого понятия, как «имущество, заведомо добытое преступным путем», фигурирующее в качестве предмета преступления, предусмотренного ст. 175 УК РФ, а также схожее понятие, использованное в конструкциях составов преступлений, предусмотренных ст. 174 и 174.1 УК РФ. Предмет преступлений, описанный в указанных статьях, объединяет единый признак – имущество должно иметь преступное происхождение, должно быть добытым преступным путем, то есть в распоряжении лица оно должно оказаться в результате совершенного преступления. Преступный характер его происхождения является юридической фикцией. Преступность происхождения имущества является лишь гипотетической. Суть в том, что факт совершенного преступления должен быть установлен вступившим в законную силу обвинительным приговором

суда. Только после этого фигурирующие в нем имущество может быть признано добытым преступным путем. Истинным было бы положение о том, что преступление совершено в отношении имущества, которое признано в установленном законом порядке предметом другого преступления, подтвержденного вступившим в законную силу обвинительным приговором суда. Для применения норм, предусмотренных ст. 174–175 УК РФ, такого судебного решения в отношении имущества не требуется. Для признания имущества добытым преступным путем законодатель признает достаточным заведомое знание лица о таком его происхождении. Оно предполагает осведомленность лица о происхождении имущества из различных источников (виновный мог видеть и осознавать преступность изъятия имущества, ему могло об этом рассказать иное лицо, в том числе сбытчик такого имущества, и т. д.). По существу, заведомость в указанных уголовно-правовых нормах подразумевает не достоверность знания (таковая может быть, как отмечено выше, основана только на приговоре суда, в котором имущество фигурирует в качестве предмета преступления), а предположение о том, что имущество добыто посредством совершения преступления, которому законодателем придан юридический факт, тогда как действительности такое предположение не соответствует.

Юридическая фикция используется в конструкции преступления, предусмотренного ст. 205.6 УК РФ (несообщение о преступлении). Ответственность наступает за несообщение «о преступлении, о лице (лицах), которое по достоверно известным сведениям готовит, совершает или совершило хотя бы одно из преступлений», установленных в перечне, включенном в диспозицию нормы ст. 205.6 УК РФ. Здесь усматривается ситуация, схожая с изложенной относительно имущества, фигурирующего в ст. 174–175 УК РФ. Достоверность сведений, о которых указано в норме ст. 205.6 УК РФ, может быть установлена только приговором суда, вступившим в законную силу, только уже в отношении деяния, сведения о котором лицо утаивает. Таким

образом, чтобы знание лица о готовящемся, совершаемом или совершенном преступлении были достоверными, в их отношении должно иметься вступившее в законную силу обвинительное решение суда. Однако рассматриваемый состав преступления предполагает лишь то, что виновному известны действия, которые только лишь могут содержать признаки перечисленных в ст. 205.6 УК РФ преступлений. Более того, в этой статье УК РФ усматривается двойная юридическая фикция. Перечень преступлений, несообщение о которых носит преступный характер, содержит деяния, субъектом которых является лицо, достигшее 16 лет (ст. 205.2, ч. 1 и 3 ст. 208, 220, 221, 278 УК РФ) и 14 лет (ст. 205, 205.1, 205.3–205.5, 206, ч. 2 ст. 208, 211, 277, 281–281.3, 360 и 361 УК РФ). Субъектом несообщения о них является лицо, достигшее 14 лет. Следовательно, по мысли законодателя, лицо, достигшее 14 лет, должно понимать смысл всех тех деяний, что перечислены в ст. 205.6 УК РФ, что не согласуется с включением в их перечень тех, за совершение которых установлена ответственность с 16 лет. Таким образом, лицо, достигшее 14 лет, подлежит ответственности за несообщение о тех преступлениях, смысл которых оно в полной мере не осознает. Использование в данном случае юридической фикции приводит к тому, что субъектом деяний, предусмотренных ст. 205.2, ч. 1 и 3 ст. 208, 220, 221, 278 УК РФ, лицо достигшее лишь 14 лет, быть не может, но понимает и осознает их при совершении иным лицом. Такое понимание и осознание может быть только предполагаемым, однако данному предположению придается юридический характер установленного факта.

В ряде статей Особенной части УК РФ законодатель установил примечания, содержащие специальные основания освобождения от ответственности за совершение конкретных преступлений. Ряд из них применяется только к лицам, впервые совершившим преступление (ст. 127.1, 145.1, 173.1, 187, 195, 198, 199.1 УК РФ и др. – всего 16 статей). В примечании 1 к ст. 134 УК РФ установлены специальные основания освобождения от наказания

также к лицу, впервые совершившему деяние, предусмотренное ч. 1 ст. 134 УК РФ.

Отчасти понятие «лицо, впервые совершившее преступление» является юридической фикцией. Некоторые авторы справедливо отмечают, что законодателем предусмотрен механизм, аннулирующий последствия привлечения к ответственности – погашение или снятие судимости [7, с. 321; 15, с. 346], после чего лицо, фактически ранее совершившее преступление, юридически признается ранее не преступавшим закон, что не соответствует действительности. Полный перечень обстоятельств, при наличии которых лицо признается совершившим преступление, впервые определен постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 № 19 [16]. Эти обстоятельства и придают данному понятию фиктивный характер, поскольку лицо фактически совершает не первое преступление, тогда как юридически оно признается первым. Так, если предыдущий приговор на момент совершения нового деяния не вступил в законную силу (п. «б»); предыдущий приговор вступил в законную силу, но правовые последствия привлечения лица к ответственности аннулированы (освобождение от наказания в связи с истечением сроков давности исполнения предыдущего обвинительного приговора, снятие или погашение судимости) (п. «в»); предыдущий приговор вступил в законную силу, но на момент судебного разбирательства устранена преступность деяния, за которое лицо было осуждено (п. «г»); если лицо ранее было освобождено от уголовной ответственности (п. «д»).

Юридической фикцией следует признать некоторые самостоятельные преступные деяния, которые по существу являются стадией приготовления к совершению другого деяния (ст. 205.4, 208, 209, 210, 239, 281.3 УК РФ и др.). Также она проявляется в преступлениях, которые сформулированы таким образом, что фактически образуют подстрекательство или пособничество к определенным преступлениям, но им придан статус самостоятельного преступления (ст. 205.1, 281.1, 282.3 УК РФ и др.). Юридической

фикцией является признание составом преступления «Занятие высшего положения в преступной иерархии» (ст. 210.1 УК РФ), поскольку ответственность установлена не за совершение деяния, которое должно выражаться в действиях (бездействии), а фактически за занимаемый лицом социальный статус, который сам по себе также есть не что иное, как юридическая фикция.

Дать полный перечень норм Особенной части УК РФ, в которых используется юридическая фикция, не представляется возможным, для этого необходим анализ всех составов преступлений. Вместе с тем на основе приведенных примеров можно констатировать, что их число является весьма обширным.

Изложенное, на наш взгляд, опровергает утверждение некоторых авторов о том, что в уголовном праве фикция «находится исключительно в актах судебного толкования. <...> в настоящее время в российской правовой системе представлены только фикции, установленные высшей судебной инстанцией» [9, с. 101, 102]. Приведенные примеры наглядно демонстрируют наличие юридических фикций в конструкциях уголовно-правовых норм УК РФ. Сегодня они используются в нем «в качестве неординарного средства решения нетипичных уголовно-правовых ситуаций и повышения качества законодательных предписаний, способствующих за счет фикций достижению более гибкого и эффективного регулирования правоотношений, имеющих конфликтный характер» [17, с. 131].

Достаточно широко юридическая фикция используется в правоприменительной практике. По верному замечанию А. И. Ситниковой они «выступают необходимым инструментом правоприменительной практики, дающим возможность решить наиболее сложные вопросы квалификации преступлений» [4, с. 439], «посредством правоприменительных фикций Верховный Суд РФ более или менее успешно пытается устранить недостаточную гибкость уголовно-правовых норм» [1, с. 191].

Действительно, на использование в практике применения уголовного закона юридических фикций ориентирует сама высшая

судебная инстанция. Так, в постановлении от 27.01.1999 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» Пленум Верховного Суда РФ дает рекомендацию, согласно которой «при признании убийства совершенным организованной группой действия всех участников независимо от их роли в преступлении следует квалифицировать как соисполнительство» (п. 10) [18]. Таким образом, лицо, которое не являлось непосредственным исполнителем преступления, выполняло в деянии определенную роль (например, только подстрекателя или пособника), однако, являясь членом организованной группы, признается исполнителем преступления, совершенного такой группой. В качестве другого примера приведем рекомендацию Пленума Верховного Суда РФ из его постановления от 09.07.2013 № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях», согласно которой «Получение и дача взятки, а равно незаконного вознаграждения при коммерческом подкупе считаются оконченными с момента принятия <...> хотя бы части передаваемых <...> ценностей» [19]. При договоренности дачи/получения взятки в крупном или особо крупном размере частями в несколько приемов реализация приведенной рекомендации приводит к тому, что с момента дачи/получения уже первой части взятки от оговоренного размера (которая сама может составлять мелкий ее размер) содеянное квалифицируется как взяточничество в оговоренном размере – в крупном или особо крупном. Таким образом, фактически совершенное деяние не соответствует его юридической оценке. По сути, она отражает не содеянное (дачу/получение взятки в том объеме, в котором она дана/получена), а намерение дачи/получения взятки в оговоренном размере. Начало реализации такого намерения признается окончанным деянием, в чем, собственно, и проявляется юридическая фикция. Дача и получение взятки по частям согласно доктрине уголовного права образуют продолжаемое преступление. Самой же высшей судебной инстанцией, моментом фактического окончания продолжаемого

деяния является совершение последнего из тождественных деяний [20], образующих такое деяние. Соответственно, невыполнение всех эпизодов, образующих дачу/получение взятки в крупном или особо крупном размере (в зависимости от доказанности умысла в отношении ее размера), должно было бы расцениваться только лишь как покушение на преступление, охватываемое умыслом, что соответствовало бы действительности, то есть тому преступному поведению, которое было реализовано. Кстати, отметим, что в п. 16 постановления о взяточничестве также наличествуют и вышеприведенная юридическая фикция относительно квалификации совершения деяния организованной группой.

Некоторыми учеными использование юридической фикции в квалификации преступлений объясняется тем, что «суд решает применить к определенной группе общественных отношений наиболее, с его точки зрения, эффективные для обеспечения законности, соблюдения прав и свобод человека и гражданина нормы» [21, с. 61]. Однако вряд ли такое объяснение можно признать приемлемым и заслуживающим поддержки, поскольку юридическая фикция вообще не согласуется с принципом законности, скорее, наоборот, она ему отчасти противоречит, но является тем инструментом, посредством которого придается законный характер тем или иным положениям, которые расходятся с реальностью. Некоторые из приведенных выше случаев использования юридической фикции позволяют усомниться и в эффективности ее применения для цели соблюдения прав и свобод человека. Нормы УК РФ призваны обеспечивать защиту как лиц потерпевших от преступлений, так и их совершивших. Использование юридических фикций в уголовном праве способно как существенно улучшать, так и ухудшать положение лица, в отношении которого она применяется. В любом случае ее применение должно быть минимизировано, устанавливаться в законе и применяться на практике только в крайних случаях, когда ее использование будет вынужденным (оправданным) и обоснованным.

Во всех вышеприведенных нами случаях, кроме одного (признания лица совершившим преступление впервые), юридическая фикция существенно ухудшает положение лица, в отношении которого она применяется. При этом если в одних ситуациях ее применение хоть и существенно и ухудшает положение лица, но это можно признать вынужденной мерой и тем самым оправданной, то в других – искусственно созданным без должной в том необходимости, поскольку такое ухудшение представляется противоречащим логике и устоявшимся доктринальным положениям уголовного права. Для наглядности продемонстрируем свое утверждение на примерах.

В частности, признание членов организованной группы соисполнителями совершенных группой преступлений, которые охватывались их умыслом, представляется достаточно оправданным. Соответствующая рекомендация Пленума Верховного Суда РФ по оценке их действий продиктована тем, что в противном случае квалификация действий двух исполнителей без предварительного сговора была бы более тяжелой, чем участников организованной группы [22, с. 66].

Примером неоправданных случаев использования юридической фикции служат нормы, согласно которым менее опасная преступная деятельность (фактическое пособничество) признается самостоятельным преступлением и способна повлечь более строгое наказание, чем сама та преступная деятельность, которой оказывалось пособничество. Например, речь может идти о содействии террористической или диверсионной деятельности, выделенных законодателем в самостоятельные составы преступлений, тогда как, по сути, различные формы их проявления образуют подстрекательство или пособничество [23] к конкретным террористическим или диверсионным преступлениям. А. М. Абдулатипов в таком подходе усматривает перенос, в частности, в ст. 205.1 УК РФ содержания нормы ч. 5 ст. 33 УК РФ Общей части, причем, он подчеркивает, – без надобности, так как содействие охватывается ссылкой на ч. 5 ст. 33 УК РФ, а склонение – на ч. 4 ст. 33 УК РФ,

что, по его мнению, создает конкуренцию положений Общей и Особенной частей УК РФ, которая приводит к их коллизии, нарушению системности закона и дублированию норм Общей и Особенной части УК РФ [24, с. 110–112], с чем полностью следует согласиться.

Наказание за совершение таких искусственно созданных деяний (в которых выделена деятельность соучастника конкретного преступления в самостоятельное деяние) может быть значительно более строгим, чем за то, совершению которого содействует виновный (к которому склоняет или совершению которого способствует), что противоречит логике и отражает несогласованность взаимосвязанных уголовно-правовых норм. Так, в ст. 205.1 УК РФ предусмотрена ответственность за содействие террористической деятельности, которая выражается в склонении, вербовке, ином вовлечении лица в совершение хотя бы одного из преступлений, предусмотренных ст. 205.2, ч. 1–2 ст. 206, ст. 208 УК РФ и др. В санкции ч. 1 ст. 206 УК РФ максимально строгим наказанием установлено лишение свободы сроком до 10 лет, в ч. 2 – сроком до 15 лет, тогда как в ч. 1 ст. 205.1 УК РФ – до 15 лет, в ч. 2 до 20 лет. Таким образом, фактическая подстрекательская или пособническая деятельность к захвату заложника, опираясь на санкции, получается более общественно опасной, чем сам такой захват. Становится это возможным благодаря юридической фикции. В данном случае она существенно ухудшает положение тех лиц, в отношении которых применяется (относительно лиц, только содействующих совершению захвата заложников, но непосредственно не участвующих в нем). Такой подход противоречит устоявшемуся научному мнению и судебной практике о том, что действия исполнителя более опасны, чем подстрекателя или пособника.

Для подтверждения стоит лишь обратиться к судебной практике по различным преступлениям, совершенным в соучастии, и становится очевидным, что действия подстрекателя и (или) пособника наказываются судом ближе к нижнему пределу санкции, предусмотренной

соответствующей статьей Особенной части УК РФ. Так, подстрекателю по ч. 3 ст. 33, ч. 1 ст. 286 УК РФ был назначен штраф 15 тысяч рублей [25], что составило менее 1/5 от максимального размера, установленного санкцией ч. 1 ст. 286 УК РФ, которой предусмотрен штраф до 80 тысяч рублей; по ч. 4 ст. 33, ч. 3 ст. 272 УК РФ назначен штраф 50 тысяч рублей [26], что составляет лишь 1/10 от максимального его размера, определенного санкцией ч. 3 ст. 272 УК РФ в 500 тысяч рублей. Схожая картина наблюдается при назначении наказания пособникам преступлений. Например, по ч. 5 ст. 33, ч. 3 ст. 159 УК РФ было назначено лишение свободы сроком 1 год 2 месяца [27], то есть 1/5 от максимального срока лишения свободы, установленного санкцией соответствующей нормы, в которой предусмотрено до 6 лет лишения свободы; по ч. 5 ст. 33, ч. 1 ст. 205.1 УК РФ назначено лишение свободы сроком на 7 лет [28], что является минимальным сроком данного вида наказания, так как санкцией ч. 1 ст. 205.1 УК РФ установлено лишение свободы сроком от 7 до 15 лет.

Еще более очевидным выглядит ухудшение положения лиц, к которым применяется юридическая фикция в продолжаемом взыскании, поскольку, как отмечено выше, при договоренности о даче/получении взятки в крупном или особо крупном размере, дача/получение уже первой ее части признается оконченным деянием в размере взятки, охватываемом умыслом. Таким образом, даже дача/получение мелкой суммы может влечь вменение оконченного получения/дачи взятки в крупном (особо крупном) размере, тем самым образуя особо квалифицированные деяния (ч. 5–6 ст. 290 и ч. 4–5 ст. 291 УК РФ), которые являются особо тяжкими. Иной подход применяется к оценке продолжаемых деяний других видов: продолжаемой кражи, сбыта наркотических средств в крупном размере по частям и др. Невыполнение всех образующих их эпизодов влечет вменение покушения на деяние в соответствии с умыслом (размером хищения, наркотического средства). Такая оценка действий виновного ни у кого не вызывает возражений, поскольку полностью

соответствует фактическому поведению. Таким же образом должны квалифицироваться и продолжаемые дача/получение взятки, а не с момента передачи/получения уже первой ее части. Признать вынужденным рекомендованный Пленумом Верховного Суда РФ подход к их оценке не представляется возможным (например, невозможно обосновать, что взяточничество более опасно, чем сбыт наркотических средств, и т. д.).

Случаи использования юридической фикции, улучшающие положение виновных лиц, также могут быть как оправданными (например, с точки зрения справедливости и гуманизма), так и нет. Продемонстрировать это можно на основе понятия лица, признаваемого совершившим преступление впервые. Как уже упоминалось, перечень обстоятельств, в силу которых лицо признается таковым, представлен в постановлении Пленума Верховного Суда РФ [16]. Юридическая фикция в этом понятии проявляется в случаях, когда фактически лицо совершает преступление повторно и даже многократно, однако юридически каждый раз признается совершившим его впервые. Так, если преступление совершается после снятия или погашения судимости, то по меньшей мере можно говорить о том, что лицо отбыло наказание за ранее совершенное деяние, в период судимости соблюдало закон (проявляло отсутствие намерения совершить преступление), тогда признание нового преступления первым можно обосновать предшествующим правопослушным поведением и тем самым оправданным. В остальных случаях совершенные преступления вряд ли можно признать совершенными впервые. Ученые небезосновательно оспаривают признание лица совершившим преступление впервые в случае, если оно ранее, совершив деяние, было освобождено от ответственности по нерекабилитирующим обстоятельствам, так как по факту совершенного деяния проводится расследование, лицо признает свою вину в его совершении и т. д., а также констатируют, что лицо может многократно совершать идентичные деяния, и при этом у него сохраняется право на освобождение от ответственности

по одним и тем же основаниям [29, с. 89], каждый раз оно юридически признается лицом, совершившим преступление впервые. Основу такого положения и создает юридическая фикция. Поэтому правы ученые, которые при наличии таких положений в УК РФ ставят вопрос об эффективности уголовно-правовой защиты соответствующих отношений, а также о реализации задачи уголовного закона относительно предупреждения преступлений (ч. 1 ст. 2 УК РФ) [29, с. 89]. Действительно, некоторые из оснований признания лица совершившим преступление впервые не соответствуют задаче предупреждения совершения новых преступлений лицом, ранее их совершавшим. Кроме того, по нашему мнению, такие положения противоречат принципу справедливости. Поэтому следует согласиться и поддержать предложение о том, что только один раз лицу должно быть дано право доказать, что совершенное деяние – это не закономерность в его жизни [30, с. 32].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Юридическая фикция как механизм признания юридическим фактом явления, которое не соответствует действительности (фактическим, объективным обстоятельствам), в уголовном праве является достаточно широко распространенным явлением. Прямо не называя, законодатель ее использует в завуалированном виде в конструкциях уголовно-правовых норм как Общей, так и Особенной части УК РФ. Формируется она посредством использования различных нормативных конструкций и имеет различные проявления.

Еще более широко, чем в законе, она фигурирует в правоприменительной практике, поскольку кладется в основу квалификации преступных деяний. Рекомендации по ее применению содержатся в ряде постановлений Пленума Верховного Суда РФ (о судебной практике по делам об убийстве, о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности и др.).

Использование юридической фикции как в конструкциях уголовно-правовых норм, так и в практической деятельности существенно

улучшает или ухудшает положение тех лиц, в отношении которых она применяется. При этом анализ применения юридических фикций позволяет констатировать, что в одних случаях их использование является вынужденной мерой (и поэтому оправданной), обеспечивающей справедливое применение уголовного закона, тогда как в других противоречит устоявшимся теоретическим положениям и сложившейся правоприменительной практике по схожим делам, в которых она не применяется.

Особенность юридической фикции в уголовном праве проявляется в том, что она всегда обладает императивно-деформирующим характером, в связи с чем, по справедливому заявлению некоторых ученых, ее использование должно быть ограниченным во всех отраслях права [14, с. 250], а по нашему мнению, прежде всего в уголовном, поскольку последнее

обладает карательным потенциалом, применение которого нередко ставится в зависимость от юридической фикции.

Являясь вспомогательным механизмом правового регулирования, юридическая фикция составляет необходимый элемент текста уголовного закона. Ее использование в нормах УК РФ, во-первых, способствует усвоению смысла уголовно-правовых запретов и его донесения как до граждан, которым они адресованы, так и до правоприменителя, который реализует их практическое толкование и применение, и, во вторых, позволяет преодолевать неопределенность отдельных положений и устранять противоречия в реализации уголовно-правовых предписаний. Вместе с тем разнообразие ее проявления в уголовном праве вызывает много дискуссионных вопросов, в связи с чем заслуживает дальнейшего исследования.

Список источников

1. Ситникова А. И. Правоприменительные фикции в уголовном праве // *Ius Publicum et Privatum: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*. 2023. № 1. С. 186–192. <https://doi.org/10.46741/2713-2811.2023.21.1.020>.
2. Кузнецов А. П. Феномен юридической фикции в уголовном праве: теория и практика // *Вестник Краснодарского университета МВД России*. 2023. № 4. С. 45–49.
3. Абдулханьянов И. А., Кузнецов А. П. Юридическая фикция в уголовном праве // *Фемида : тезисы VIII Междунар. конкурса науч.-исслед. работ молодых ученых, аспирантов, соискателей, студентов образовательных учреждений высшего и среднего профессионального образования и школьников*, 15 сентября 2021 г., г. Чебоксары. Чебоксары : Чебоксарский кооперативный институт (филиал) Российского университета кооперации, 2022. С. 3–7.
4. Ситникова А. И. Законодательные фикции в уголовном праве // *Журнал прикладных исследований*. 2022. Т. 5, № 11. С. 435–439.
5. Денисова А. В. Саморегуляция в российском уголовном праве // *Lex Russica*. 2015. № 12. С. 52–63.
6. Тарасенко В. В. Презумпции и фикции в современном уголовном праве России : автореф. ... дис. канд. юрид. наук. Краснодар, 2017. 27 с.
7. Грузинская Е. И., Пронина М. П. Презумпции и фикции как средства юридической техники в уголовном законодательстве // *Вестник Воронежского государственного университета*. Серия: право. 2019. № 3. С. 315–323.

References

1. Sitnikova A. I. Law enforcement fictions in criminal law. *Ius Publicum et Privatum: Online Scientific and Practical Journal of Private and Public Law*. 2023;(1):186–192. <https://doi.org/10.46741/2713-2811.2023.21.1.020>. (In Russ.).
2. Kuznetsov A. P. The phenomenon of legal fiction in criminal law: Theory and practice. *Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii*. 2023;(4):45–49. (In Russ.).
3. Abdulkhannyanov I. A., Kuznetsov A. P. Yuridicheskaya fiktsiya v ugovnom prave. In: *Abstracts of the 8th International Competition of Scientific Research Works of Young Scientists, Graduate Students, Applicants, Students of Educational Institutions of Higher and Secondary Vocational Education and Schoolchildren "Femida"*, September 15, 2021, Cheboksary. Cheboksary: Cheboksary Cooperative Institute (branch) of the Russian University of Cooperation; 2022. p. 3–7. (In Russ.).
4. Sitnikova A. I. Legislative fictions in criminal law. *Journal of Applied Research*. 2022;5(11):435–439. (In Russ.).
5. Denisova A. V. Self-regulation in Russian criminal law. *Lex Russica*. 2015;(12):52–63. (In Russ.).
6. Tarasenko V. V. Prezumpcii i fiktsii v sovremennom ugovnom prave Rossii. Extended abstract of Cand. Sci. Thesis (Law). Krasnodar; 2017. 27 p. (In Russ.).
7. Gruzinskaya E. I., Pronina M. P. Prezumpcii i fiktsii kak sredstva yuridicheskoy tekhniki v ugovnom zakonodatelstve. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: pravo*. 2019;(3):315–323. (In Russ.).

8. Абдулханьянов И. А. Понятие и признаки юридической фикции в уголовном праве // Пробелы в российском законодательстве. 2022. Т. 15, № 2. С. 166–174.
9. Дядькин Д. С., Щелкунов В. А. К вопросу о понятии уголовно-правовой фикции // Вестник Сургутского государственного университета. 2025. Т. 13, № 3. С. 99–104. <https://doi.org/10.35266/2949-3455-2025-3-10>.
10. Курсова О. А. Фикции в российском праве : дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2001. 193 с.
11. Рыбалка А. А. Мотив необоснованного отказа в приеме на работу или необоснованного увольнения беременной женщины или женщины, имеющей детей в возрасте до трех лет // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2015. № 3. С. 35–36.
12. Ларина Л. Ю., Пантюхина И. В. Необоснованный отказ в приеме на работу или необоснованное увольнение лица, достигшего предпенсионного возраста (ст. 144.1 УК РФ) – новая «мертвая норма» уголовного закона // Новеллы права и политики 2018 : материалы Междунар. науч.-практ. конф., 30 ноября 2018 г., г. Гатчина. Гатчина : Государственный институт экономики, финансов, права и технологий, 2019. С. 320–324.
13. Данные судебной статистики. URL: <https://cdep.ru/?id=79> (дата обращения: 12.03.2026).
14. Головастова Ю. А. Фикции в уголовном и уголовно-исполнительном праве // Проблемы уголовной ответственности и наказания : сборник материалов Междунар. науч.-практ. конф., посвященной памяти профессоров В. А. Елеонского и Н. А. Огурцова, 30 мая 2025 г., г. Рязань. Рязань : Академия права и управления ФСИН, 2025. С. 247–250.
15. Изаkson Р. А. Юридические фикции в уголовном законе // Образование и право. 2024. № 9. С. 344–347.
16. О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 № 19 (ред. от 29.11.2016). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
17. Назаренко Г. В. Фикции и фиктивность в уголовном праве // Юридический вестник Самарского университета. 2025. Т. 11, № 4. С. 130–135. <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2025-11-4-130-135>.
18. О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ) : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 № 1 (ред. от 03.03.2015). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
19. О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24 (ред. от 09.12.2025). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
20. О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о делящихся и продолжаемых преступлениях : постановление Пленума Верховного
8. Abdulkhannyanov I. A. The concept and signs of legal fiction in criminal law. *Gaps in Russian Legislation*. 2022;15(2):166–174. (In Russ.).
9. Dyadkin D. S., Shchelkunov V. A. On legal fiction definition. *Surgut State University Journal*. 2025;13(3):99–104. <https://doi.org/10.35266/2949-3455-2025-3-10>. (In Russ.).
10. Kursova O. A. *Fiktzii v rossiyskom prave*. Cand. Sci. Thesis (Law). Nizhny Novgorod; 2001. 193 p. (In Russ.).
11. Rybalka A. A. Motiv neobosnovannogo otkaza v prieme na rabotu ili neobosnovannogo uvolneniya beremennoy zhenshchiny ili zhenshchiny, imeyushchey detey v vozraste do trekh let. *Yuridicheskiy vestnik Kubanskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2015;(3):35–36. (In Russ.).
12. Larina L. Yu., Pantyukhina I. V. Neobosnovanny otkaz v prieme na rabotu ili neobosnovannoe uvolnenie litsa, dostigshhego predpensionnogo vozrasta (st. 144.1 UK RF) – novaya “mertvaya norma” ugovolnogo zakona. In: *Proceedings of the International Research-to-Practice Conference “Novelly prava i politiki 2018”*, November 30, 2018, Gatchina. Gatchina: Gatchina University; 2019. p. 320–324. (In Russ.).
13. Dannye sudebnoy statistiki. URL: <https://cdep.ru/?id=79> (accessed: 12.03.2026). (In Russ.).
14. Golovastova Yu. A. Fiktzii v ugovolnom i ugovolno-ispolnitelnom prave. In: *Proceedings of the International Research-to-Practice Conference in Memory of Prof. V. A. Eleonsky and Prof. N. A. Ogurtsov “Problemy ugovolnoy otvetstvennosti i nakazaniya”*, May 30, 2025, Ryazan. Ryazan: The Academy of Law Management of the Federal Penitentiary Service of Russia; 2025. p. 247–250. (In Russ.).
15. Izakson R. A. Legal fictions in criminal law. *Education and Law*. 2024;(9):344–347. (In Russ.).
16. On the application by courts of legislation regulating the grounds and procedure for exemption from criminal liability: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 19 of June 27, 2013 (as amended on November 29, 2016). Accessed through Law assistance system “Consultant Plus”. (In Russ.).
17. Nazarenko G. V. Fiktzii i fiktivnost v ugovolnom prave. *Juridical Journal of Samara University*. 2025;11(4):130–135. <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2025-11-4-130-135>. (In Russ.).
18. On judicial practice in cases of murder (Art. 105 of the Criminal Code of the Russian Federation): Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 1 of January 27, 1999 (as amended on March 3, 2015). Accessed through Law assistance system “Consultant Plus”. (In Russ.).
19. On judicial practice in cases of bribery and other corruption-related crimes: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 24 of July 9, 2013 (as amended on December 9, 2025). Accessed through Law assistance system “Consultant Plus”. (In Russ.).
20. On certain issues of judicial practice in criminal cases concerning continuing and ongoing crimes: Resolu-

- Суда РФ от 12.12.2023 № 43. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
21. Рябцева Е. В. Особенности конституционно-правового содержания уголовно-процессуальных норм в решениях Конституционного Суда Российской Федерации // КриминалистЪ. 2010. № 1. С. 57–61.
  22. Арутюнов А. Ошибки при квалификации содеянного группой по предварительному сговору // Российская юстиция. 2001. № 9. С. 65–66.
  23. Пантюхина И. В. Критические замечания к новым преступлениям, связанным с диверсионной деятельностью // Актуальные проблемы науки и практики: гатчинские чтения – 2023 : сб. науч. тр. по материалам X Междунар. науч.-практ. конф., 26 мая 2023 г., г. Гатчина. Гатчина : Государственный институт экономики, финансов, права и технологий, 2023. С. 180–184.
  24. Абдулатипов А. М. Проблемы уголовно-правового регулирования ответственности за содействие террористической деятельности // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2021. Т. 38, № 2. С. 108–114.
  25. Приговор от 18.12.2019 по делу № 1-415/2019. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/OZ5SO0GzIO5C/?ysclid=mnty1ul913293145151> (дата обращения: 30.03.2026).
  26. Приговор от 21.08.2023 по делу № 1-216/2023. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/QxuOLDfYj2WK/?ysclid=mntz1zg69m188451936> (дата обращения: 30.03.2026).
  27. Приговор от 31.07.2023 по делу № 1-237/2023. URL: https://opis-cdn.tinkoffjournal.ru/mercury/nzhelatelnyi-zvonok_case_1-237_2023.dihyj2etf4g5..pdf (дата обращения: 30.03.2026).
  28. Кассационное определение Верховного Суда РФ от 24.03.2026 № 222-УД26-6-А6. URL: <https://sudact.ru/vsrf/doc/ZthPJqdUkelj/?ysclid=mnydm6vqm8678192180> (дата обращения: 30.03.2026).
  29. Ларина Л. Ю. Понятие лица, впервые совершившего преступление // Юридическая наука. 2014. № 1. С. 87–90.
  30. Кузнецова Н. Частичное прекращение уголовного дела при множественности преступлений // Законность. 2001. № 3. С. 31–32.
  - tion of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 43 of December 12, 2023. Accessed through Law assistance system “Consultant Plus”. (In Russ.).
  21. Ryabtseva E. V. Osobennosti konstitutsionno-pravovogo sodержaniya ugovolno-protsessualnykh norm v resheniyakh Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii. *Kriminalist*. 2010;(1):57–61. (In Russ.).
  22. Arutyunov A. Oshibki pri kvalifikatsii sodeyannogo gruppy po predvaritelnomu sgovoru. *Rossiyskaya yustitsiya*. 2001;(9):65–66. (In Russ.).
  23. Pantyukhina I. V. Kriticheskie zamechaniya k novym prestupleniyam, svyazannym s diversionnoy deyatel'nostyu. In: *Proceedings of the 10th International Science-to-Practice Conference “Aktualnye problemy nauki i praktiki: gatchinskie chteniya – 2023”*, May 26, 2023, Gatchina. Gatchina: Gatchina University; 2023. p. 180–184. (In Russ.).
  24. Abdulatipov A. M. Problems of criminal law regulation of responsibility for the promotion of terrorist activities. *Law Herald of Dagestan State University*. 2021;38(2):108–114. (In Russ.).
  25. Prigovor ot 18.12.2019 po delu No. 1-415/2019. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/OZ5SO0GzIO5C/?ysclid=mnty1ul913293145151> (accessed: 30.03.2026). (In Russ.).
  26. Prigovor ot 21.08.2023 po delu No. 1-216/2023. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/QxuOLDfYj2WK/?ysclid=mntz1zg69m188451936> (accessed: 30.03.2026). (In Russ.).
  27. Prigovor ot 31.07.2023 po delu No. 1-237/2023. URL: https://opis-cdn.tinkoffjournal.ru/mercury/nzhelatelnyi-zvonok_case_1-237_2023.dihyj2etf4g5..pdf (accessed: 30.03.2026). (In Russ.).
  28. Kassatsionnoe opredelenie Verkhovnogo Suda RF ot 24.03.2026 No. 222-UD26-6-A6. URL: <https://sudact.ru/vsrf/doc/ZthPJqdUkelj/?ysclid=mnydm6vqm8678192180> (accessed: 30.03.2026). (In Russ.).
  29. Larina L. Yu. Ponyatie litsa, vpervye sovershivshogo prestuplenie. *Yuridicheskaya nauka*. 2014;(1):87–90. (In Russ.).
  30. Kuznetsova N. Chastichnoe prekrashchenie ugovolnogo dela pri mnozhestvennosti prestupleniy. *Zakonnost*. 2001;(3):31–32. (In Russ.).

Информация об авторах

И. В. Пантюхина – кандидат юридических наук, доцент;

<https://orcid.org/0000-0001-8901-2910>,
i.pantuyhina@rsu-rzn.ru

В. Е. Южанин – доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы, почетный работник сферы образования Российской Федерации;
<https://orcid.org/0000-0003-3123-1293>,
yuzhanin1950@mail.ru

About the authors

I. V. Pantyukhina – Candidate of Sciences (Law), Docent;

<https://orcid.org/0000-0001-8901-2910>,
i.pantuyhina@rsu-rzn.ru

V. E. Yuzhanin – Doctor of Sciences (Law), Professor, Honorary Worker of Higher Education, Merited Worker of Education of the Russian Federation;
<https://orcid.org/0000-0003-3123-1293>,
yuzhanin1950@mail.ru

Научная статья

УДК 342.951(470+571)

<https://doi.org/10.35266/2949-3455-2026-2-12>

Об освобождении некоторых категорий обязательных требований от единого регулирования

Алексей Михайлович Переседов

Центральный банк Российской Федерации, Москва, Россия

Филиал Российского государственного гуманитарного университета в г. Домодедово
Московской области, Домодедово, Россия

Аннотация. Статья посвящена анализу факта исключения из-под единого регулирования, предусмотренного Федеральным законом от 31.07.2020 № 247-ФЗ «Об обязательных требованиях в Российской Федерации», процесса установления и оценки применения отдельных категорий обязательных требований. Цель работы – определить причины создания особых правовых условий принятия и изменения для отдельных требований (условий, правил, ограничений, обязанностей), регулирующих предпринимательскую и иную экономическую деятельность. Методологическую основу составляют анализ, синтез, формально-логический, сравнительно-правовой, технико-юридический методы. Научная новизна заключается в выведенных на основе проведенного исследования выводах о том, что все обязательные требования обладают едиными признаками, а следовательно, должны регулироваться в рамках единых правовых норм. Выявлено, что создание особых условий установления и оценки применения в отношении обязательных требований может повлечь весьма неблагоприятные последствия, в том числе противоречивую законодательную и правоприменительную практику. Практическая значимость состоит в обосновании совершенствования правового регулирования с целью распространения единого регулирования на все без исключения обязательные требования.

Ключевые слова: обязательные требования, предпринимательская и иная экономическая деятельность, административные барьеры

Для цитирования: Переседов А. М. Об освобождении некоторых категорий обязательных требований от единого регулирования // Вестник Сургутского государственного университета. 2026. Т. 14, № 2. С. 131–139. <https://doi.org/10.35266/2949-3455-2026-2-12>.

Original article

On removal of certain categories of mandatory requirements from unified regulation

Aleksey M. Peresedov

The Central Bank of the Russian Federation, Moscow, Russia

Russian State University for Humanities, Domodedovo Branch, Domodedovo, Russia

Abstract. The article is devoted to the analysis of the fact of exclusion from the unified regulation of the process of establishing and evaluating the application of certain categories of mandatory requirements, which is provided for by Federal Law No. 247-FZ dated July 31, 2020 “On Mandatory Requirements in the Russian Federation”. The purpose of the work is to identify the reasons for the creation of special legal conditions for the adoption and modification of certain requirements (conditions, rules, restrictions, responsibilities) governing entrepreneurial and other economic activities. Analysis, synthesis, formal-logical, comparative-legal, and technical-legal techniques constitute the methodological framework. The research findings show that all mandatory requirements share common characteristics, suggesting they should be governed by uniform legal norms. The research revealed that creating special conditions for establishing and evaluating the applica-

tion of mandatory requirements can lead to very adverse consequences, including contradictory legislative and law enforcement practices. The practical significance lies in substantiating the improvement of legal regulation in order to extend uniform regulation to all mandatory requirements without exception.

Keywords: mandatory requirements, entrepreneurial and other economic activities, administrative barriers

For citation: Peresedov A. M. On removal of certain categories of mandatory requirements from unified regulation. *Surgut State University Journal*. 2026;14(2):131–139. <https://doi.org/10.35266/2949-3455-2026-2-12>.

ВВЕДЕНИЕ

Ретроспективный анализ государственного регулирования хозяйственной деятельности свидетельствует о том, что в рамках правотворческой практики неоднократно предпринимались попытки формирования унифицированных подходов к процедуре установления нормативных предписаний, образующих систему обязательных требований (так называемые единые требования к обязательным требованиям). Указанная тенденция обретает отчетливую эмпирическую верификацию начиная с 2012 г., когда на Правительство Российской Федерации была возложена задача по реализации мероприятий, ориентированных на развитие института оценки регулирующего воздействия применительно к проектам нормативных правовых актов. Более того, главой государства предписывалось в установленном порядке выработать предложения, касающиеся проведения оценки регулирующего воздействия в отношении проектов федеральных законов на этапе их подготовки к рассмотрению Государственной Думой во втором чтении [1, пп. «д» п. 2].

Тем самым был заложен нормативный фундамент для экстенсивного распространения оценочных процедур на ключевые стадии законотворческого процесса, что впоследствии оказало существенное влияние на эволюцию института обязательных требований в российской правовой системе. Как следствие, регулирование обязательных требований предусматривалось в едином ключе, вне зависимости от того, каким нормативным правовым актом установлены обязательные требования и кто осуществляет оценку их соблюдения. Единственным критерием, на основе которого планировалось осуществлять или не осуществлять оценочные процедуры в отношении

проекта нормативного правового акта, выступало то, регулирует ли такой проект отношения в области предпринимательской и инвестиционной деятельности или нет.

Вместе с тем, как отмечают отечественные исследователи, право состоит из разнородных юридических норм, вся совокупность которых подразделяется на нормы-правила и нормы-исключения, которые предусматривают особенное регулирование [2, с. 29–31; 3, с. 15]. Данное утверждение имеет важное значение, поскольку если допустить, что изначальная интенция распространить единые требования на нормативные правовые акты хотя бы федеральных органов исполнительной власти, находящихся в контуре руководства Правительства Российской Федерации, была бы реализована в полном объеме, то предписания главы государства, обозначенные в 2012 г., даже в условиях современного правового регулирования сохраняют свою инновационную составляющую. Данный тезис обусловлен тем обстоятельством, что в настоящее время процедура оценки регулирующего воздействия применяется лишь к определенному кругу проектов нормативных правовых актов, направленных на установление или изменение обязательных требований [4, пп. «а» п. 11]. Возникает закономерный вопрос о природе указанного феномена. Требуется научного осмысления проблема наличия либо отсутствия у отдельных категорий обязательных требований существенных особенностей, которые объективно препятствуют экстраполяции на них регуляторного воздействия Федерального закона от 31.07.2020 № 247-ФЗ «Об обязательных требованиях в Российской Федерации» (далее – Закон № 247-ФЗ) и, соответственно, обуславливают их исключение из орбиты его действия.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Объектом исследования являются обязательные требования, процесс установления и оценки применения которых исключены из-под регулирования Закона № 247-ФЗ. Предмет исследования – причины, обоснованность и последствия такого освобождения от единых условий. Основным методом исследования является анализ законодательных актов в сфере обязательных требований и контроля (надзора). Метод синтеза позволил выявить единую правовую природу всех обязательных требований (в том числе тех, которые освобождены от единого регулирования). Формально-логический метод позволил определить общие направления реформ, заданные Президентом Российской Федерации, и характер их действительной реализации на практике. Сравнительно-правовой метод позволил соотнести причины изъятий из-под общего регулирования, предусмотренного законодательством об обязательных требованиях и контрольной (надзорной) деятельностью. Техничко-юридический метод позволил определить понятие и признаки обязательных требований.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Согласно позиции автора настоящей статьи все правила, регулирующие предпринимательскую и иную экономическую деятельность, являются обязательными требованиями, вне зависимости от того, распространяются ли на такие нормы единые условия установления и проверяется ли их исполнение в рамках видов контроля (надзора), подпадающих под регулирование акта, который рука об руку шел с Законом № 247-ФЗ, – Федерального закона от 31.07.2020 № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» (далее – Закон № 248-ФЗ). Данный тезис косвенно подтверждается нормами законодательства (ведь в Законе № 247-ФЗ прямо обозначено, что хоть его положения и не применяются к отдельным правилам, но от этого такие правила не перестают быть обязательными требованиями) [5, ч. 2 ст. 1].

Тем не менее изъятия из-под общего регулирования, предусмотренного Законами № 248-ФЗ и 247-ФЗ, во многом совпадают (например, в части процесса оценки Банком России степени соблюдения обязательных требований, установленных им же в особом порядке) [5, ч. 2 ст. 1; 6, ч. 3 ст. 1, ч. 3–6 ст. 2]. Данное обстоятельство связано преимущественно с тем, что Закон № 247-ФЗ в значительной степени распространяет свое действие на обязательные требования, оценка соблюдения которых осуществляется в рамках видов контроля (надзора), урегулированных Законом № 248-ФЗ. Как следствие, в части изъятий из-под предусматриваемого регулирования Закон № 247-ФЗ выступает своеобразным дублером Закона № 248-ФЗ. Такое совпадение изъятий обусловлено двумя причинами. Во-первых, упоминание об обязательных требованиях в том понимании, в каком мы его имеем в виду сейчас (требования, предъявляемые публично-властными субъектами к предпринимательской и иной экономической деятельности), было впервые допущено именно в акте, регулирующем контроль (надзор). Во-вторых, разработка Законов № 247-ФЗ и 248-ФЗ велась в рамках исполнения одного и того же поручения Президента Российской Федерации и была предусмотрена одной и той же правительственной дорожной картой [7, пп. «б» п. 3; 8, п. 1, 2], в связи с чем разработчики обоих проектов закономерно обменивались мнениями и испытывали влияние друг друга.

Доказательством выводимого нами предположения о дублировании Законов № 247-ФЗ и 248-ФЗ является перечень особых отраслевых изъятий, на которые не распространяются единые условия установления. Так, Закон № 247-ФЗ не распространяется на обязательные требования, которые, например, составляют государственную тайну, устанавливаются в сфере обороны, при угрозе возникновения и (или) возникновении отдельных чрезвычайных ситуаций, в области использования атомной энергии, разрабатываемыми на основе Международных стандартов финансовой отчетности [5, ч. 2 ст. 1]. Все виды контроля

(надзора), в рамках которых оценивается степень соблюдения обозначенных требований, также исключены из-под действия единых правил о контроле (надзоре) с самого раннего периода законодательного регулирования [9, ст. 3; 10, ч. 3.1 ст. 1; 6, ч. 4, 5 ст. 2].

Однако обозначенный перечень отраслевых изъятий из-под общего регулирования не является исчерпывающим.

Так, действие Закона № 247-ФЗ не обязательно для органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления. Данный вывод детерминирован нормативной конструкцией, в соответствии с которой императивная сила принципов установления и оценки применения обязательных требований, а следовательно, и процедур оценки регулирующего воздействия, оценки фактического воздействия и оценки применения распространяется исключительно на федеральных регуляторов: федеральные органы исполнительной власти и уполномоченные организации [5, ч. 1 ст. 10]. Указанное положение вещей формально объясняется тем, что у Правительства Российской Федерации отсутствуют полномочия по установлению правил, в соответствии с которыми должны выстраиваться региональные и муниципальные нормы, а все необходимые процедуры устанавливаются именно правительственными актами [4, 11, 12].

Также следует обратить внимание на то, как Закон № 247-ФЗ распространяет свое действие на обязательные требования, содержащиеся в проектах федеральных законов. Дело в том, что Закон № 247-ФЗ при разработке законодательных актов обязано соблюдать исключительно Правительство Российской Федерации. Это означает, что единые принципы установления обязательных требований при разработке федеральных законов не соблюдают следующие субъекты права законодательной инициативы: Президент Российской Федерации, депутаты Государственной Думы, сенаторы Российской Федерации, а также законодательные (представительные) органы субъектов Российской Федерации. Указанное ограничение сферы действия закона

детерминировано нормативным пробелом, сущность которого заключается в том, что, несмотря на формальное распространение Закона № 247-ФЗ на обязательные требования, содержащиеся в федеральном законодательстве, императивные принципы и процедуры, регламентированные данным актом, являются обязывающими, как уже упоминалось, исключительно для федеральных органов исполнительной власти и уполномоченных организаций.

Дополнительно следует обратить внимание, что Президент Российской Федерации, реализуя свои нормотворческие полномочия посредством издания указов, содержащих обязательные требования, *de jure* также выведен из круга субъектов, на которых возложена обязанность соблюдения принципов и процедур установления и оценки применения таковых требований, предусмотренных Законом № 247-ФЗ [5, ч. 1 ст. 2, ч. 1 ст. 10]. Указанное представляется весьма странным, ведь на практике существует множество примеров президентских актов, в которых присутствуют обязательные требования [13]. Так, например, указами главы государства ограничено осуществление отдельных валютных операций [14, п. 3]; введены лимиты на вывоз иностранной валюты, наличной валюты Российской Федерации и золотых слитков за рубеж [15, п. «е», «ж» п. 1; 16]; обозначены размеры репатриации иностранной валюты [17, п. «а» п. 1]; определен особый порядок выплат из конкурсной массы иностранным лицам при банкротстве российских юридических лиц [18, п. 3].

Как следствие, мы можем наблюдать противоречие между номинальным действием Закона № 247-ФЗ и фактическим отсутствием механизмов имплементации его предписаний применительно к субъектам их принятия.

Наконец, Закон № 247-ФЗ не распространяется на содержание нормативных документов (межгосударственных стандартов, строительных норм и правил, сводов правил), что следует из исчерпывающего перечня актов, которые могут содержать обязательные требования [5, ч. 1 ст. 2]. Данное упущение

представляется наиболее непоследовательным пробелом, поскольку на этапе оценки регулирующего воздействия Закон № 247-ФЗ предусматривал свое действие в отношении нормативных документов [19, ч. 2 ст. 1].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

С учетом изложенного мы можем резюмировать, что исключения из-под регулирования Закона № 247-ФЗ предусматриваются на основе следующих критериев: 1) исключения основываются на особенностях контролируемых лиц (например, в отношении лиц, осуществляющих частную охранную деятельность); 2) исключения основываются на особенностях регуляторов (например, неприменение единых правил в отношении всех актов, устанавливаемых Банком России); 3) исключения основываются на особенностях актов (документов), устанавливающих обязательные требования (например, актов, основанных на международных стандартах финансовой отчетности).

Представляется, что сложившаяся правовая ситуация, проявляющаяся в исключении отдельных категорий обязательных требований из сферы действия унифицированного правового режима, не может быть признана допустимой не только вследствие деформации единообразия нормотворческой и правоприменительной деятельности, но и в силу ряда иных обстоятельств, подлежащих дальнейшей конкретизации.

1. Региональные и муниципальные императивные предписания, безусловно, характеризуются редуцированным по сравнению с федеральными аналогами составом правообязанных субъектов, что детерминировано действием принципа территориальности и ограниченной юрисдикцией соответствующих нормотворческих органов. Однако количественная гетерогенность круга адресатов отнюдь не имплицитно определяет качественную разнородность природы самих обязательных требований или дифференциацию степени их регуляторного воздействия на предпринимательскую и иную экономическую деятельность. Напротив, руководствуясь магистральным вектором на унификацию за-

конодательства и единообразия правоприменительной практики, полагаем необходимым обозначить следующий концептуальный тезис: обязательные требования, инкорпорированные в нормативные акты различного иерархического уровня (федерального, регионального, муниципального), обладают универсальной сущностной природой, что, в свою очередь, детерминирует необходимость применения к ним единообразного подхода в части правового регулирования. Из изложенного с необходимостью вытекает, что различия в территориальной сфере действия норм не могут служить основанием для дифференциации правовых режимов их установления, оценки соблюдения и актуализации [20, с. 15].

2. Нормативные правовые акты главы государства, выступившие нормативной основой и императивным импульсом для проведения масштабной реформы института обязательных требований, имплицитно не содержат и, более того, исключают возможность какой-либо дифференциации или установления изъятий в отношении отдельных категорий нормативных правовых актов в процессе реализации означенной реформы [1, пп. «д» п. 2; 7, пп. «б» п. 3]. Подобный подход в полной мере коррелирует с принципами единообразия законодательства и верховенства закона, предполагающими универсальность правового регулирования в пределах соответствующей юрисдикции.

Конструирование преференциальных правовых режимов для отдельных органов или организаций, выражающееся, в частности, в их освобождении от обязанности по совершенствованию собственного нормотворчества в рамках проводимой реформы, вступает в противоречие с направленностью президентских поручений. Более того, подобная практика нивелирования универсальных требований к отдельным субъектам объективно ставит под сомнение полноту реализации соответствующих поручений, а равно исключает единообразие правоприменительной практики, что в конечном итоге девальвирует саму идею системной трансформации института обязательных требований.

3. Освобождение отдельных регуляторов (например, Банка России в части требований к деятельности кредитных организаций; Росгвардии в части правил к частным охраняемым организациям; Правительства Российской Федерации при разработке изменений, увеличивающих налоговую ставку, и т. д.) от необходимости в едином порядке соблюдать принципы Закона № 247-ФЗ и проходить процедуры, направленные на предотвращение излишних обязательных требований, закономерно повлечет рост административного давления. Данное обстоятельство сведет весь положительный эффект, достигнутый в результате реформ («регуляторной гильотины» и выработки соответствующих законодательных норм) к предсказуемому минимуму.

4. Для всех обязательных требований характерна единая правовая природа – они регулируют деятельность хозяйствующих субъектов при помощи различного характера требований (норм, правил, нормативов, условий, ограничений, запретов, обязанностей), установленных публично-правовыми органами и уполномоченными организациями [21, 22]. Множество факторов, характеризующих особый характер обязательных требований (воздействие на поведение большого количества лиц (как на само контролируемое лицо, так и его работников, контрагентов и т. д.); значительные издержки, сопряженные с необходимостью соблюдения обязательных требований; нарушение обязательных требований влечет нарушение охраняемых законом ценностей) [23, 24, с. 11, 52], обусловили необходимость разработки отдельного порядка установления и оценки применения таких требований.

Совокупность вышеперечисленных факторов, детерминирующих существенные характеристики и функциональные особенности института обязательных требований, в полной мере экстраполируется и на те категории императивных предписаний, которые в силу законодательной воли выведены из-под юрисдикционного действия Закона № 247-ФЗ. Исключение указанных требований из орбиты регулирования данного нормативного акта отнюдь не нивелирует объективно присущие им признаки и не элиминирует их фундаментальные свойства, которые остаются неизменными независимо от наличия или отсутствия специального законодательного режима.

Таким образом, все обязательные требования имеют единую правовую природу вне зависимости от того, в каком акте (документе), каким органом (организацией) и в отношении какого круга контролируемых лиц (в рамках страны, региона или муниципалитета) определены такие правила. Учитывая вышеобозначенные доводы, в целях обеспечения законности и правоприменительной практики в российском правовом поле необходимо урегулировать процесс установления и оценки применения обязательных требований в рамках единого правового поля, которое в настоящее время предусмотрено Законом № 247-ФЗ и рядом подзаконных правовых актов. Существенная общность всех обязательных требований, вне зависимости от их отраслевой принадлежности и нормативного режима, презюмируется в качестве аксиоматического основания дальнейшего доктринального анализа.

Список источников

1. Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления : указ Президента РФ от 07.05.2012 № 601. Доступ из СПС «Гарант».
2. Байдарова М. А. Исключение в праве, юридическая норма и механизм правового регулирования: аспекты соотношения // *Аграрное и земельное право*. 2019. № 5. С. 29–32.
3. Суменков С. Ю. Исключения в праве: общетеоретический анализ : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2016. 58 с.

References

1. On the main directions for improving the public administration system: Decree of the President of the Russian Federation No. 601 of May 7, 2012. Accessed through Law assistance system “Garant”. (In Russ.).
2. Baydarova M. A. An exception in the law, the legal norm and the legal regulation mechanism: The aspect ratio. *Agrarian and Land Law*. 2019;(5):29–32. (In Russ.).
3. Sumenkov S. Yu. Isklyucheniya v prave: obshcheteoreticheskiy analiz. Extended abstract of Doctoral Thesis (Law). Saratov; 2016. 58 p. (In Russ.).

4. О порядке проведения федеральными органами исполнительной власти оценки регулирующего воздействия проектов нормативных правовых актов и проектов решений Евразийской экономической комиссии, а также о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации : постановление Правительства РФ от 17.12.2012 № 1318 (ред. от 15.11.2025). Доступ из СПС «Гарант».
5. Об обязательных требованиях в Российской Федерации : федеральный закон от 31.07.2020 № 247-ФЗ (ред. от 28.02.2025). Доступ из СПС «Гарант».
6. О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации : федеральный закон от 31.07.2020 № 248-ФЗ (ред. от 29.12.2025). Доступ из СПС «Гарант».
7. Перечень поручений по реализации Послания Президента Федеральному Собранию (утв. Президентом РФ 26.02.2019 № Пр-294). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
8. План мероприятий («дорожная карта») по реализации механизма «регуляторной гильотины» (утв. Правительством Российской Федерации 29.05.2019 № 4714п-П36). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
9. О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при проведении государственного контроля (надзора) : федеральный закон от 08.08.2001 № 134-ФЗ (ред. от 22.12.2008). Доступ из СПС «Гарант».
10. О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля : федеральный закон от 26.12.2008 № 294-ФЗ (ред. от 29.12.2025). Доступ из СПС «Гарант».
11. О проведении оценки фактического воздействия нормативных правовых актов, а также о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации : постановление Правительства РФ от 30.01.2015 № 83 (ред. от 29.05.2023). Доступ из СПС «Гарант».
12. Об утверждении Правил оценки применения обязательных требований, содержащихся в нормативных правовых актах, подготовки, рассмотрения доклада о достижении целей введения обязательных требований и принятия решения о продлении срока действия нормативного правового акта, устанавливающего обязательные требования, или о проведении оценки фактического воздействия нормативного правового акта, устанавливающего обязательные требования : постановление Правительства РФ от 31.12.2020 № 2454. Доступ из СПС «Гарант».
13. Переседов А. М. К вопросу о соблюдении принципа законности обязательных требований в актах главы государства // Вестник Российской правовой академии. 2025. № 1. С. 56–67. <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2025-0-1-56-67>.
4. On the procedure for federal executive bodies to conduct regulatory impact assessments of draft regulatory legal acts and draft decisions of the Eurasian Economic Commission, as well as on amendments to certain acts of the Government of the Russian Federation: Resolution of the Government of the Russian Federation No. 1318 of December 17, 2012 (as amended on November 15, 2025). Accessed through Law assistance system “Garant”. (In Russ.).
5. On mandatory requirements in the Russian Federation: Federal Law No. 247-FZ of July 31, 2020 (as amended on February 28, 2025). Accessed through Law assistance system “Garant”. (In Russ.).
6. On state control (supervision) and municipal control in the Russian Federation: Federal Law No. 248-FZ of July 31, 2020 (as amended on December 29, 2025). Accessed through Law assistance system “Garant”. (In Russ.).
7. List of instructions for the implementation of the President’s Message to the Federal Assembly (approved by the President of the Russian Federation No. Pr-294 on February 26, 2019). Accessed through Law assistance system “Consultant Plus”. (In Russ.).
8. Action plan (“roadmap”) for the implementation of the “regulatory guillotine” mechanism (approved by the Government of the Russian Federation No. 4714p-P36 on May 29, 2019). Accessed through Law assistance system “Consultant Plus”. (In Russ.).
9. On the protection of the rights of legal entities and individual entrepreneurs during state control (supervision): Federal Law No. 134-FZ of August 8, 2001 (as amended on December 22, 2008). Accessed through Law assistance system “Garant”. (In Russ.).
10. On the protection of the rights of legal entities and individual entrepreneurs in the implementation of state control (supervision) and municipal control: Federal Law No. 294-FZ of December 26, 2008 (as amended on December 29, 2025). Accessed through Law assistance system “Garant”. (In Russ.).
11. On the assessment of the actual impact of regulatory legal acts, as well as on amendments to certain acts of the Government of the Russian Federation: Resolution of the Government of the Russian Federation No. 83 of January 30, 2015 (as amended on May 29, 2023). Accessed through Law assistance system “Garant”. (In Russ.).
12. On approval of the Rules for assessing the application of mandatory requirements contained in regulatory legal acts, preparing and reviewing a report on achieving the goals of introducing mandatory requirements and making a decision on extending the validity period of a regulatory legal act establishing mandatory requirements, or on conducting an assessment of the actual impact of a regulatory legal act establishing mandatory requirements: Resolution of the Government of the Russian Federation No. 2454 of December 31, 2020. Accessed through Law assistance system “Garant”. (In Russ.).

14. О применении специальных экономических мер в связи с недружественными действиями Соединенных Штатов Америки и примкнувших к ним иностранных государств и международных организаций : указ Президента РФ от 28.02.2022 № 79 (ред. от 20.05.2024). Доступ из СПС «Гарант».
15. О дополнительных временных мерах экономического характера по обеспечению финансовой стабильности Российской Федерации : указ Президента РФ от 01.03.2022 № 81 (ред. от 20.05.2024). Доступ из СПС «Гарант».
16. Об особом порядке вывоза наличной валюты Российской Федерации и аффинированного золота в слитках из Российской Федерации : указ Президента РФ от 25.03.2026 № 193. Доступ из СПС «Гарант».
17. О репатриации резидентами – участниками внешнеэкономической деятельности иностранной валюты и валюты Российской Федерации : указ Президента РФ от 05.07.2022 № 430 (ред. от 18.12.2023). Доступ из СПС «Гарант».
18. О некоторых вопросах осуществления (исполнения) отдельных видов сделок (операций) : указ Президента РФ от 15.10.2022 № 737. Доступ из СПС «Гарант».
19. Проект об обязательных требованиях // Федеральный портал проектов нормативных правовых актов : офиц. сайт. URL: <https://regulation.gov.ru/projects#npa=81764> (дата обращения: 10.03.2026).
20. Переседов А. М. Распространение реформы обязательных требований на акты органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления // Государственная власть и местное самоуправление. 2025. № 6. С. 12–15. <https://doi.org/10.18572/1813-1247-2025-6-12-15>.
21. Осинцев Д. В. Обязательные требования как предмет административно-правовых исследований // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2021. № 1. С. 31–45. https://doi.org/10.34076/22196838_2021_1_31.
22. Сморгачева Л. Н. Развитие административно-правового института обязательных требований // Административное право и процесс. 2023. № 12. С. 8–11. <https://doi.org/10.18572/2071-1166-2023-12-8-11>.
23. Зырянов С. М. Обязательные требования как средство административно-правового регулирования (по проекту федерального закона «Об обязательных требованиях в Российской Федерации») // Актуальные проблемы науки административного права : сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, посвященной 90-летию заслуженного деятеля науки РФ, доктора юридических наук, профессора Б. М. Лазарева, 11 февраля 2020 г., г. Москва. М. : Изд-во «ОнтоПринт», 2020. С. 61–66.
24. Мустафина-Бредихина Д. М. Административно-правовое регулирование государственного конт-
13. Peresedov A. M. On the compliance with the principle of legality of mandatory requirements in the decrees of the President of the Russian Federation. *Herald of the Russian Law Academy*. 2025;(1):56–67. <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2025-0-1-56-67>. (In Russ.).
14. On the application of special economic measures in connection with the unfriendly actions of the United States of America and foreign states and international organizations that have joined them: Decree of the President of the Russian Federation No. 79 of February 28, 2022 (as amended on May 20, 2024). Accessed through Law assistance system “Garant”. (In Russ.).
15. On additional temporary economic measures to ensure the financial stability of the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation No. 81 of March 1, 2022 (as amended on May 20, 2024). Accessed through Law assistance system “Garant”. (In Russ.).
16. On the special procedure for the export of cash currency of the Russian Federation and refined gold bars from the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation No. 193 of March 25, 2026. Accessed through Law assistance system “Garant”. (In Russ.).
17. On the repatriation of foreign currency and the currency of the Russian Federation by residents participating in foreign economic activity: Decree of the President of the Russian Federation No. 430 of July 5, 2022 (as amended on December 18, 2023). Accessed through Law assistance system “Garant”. (In Russ.).
18. On certain issues of implementation (execution) of certain types of transactions (operations): Decree of the President of the Russian Federation No. 737 of October 15, 2022. Accessed through Law assistance system “Garant”. (In Russ.).
19. Proekt ob obyazatelnykh trebovaniyakh. Federalnyy portal proektov normativnykh pravovykh aktov. URL: <https://regulation.gov.ru/projects#npa=81764> (accessed: 10.03.2026). (In Russ.).
20. Peresedov A. M. Rasprostranenie reformy obyazatelnykh trebovaniy na акты organov gosudarstvennoy vlasti subektov Rossiyskoy Federatsii i organov mestnogo samoupravleniya. *State Power and Local Self-government*. 2025;(6):12–15. <https://doi.org/10.18572/1813-1247-2025-6-12-15>. (In Russ.).
21. Osintsev D. Mandatory requirements as a subject of administrative and legal research. *Elektronnoe prilozhenie k “Rossiyskomu yuridicheskomu zhurnalu”*. 2021;(1):31–45. https://doi.org/10.34076/22196838_2021_1_31. (In Russ.).
22. Smorchkova L. N. Razvitie administrativno-pravovogo instituta obyazatelnykh trebovaniy. *Administrative Law and Procedure*. 2023;(12):8–11. <https://doi.org/10.18572/2071-1166-2023-12-8-11>. (In Russ.).
23. Zyryanov S. M. Obyazatelnye trebovaniya kak sredstvo administrativno-pravovogo regulirovaniya (po proektu federalnogo zakona “Ob obyazatelnykh trebova-

роля обязательных требований, предъявляемых к качеству медицинской деятельности в России : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. 237 с.

niyakh v Rossiyskoy Federatsii”). In: *Proceedings of the All-Russian Research-to-Practice Conference with International Participation, dedicated to the 90th Anniversary of the Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Sciences (Law), Prof. B. M. Lazarev “Aktualnye problemy nauki administrativnogo prava”*, February 11, 2020, Moscow. Moscow: Izd-vo “Onto-Print”; 2020. p. 61–66. (In Russ.).

24. Mustafina-Bredikhina D. M. *Administrativno-pravovoe regulirovanie gosudarstvennogo kontrolya obyazatelnykh trebovaniy, predyavlyaemykh k kachestvu meditsinskoy deyatel'nosti v Rossii*. Cand. Sci. Thesis (Law). Moscow; 2018. 237 p. (In Russ.).

Информация об авторе

А. М. Переседов – кандидат юридических наук, доцент, консультант Департамента финансовой стабильности Центрального банка Российской Федерации; <https://orcid.org/0009-0001-3970-9442>, peresedov.alexey@yandex.ru

About the author

A. M. Peresedov – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Consultant of the Financial Stability Department of the Central Bank of the Russian Federation; <https://orcid.org/0009-0001-3970-9442>, peresedov.alexey@yandex.ru

Научная статья

УДК: 343.775(5)

<https://doi.org/10.35266/2949-3455-2026-2-13>

Правовое регулирование и криминологические риски оборота углеродных единиц в странах Азии

Сергей Иванович Рудницкий

Югорский государственный университет, Ханты-Мансийск, Россия

Аннотация. Статья посвящена исследованию правового регулирования оборота углеродных единиц и связанных с ним криминогенных рисков в Китайской Народной Республике, Республике Корея и Республике Казахстан. Предметом исследования являются нормы законодательства, регулирующие функционирование систем торговли квотами на выбросы парниковых газов, а также уголовно-правовые средства реагирования на противоправные деяния в данной сфере. Цель работы состоит в выявлении особенностей правового обеспечения углеродного регулирования и факторов, способствующих формированию эколого-экономической преступности. Автором установлено, что отсутствие специальных составов преступлений, непосредственно посвященных нарушениям в сфере климатического регулирования, обуславливает применение общих норм о мошенничестве, злоупотреблении полномочиями и подлоге документов. Научная новизна заключается в комплексной криминологической оценке оборота углеродных единиц как самостоятельной сферы повышенного криминогенного риска. Сделан вывод о необходимости совершенствования уголовно-правовых и превентивных механизмов в условиях развития углеродных рынков.

Ключевые слова: экологические преступления, углеродные единицы, экономические преступления, мошенничество, корпоративная преступность, уголовное законодательство

Для цитирования: Рудницкий С. И. Правовое регулирование и криминологические риски оборота углеродных единиц в странах Азии // Вестник Сургутского государственного университета. 2026. Т. 14, № 2. С. 140–148. <https://doi.org/10.35266/2949-3455-2026-2-13>.

Original article

Legal regulation and criminological risks of carbon unit turnover in Asian countries

Sergey I. Rudnitsky

Yugra State University, Khanty-Mansiysk, Russia

Abstract. The article is devoted to the study of the legal regulation of the turnover of carbon units and related criminal risks in the People's Republic of China, the Republic of Korea, and the Republic of Kazakhstan. The subject of the study is the legal norms governing the functioning of greenhouse gas emissions trading systems as well as criminal law means of responding to illegal acts in this area. The purpose of the work is to identify the features of the legal provision of carbon regulation and the factors contributing to the formation of environmental and economic crime. The foundational methodology encompasses formal-legal, comparative-legal, and systematic approaches. It has been established that the absence of specific constituent elements of crime devoted to violations in climate regulation determines the application of general rules on fraud, abuse of authority, and forgery of documents. The scientific novelty lies in a comprehensive criminological assessment of the turnover of carbon units as an independent area of increased criminogenic risk. It is therefore deemed essential to enhance criminal legislation and preventative strategies in light of carbon market advancements.

Keywords: environmental crimes, carbon units, economic crimes, fraud, corporate crime, criminal law

For citation: Rudnitsky S. I. Legal regulation and criminological risks of carbon unit turnover in Asian countries. *Surgut State University Journal*. 2026;14(2):140–148. <https://doi.org/10.35266/2949-3455-2026-2-13>.

ВВЕДЕНИЕ

На современном этапе развития международной климатической политики вопросы ограничения выбросов парниковых газов перестали носить исключительно экологический характер и все в большей степени затрагивают экономическую, финансовую и правовую составляющую. Формирование механизмов углеродного регулирования, включая системы торговли квотами и биржевого оборота углеродных единиц, обусловило появление качественно нового сегмента общественных отношений, находящегося на стыке экологической повестки, рыночных инструментов и государственного регулирования. В условиях, когда углеродные единицы приобретают экономическую стоимость и становятся объектом биржевого оборота, они неизбежно превращаются в потенциальный объект противоправных посягательств, что актуализирует необходимость их анализа с позиций криминологии и уголовного права [1, с. 18–19].

Эволюция углеродных биржевых рынков сопровождается высокой степенью институциональной сложности, использованием цифровых систем учета, привлечением независимых верификаторов и трансграничным характером сделок. Эти особенности формируют благоприятную среду для возникновения специфических криминогенных рисков, связанных с фальсификацией данных о выбросах, манипулированием отчетностью, злоупотреблениями при реализации климатических проектов и мошенническими схемами в сфере торговли углеродными единицами. При этом значительная часть подобных деяний отличается высокой латентностью, что затрудняет их выявление и адекватную уголовно-правовую оценку.

Особое внимание в данном контексте заслуживает азиатский регион, который в последние годы становится одним из ключевых центров формирования глобального углерод-

ного рынка. Азиатские страны демонстрируют различные модели правового регулирования оборота углеродных единиц, отличающиеся по степени государственно-административного контроля, уровню развития финансовых институтов и подходам к обеспечению экологической безопасности. Китай, Республика Корея и Казахстан, несмотря на различия в правовых системах и экономических моделях, объединены активным внедрением механизмов углеродного регулирования и участием в реализации международных климатических обязательств. Вместе с тем именно многообразие правовых подходов и различия в уровне институциональной зрелости создают неоднородное криминологическое пространство, требующее сравнительного анализа.

Одним из аспектов исследования является анализ уголовно-правовых средств реагирования на криминогенные риски, возникающие в сфере оборота углеродных единиц. В уголовном законодательстве Китая, Кореи и Республики Казахстан (далее по тексту – РК) отсутствуют специальные составы преступлений, непосредственно посвященные нарушениям в сфере климатического регулирования, однако соответствующие деяния могут подпадать под общие нормы о мошенничестве, злоупотреблении должностными полномочиями, фальсификации документов, незаконной предпринимательской деятельности, а в отдельных случаях – под экологические и экономические преступления.

Целью исследования выступает выявление закономерностей трансформации преступности в условиях институционализации оборота углеродных единиц в странах Азии, определение структуры и содержания формирующихся эколого-экономических криминогенных рисков, а также оценка достаточности действующих уголовно-правовых механизмов для противодействия противоправным деяниям в сфере климатического регулирования.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

В ходе проведения исследования использован методологический инструментарий, включающий формально-юридический, сравнительно-правовой, логический и системный подходы, а также элементы криминологического анализа. Объектом исследования выступают общественные отношения, возникающие в сфере правового регулирования оборота углеродных единиц в Китайской Народной Республике (далее – КНР), Республике Корея и Республике Казахстан.

В процессе работы осуществлен анализ нормативных правовых актов, регулирующих функционирование систем торговли квотами на выбросы парниковых газов, а также норм уголовных кодексов, применяемых при квалификации противоправных деяний, связанных с искажением данных о выбросах и злоупотреблением полномочиями.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Рассмотрение оборота углеродных единиц с криминологической точки зрения предполагает отказ от узкого понимания экологической преступности как совокупности деяний, непосредственно причиняющих вред природным объектам. В условиях климатического регулирования противоправное поведение все чаще принимает опосредованные формы, при которых ущерб окружающей среде и экологической безопасности причиняется через искажение экономических и правовых механизмов, предназначенных для сокращения выбросов парниковых газов. Оборота углеродных единиц в этом смысле выступает не только инструментом экологической политики, но и новой криминогенной средой, в рамках которой формируются специфические формы эколого-экономической преступности [2, с. 79–81]. Важно отметить, что данная сфера характеризуется сочетанием традиционных и новых детерминант преступности. К числу традиционных факторов относятся корыстная мотивация, стремление к снижению издержек хозяйственной деятельности и извлечению незаконной выгоды, а также недостаточная эффективность контроля со

стороны государственных органов. Вместе с тем оборот углеродных единиц формирует и новые криминогенные факторы, связанные с цифровизацией учета выбросов, сложностью расчетных методик, привлечением специализированных посредников и трансграничным характером сделок. Эти обстоятельства существенно расширяют возможности для сокрытия противоправного поведения и способствуют росту латентности соответствующих преступлений.

Отправной точкой для анализа азиатской модели углеродного регулирования является опыт Китайской Народной Республики, в которой правовое обеспечение экологической безопасности и климатической политики сформировано на основе сочетания базовых экологических норм и специализированных механизмов государственного контроля. Закон КНР «О защите окружающей среды» закрепляет комплекс обязательных требований, направленных на предупреждение, сокращение и устранение вредного воздействия хозяйственной деятельности на окружающую среду, включая регулирование и контроль выбросов загрязняющих веществ и парниковых газов. Указанный нормативный акт выполняет системообразующую функцию, определяя правовые рамки экологической ответственности субъектов хозяйствования и создавая основу для внедрения инструментов климатического регулирования, в том числе механизмов учета и оборота углеродных единиц.

Отмечается что углеродное регулирование КНР характеризуется высокой степенью централизованного управления, при котором государственные органы определяют лимиты выбросов, методики их расчета, порядок учета, а также систему торговли квотами на выбросы. Учитывая масштаб китайской экономики и долю выбросов КНР в мировом балансе парниковых газов, функционирование углеродного рынка занимает фундаментальное место в национальной стратегии устойчивого развития. Именно взаимодействие правовой институционализации климатических требований с экономическими интересами субъектов хозяйствования формирует

сложную среду, в которой условия для противоправного поведения создаются не только экономическими, но и нормативно-организационными факторами [3, с. 93]. Возникающие криминогенные риски в процессе биржевого оборота углеродных единиц связаны прежде всего с мотивацией участников оборота к получению незаконной выгоды через искажение данных, отчетности и документальных сведений, имеющих юридическое значение. В практике правоохранительных органов таких государств, как Китай, выявлено множество ситуаций, когда недостоверные сведения о выбросах используются для получения дополнительных льгот, расширения квот или психологического «улучшения» экологического имиджа предприятий [4, с. 187–216]. В этом контексте нормы особенной части Уголовного кодекса КНР содержат основания для квалификации таких деяний по различным составам преступлений.

Показательным для понимания рисков биржевого оборота углеродных единиц в КНР является дело *Microcarbon (Guangzhou) Low Carbon Technology LLC v. Guangzhou Carbon Emissions Trading Center LLC*, рассмотренное Народным судом района Хуаду г. Гуанчжоу. В фабуле спора фигурирует конфликт вокруг исполнения договора по сделке с квотами на выбросы: одна сторона заявляет требование о взыскании платы за передачу квот, другая – отрицает наличие обязательства либо его надлежащее оформление [5, с. 10–17]. В гражданско-правовом плане это классический пример спора о действительности и исполнении договора, однако с криминологической точки зрения кейс демонстрирует, что углеродные квоты уже функционируют как экономически значимый актив, вовлекаемый в оборот на специализированной бирже, а споры вокруг него носят системный характер. Анализ данного дела, приведенный в национальном отчете по корпоративным климатическим искам, подчеркивает, что отсутствие единообразных процедур расчетов и проверки контрагентов усиливает риск недобросовестного поведения, манипулирования условиями сделок и последующего возникновения конфликтов,

разрешаемых лишь постфактум в судебном порядке. Для уголовно-правовой охраны ставится вопрос о том, на каком этапе гражданско-правовой конфликт вокруг углеродных активов способен трансформироваться в состав мошенничества или иного преступления против собственности либо порядка управления.

Так, действия, связанные с преднамеренным искажением отчетности о выбросах с целью получения экономической выгоды, могут подпадать под ст. 266 Уголовного кодекса (УК) КНР, предусматривающую ответственность за мошенничество, если установлено, что деяние причинило значительный имущественный ущерб государству или иным лицам. При злоупотреблении должностными полномочиями для заведомо недостоверного отражения информации в официальных экологических отчетах компетентные органы могут квалифицировать такие действия по ст. 385 УК КНР (злоупотребление должностными полномочиями), поскольку это связано с выходом за пределы полномочий и нарушением законных прав общества и государства. Кроме того, ст. 280 УК КНР предусматривает ответственность за нарушение правил производства и эксплуатации, которое повлекло тяжкие последствия для окружающей среды, что может найти применение в случаях, когда предприятия умышленно избегали соблюдения технологических ограничений, установленных законом о защите окружающей среды [6, с. 613–622]. Особая криминологическая значимость также придается противоправным действиям, связанным с фальсификацией технических данных, использованием подложных сертификатов верификации климатических проектов, а также коррупционным схемам при участии посредников и контролирующих органов. Такие деяния могут квалифицироваться как подлог (ст. 280-1 УК КНР), если установлено, что подложные документы представляют собой официальные отчеты или акты контроля, имеющие юридическое значение.

Еще более наглядным примером выступает дело, где углеродные квоты представлены как объект имущественных отношений в деле

Shunchang Branch of the Agricultural Bank of China v. Fujian Rongchang Chemical LLC, рассмотренном Народным судом уезда Шуньчан провинции Фуцзянь. В рамках исполнительного производства суд применил меры по обращению взыскания на неиспользованный объем квот на выбросы CO₂ (10 000 т CO₂-эквивалента), обязав должника выставить соответствующее количество квот на торги на региональной бирже, где впоследствии была реализована часть объема (5 054 т CO₂-эквивалента) [5, с. 18]. В мотивировочной части решения, как фиксируется в аналитическом отчете, суд прямо признал, что, согласно Национальному порядку администрирования торговли квотами на выбросы парниковых газов, углеродные квоты обладают признаками нового вида имущественного права, близкого к нематериальным активам (интеллектуальная собственность), и могут быть объектом обращения взыскания в рамках гражданского процесса. С позиции криминологии это означает, что углеродные единицы/квоты получают устойчивый статус предмета имущественных отношений, а следовательно, потенциально могут становиться предметом преступных посягательств при мошенническом обороте, злоупотреблении полномочиями, подлоге документов и иных деяниях, направленных на неправомерное распоряжение данным активом.

Если же фальсификация данных совершена организованной группой с целью систематического обогащения, это может подпадать под действие ст. 287 УК КНР, предусматривающей ответственность за создание или управление преступной группой. Наконец, деяния, связанные с получением незаконной выгоды через злоупотребление коммерческой тайной или использованием служебного положения для сокрытия нарушений, находят отражение в ст. 167 и 388 УК КНР, что позволяет квалифицировать экономические преступления в сфере климатического регулирования в рамках более широкого круга уголовно-правовых составов [7, с. 64–70].

Примечательным в сравнительном аспекте является опыт Республики Корея, которая,

в отличие от масштабной и во многом административно управляемой китайской модели, реализует более формализованный и юридически детализированный подход к регулированию оборота углеродных единиц. Южная Корея одной из первых в Азии внедрила национальную систему торговли квотами на выбросы (Korean Emissions Trading Scheme – K-ETS), ориентированную на строгую нормативную регламентацию, обязательность участия крупных хозяйствующих субъектов и развитые механизмы отчетности и верификации.

Такая модель предполагает высокий уровень юридической определенности и институционального контроля, однако одновременно формирует специфические криминологические риски, связанные с возможностью манипулирования правовой формой климатических обязательств. В последние годы именно в южнокорейской практике все более отчетливо проявляется феномен «гриновшинга», выражающийся в распространении недостоверной или вводящей в заблуждение информации о климатической ответственности компаний, что подрывает доверие к углеродному рынку и снижает эффективность правового регулирования в сфере экологической безопасности [8, с. 63–66]. С точки зрения уголовно-правовой охраны противоправные деяния в сфере оборота углеродных единиц в Республике Корея не выделены в самостоятельную категорию, однако охватываются рядом составов преступлений, закрепленных в Уголовном кодексе.

С позиции уголовно-правового реагирования на манипулирование экологически значимой информацией показательным делом BMW Korea, рассмотренное Сеульским центральным окружным судом. В январе 2019 г. суд признал местное подразделение BMW виновным в нарушении таможенного законодательства и обязал выплатить штраф в размере 14,5 млрд вон, а также назначил реальное лишение свободы ряду должностных лиц за участие в схеме фальсификации документов об уровне выхлопов, представлявшихся государственным органам для сертификации

автомобилей. По данным открытых источников, речь шла о внесении ложных сведений об эмиссии для порядка 29 000 автомобилей, импортированных с 2011 г., что позволило компании пройти процедуры одобрения по более мягким нормативам и вывести продукцию на рынок [9]. Суд подчеркнул, что такие действия подрывают доверие к системе экологического контроля и препятствуют реализации государственной политики по снижению загрязнения воздуха. Для обеспечения уголовно-правовой охраны дело представляется как реальный пример уголовной ответственности юридического лица (в форме крупного штрафа) и его должностных лиц за искажение экологически значимой информации, напрямую влияющей на оценку выбросов и допуск продукции на рынок.

Предоставление заведомо ложных сведений о выбросах или климатических показателях с целью получения экономической выгоды может квалифицироваться по ст. 347 УК Республики Корея как мошенничество, если доказан факт обмана и причинения имущественного ущерба. Использование служебного положения должностными лицами или ответственными корпоративными субъектами для искажения официальной экологической отчетности подпадает под признаки злоупотребления властью или должностными полномочиями, предусмотренные ст. 122 УК Республики Корея. Кроме того, изготовление и использование поддельных документов, сертификатов или отчетов, имеющих юридическое значение в системе биржевого оборота углеродных единиц, может образовывать состав преступления, предусмотренный ст. 225 УК Республики Корея [10].

Логическим продолжением анализа азиатской модели биржевого оборота углеродных единиц является обращение к опыту Республики Казахстан, который занимает особое место в рассматриваемом ряду государств. В отличие от Китая и Южной Кореи, обладающих развернутыми и институционально зрелыми системами торговли квотами, Казахстан представляет собой пример формирующейся углеродной модели, развивающейся

в условиях постсоветской правовой традиции и евразийской интеграции. В Республике Казахстан обращение углеродных единиц осуществляется в рамках национальной системы торговли выбросами (Kazakhstan Emissions Trading System – KAZ ETS), которая является первой и пока единственной полноформатной системой торговли квотами на выбросы парниковых газов на постсоветском пространстве. KAZ ETS функционирует на основе положений Экологического кодекса Республики Казахстан и подзаконных нормативных актов, регулирующих порядок распределения квот, мониторинга, отчетности и верификации выбросов, а также обращения углеродных единиц на внутреннем рынке [11, с. 103–118]. Углеродные единицы в рамках KAZ ETS признаются экономически значимым активом и допускаются к обороту между участниками системы, что придает им признаки товарного объекта и вовлекает данный механизм в сферу рыночных отношений. Именно институционализация KAZ ETS как экономического инструмента климатической политики предопределяет возникновение криминологических рисков, связанных с манипулированием квотами, фиктивным созданием углеродных офсетов и злоупотреблениями на этапе учета и распределения выбросов.

С позиции уголовно-правовой охраны противоправные деяния, связанные с оборотом углеродных единиц в Республике Казахстан, не имеют самостоятельной криминализации, однако охватываются рядом составов, закрепленных в Уголовном кодексе Республики Казахстан. Искажение данных об объемах выбросов, фиктивное создание углеродных офсетов либо манипулирование отчетностью с целью получения экономической выгоды может квалифицироваться как мошенничество по ст. 190 УК РК, если такие действия повлекли причинение имущественного ущерба государству, юридическим или физическим лицам. При использовании служебного положения должностными лицами уполномоченных органов либо лицами, выполняющими управленческие функции в коммерческих организациях, возможно применение норм

о злоупотреблении должностными полномочиями и превышении власти (ст. 361, 362 УК РК), что особенно актуально в условиях высокой роли государства в распределении квот и администрировании углеродного рынка [12, с. 194–196].

Показательным примером правоприменения в сфере регулирования выбросов парниковых газов и обращения углеродных единиц в Республике Казахстан является дело по иску Департамента экологии по Атырауской области к Товариществу с ограниченной ответственностью «Karabatan Utility Solutions» (ТОО «KUS») (решение Специализированного межрайонного экономического суда Атырауской области от 10.05.2023 № 2301-23-00-2/292). В ходе профилактического контроля было установлено, что фактический объем выбросов диоксида углерода за 2021 г. составил 743 105,874 тонны при согласованном объеме квот 35 482 тонны, в связи с чем установки ТОО «KUS» подпадали под режим квотируемых установок и должны были эксплуатироваться исключительно при наличии углеродных квот [13]. Суд признал, что хозяйствующий субъект осуществлял выбросы парниковых газов без углеродных квот, что противоречит требованиям п. 6 ст. 289 Экологического кодекса Республики Казахстан, прямо запрещающего эксплуатацию квотируемой установки без получения углеродных квот, и удовлетворил исковые требования о запрете эксплуатации соответствующих установок до получения углеродных квот. При этом ранее указанное юридическое лицо уже привлекалось к административной ответственности по ч. 3 ст. 462 Кодекса Республики Казахстан об административных правонарушениях за ненадлежащее исполнение предписания экологического органа, что свидетельствует о формировании комбинированной модели правового воздействия (административной и гражданско-правовой) на участников углеродного рынка.

Фальсификация официальных документов, актов верификации и отчетов, имеющих юридическое значение для учета углеродных единиц, может образовывать состав подлога

документов (ст. 369 УК РК), а в случаях причинения значительного экологического ущерба – квалифицироваться по статьям главы об экологических уголовных правонарушениях (ст. 325–328 УК РК). В криминологическом аспекте указанные деяния характеризуются высокой латентностью, сложностью доказывания и смешанным экономико-экологическим характером, что позволяет рассматривать казахстанский углеродный рынок как зону повышенного криминогенного риска, особенно на этапе его институционального становления.

Сопоставление правовых и криминологических характеристик оборота углеродных единиц в Китае, Южной Корее и Республике Казахстан позволяет выявить как общие закономерности формирования противоправного поведения в сфере климатического регулирования, так и национально-специфические особенности, обусловленные уровнем институционального развития, правовой традицией и ролью государства в экономике. Несмотря на различия в масштабах углеродных рынков и степени их нормативной формализации, все рассмотренные юрисдикции объединяет наличие устойчивых криминогенных рисков, связанных с экономической мотивацией субъектов и сложностью механизмов учета и верификации выбросов парниковых газов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На основании вышеизложенного следует отметить, что оборот углеродных единиц в странах Азиатского региона формирует качественно новую сферу общественных отношений, обладающую выраженным криминогенным потенциалом. Анализ правового регулирования и практики функционирования углеродных рынков в Китае, Южной Корее и Республике Казахстан показывает, что внедрение климатических механизмов, направленных на сокращение выбросов парниковых газов, сопровождается возникновением специфических форм экологически ориентированной экономической преступности. Данные формы противоправного поведения отличаются опосредованным характером

причинения вреда, высокой латентностью и сложностью выявления, что существенно осложняет их криминологическую оценку и уголовно-правовую квалификацию.

В процессе исследования установлено, что ключевыми криминогенными факторами в сфере оборота углеродных единиц выступают экономическая заинтересованность хозяйствующих субъектов, сложность механизмов учета и верификации выбросов, а также нормативная фрагментарность правового регулирования. Несмотря на различия в институциональных моделях – централизованной в Китае, формализованной в Южной Корее и переходной в Казахстане – во всех рассмотренных юрисдикциях выявляются сходные типовые риски, связанные с фальсификацией данных, мошенничеством, злоупотреблением должностными и корпоративными полномочиями, а также подлогом официальной экологической документации. Это позволяет говорить о фор-

мировании устойчивого сегмента экологически ориентированной экономической преступности, обусловленного самой природой углеродного рынка как экономически значимого и нормативно сложного института.

Особое значение имеют выводы, касающиеся обеспечения уголовно-правовой охраны общественных отношений, складывающихся в сфере климатического регулирования. Комплексное изучение уголовного законодательства Китая, Южной Кореи и Республики Казахстан свидетельствует об отсутствии специальных составов преступлений, прямо направленных на защиту порядка биржевого оборота углеродных единиц. Противоправные деяния квалифицируются по общим нормам о мошенничестве, злоупотреблении должностными полномочиями, подлоге документов и экологических преступлениях, что не всегда позволяет адекватно отразить общественную опасность соответствующих деяний.

Список источников

1. Балабанова А. В. Углеродные единицы как инструмент климатической политики: методология, международный опыт и пилотная реализация в рамках Сахалинского эксперимента // Ученые записки Российской Академии предпринимательства. 2025. Т. 24, № 4. С. 16–25. <https://doi.org/10.24182/2073-6258-2025-24-4-16-25>.
2. Морозов В. И., Лосев С. Г. К вопросу о механизме уголовно-правовой охраны оборота углеродных единиц в Российской Федерации // Криминалист. 2023. № 4. С. 78–84.
3. Бабаев К. В. Особенности системы торговли выбросами углекислого газа в КНР // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. 2024. № 5. С. 89–98. <https://doi.org/10.24412/2071-6435-2024-5-89-98>.
4. Ма С. Уголовная ответственность за экологические правонарушения как инструмент предупреждения экологического вреда в Китае // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2019. Т. 14, № 3. С. 187–216.
5. Qin T., Zhou C., Gu J. Global perspectives on corporate climate legal tactics: China National Report. London: British Institute of International and Comparative Law, 2024. 49 p.
6. Пан Д. Уголовная ответственность юридических лиц в Китае: традиционные подходы и современный выбор // Всероссийский криминологический журнал. 2020. Т. 14, № 4. С. 613–622.
7. Пан Д. Корпоративное преступление в китайском уголовном праве // Lex Russica. 2015. № 7. С. 64–70.

References

1. Balabanova A. V. Carbon units as an instrument of climate policy: Methodology, international experience and pilot implementation within the framework of the Sakhalin experiment. *Scientific Notes of the Russian Academy of Entrepreneurship*. 2025;24(4):16–25. <https://doi.org/10.24182/2073-6258-2025-24-4-16-25>. (In Russ.).
2. Morozov V. I., Losev S. G. Revisiting the issue of mechanism for criminal law protection of the carbon units turnover in the Russian Federation. *Criminalist*. 2023;(4):78–84. (In Russ.).
3. Babaev K. V. Features of the carbon dioxide emissions trading system in China. *ETAP: Economic Theory, Analysis, and Practice*. 2024;(5):89–98. <https://doi.org/10.24412/2071-6435-2024-5-89-98>. (In Russ.).
4. Ma X. Criminal responsibility for environmental offences as a tool for prevention of environmental harm in China. *Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS*. 2019;14(3):187–216. (In Russ.).
5. Qin T., Zhou C., Gu J. Global perspectives on corporate climate legal tactics: China National Report. London: British Institute of International and Comparative Law; 2024. 49 p.
6. Pang D. Criminal liability of legal entities in China: Traditional approaches and modern choices. *Russian Journal of Criminology*. 2020;14(4):613–622. (In Russ.).
7. Pang D. Corporate crime in Chinese criminal law. *Lex Russica*. 2015;(7):64–70. (In Russ.).
8. Stepanova M. A., Krekhovets A. V. The features of the criminal legislation of the countries of East Asia

8. Степанова М. А., Креховец А. В. Особенности уголовного законодательства стран Восточной Азии (на примере Южной Кореи) // Вестник Белгородского юридического института МВД России. 2020. № 1. С. 63–66.
9. Seoul court fines BMW \$12.9 million over falsified emissions documents // The Korea Herald. URL: <https://www.koreaherald.com/article/1888306> (дата обращения: 14.02.2026).
10. Уголовный кодекс Республики Корея. URL: <https://vseokoree.com/vse-o-koree/zakony-i-normativnye-pravovye-akty/ugolovnyj-kodeks-respubliki-koreya> (дата обращения: 08.02.2026).
11. Лифшиц И. М., Смбалян А. С., Салия М. Р. Имплементация Парижского соглашения по климату в правовых системах государств – участников ЕАЭС // Lex Russica. 2024. Т. 77, № 1. С. 103–118. <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2024.206.1.103-118>.
12. Матаева М. Х., Мукашева Н. К. Анализ эффективности борьбы с экологическими преступлениями в Казахстане // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2014. № 3. С. 193–199.
13. Специализированный межрайонный экономический суд Атырауской области. URL: <https://atr.sud.kz/rus/sub/atrsmes/575> (дата обращения: 08.02.2026).
- (on the example of South Korea). *Vestnik of Putlin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia*. 2020;(1):63–66. (In Russ.).
9. Seoul court fines BMW \$12.9 million over falsified emissions documents. *The Korea Herald*. URL: <https://www.koreaherald.com/article/1888306> (accessed: 14.02.2026).
10. Criminal Code of the Republic of Korea. URL: <https://vseokoree.com/vse-o-koree/zakony-i-normativnye-pravovye-akty/ugolovnyj-kodeks-respubliki-koreya> (accessed: 08.02.2026). (In Russ.).
11. Lifshits I. M., Smbatyan A. S., Saliya M. R. Implementation of the Paris Climate Agreement in the Legal Systems of the EAEU Member States. *Lex Russica*. 2024;77(1):103–118. <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2024.206.1.103-118>. (In Russ.).
12. Mataeva M. H., Mukasheva N. K. Effectiveness of ecological crimes counteraction in Kazakhstan. *Criminology Journal of Baikal National University of Economics and Law*. 2014;(3):193–199. (In Russ.).
13. Spetsializirovannyy mezhrayonnyy ekonomicheskyy sud Atyrauskoy oblasti. URL: <https://atr.sud.kz/rus/sub/atrsmes/575> (accessed: 08.02.2026). (In Russ.).

Информация об авторе

С. И. Рудницкий – преподаватель;
<https://orcid.org/0009-0001-3507-0215>,
s_rudnitskiy@ugrasu.ru

About the author

S. I. Rudnitsky – Lecturer;
<https://orcid.org/0009-0001-3507-0215>,
s_rudnitskiy@ugrasu.ru